

Григорий Гая Несгибаемый

Эпилог

Заканчивался 1984 год. Святослав и Гита спокойно жили в Риге, потому что КГБ, как Святослав и предполагал, все же оставил его в покое. Такое бывало у ряда преданных — как только они переезжали из одной республики в другую, их на некоторое время или даже совсем комитетчики теряли из виду, потому что по большей части были заинтересованы происходящим только в своей зоне. Теперь, пребывая в благоприятной обстановке, Святослав и Гита решили зачать потомство, исполнив перед этим очистительные ведические церемонии. С помощью них они хотели добиться, чтобы в семью пришла душа с божественными качествами.

В декабре Святослав получил письмо от Лебеда, который сообщал о своей твердости в отношении жизни без наркотиков и алкоголя и о том, что его наркологом является мантра Харе Кришна. Он писал еще, что Макс, который лежал в больнице, совсем перестал колотиться, но пока еще время от времени курит марихуану. Макс читает книги Прабхупады, и иногда они вместе поют мантру, что вкупе очень помогает Максиму разобраться в себе и окружающем мире. Что касается Чеснока, то на него ничего не подействовало, и он попал в тюрьму за разбой. О других наркоманах из больницы Лебедь совсем не знал, поскольку они были не из Кривого Рога. Он сообщил еще, что собирается в следующем году поступать в театральный или литературный ВУЗ, очистив предварительно документы от записей о шизофрении. Еще он писал, что все больше понимает, какое положительное влияние оказала на него встреча со Святославом.

Перед Новым Годом позвонил Жаров, сказал, что

днепропетровские преданные продолжают встречаться и иногда собираются в квартире психотерапевта Владимира, того самого старообрядца. Евгений также сообщал, что закончил перевод одного из трех томов "Книги о Кришне" в авторстве Прабхупады. Другие два тома были уже переведены другими преданными, и теперь Святослав думал опубликовать всю книгу.

Наступал год Быка, который в Ведах является символом религии. Святослав и другие преданные надеялись, что в год Быка Движение сознания Кришны в России получит большой размах. Они не ошибутся и, как покажет время, в 1985 году в Армении будет напечатано несколько десятков тысяч книг Прабхупады, которые довольно быстро распространятся по всему СССР. И уже не в силах Комитета Госбезопасности СССР будет остановить развитие этого поистине духовного Движения.

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

Когда из Москвы унесли олимпийский факел и взбудораженная столица успокоилась от небывалого нашествия иностранцев, лидеры КГБ могли подумать о последователях Движения сознания Кришны. К этому времени адептов учения в стране было уже больше сотни, а книги Прабхупады, основателя Международного Общества сознания Кришны, читали уже тысячи.

Руководителей страны просветительская деятельность вайшнавов очень беспокоила, главным образом потому, что философия Вед, представленная в книгах Прабхупады, не соответствовала положениям марксистско-ленинской философии, на фундаменте которой строилась идеология советского государства. В сущности, идеологи СССР считали, что сознание Кришны способно разрушить социализм. Так, например, об этом в начале восьмидесятых годов упоминал в журнале "Коммунист" заместитель

председателя КГБ С. Цвигун, называя опасными наряду с Движением Харе Кришна рок и кока-колу. Его словам предшествовал зимой 1979 года доклад председателя КГБ Ю.Андропова, посвященный борьбе с идеологическими диверсиями. И хотя в этом докладе говорилось лишь о том, что иностранные спецслужбы могут осуществлять свою подрывную деятельность через религиозные учения, конкретно не указывая ни на одну из религий, тем не менее, доклад стали использовать в качестве инструмента для преследований преданных Кришны. Другими словами, в СССР деятельность последователей Прабхупады охарактеризовали превратно, не приняв во внимание чистоту их помыслов, в действительности, свободных от политики. Таким образом, в КГБ учение о сознании Кришны приняли за идеологическую диверсию США.

Интерес офицеров, решивших искоренить "влияние Запада под видом религии", подогревался возможностью получить на этом деле награды и регалии. В Комитете была создана специальная группа, по ряду свидетельств называвшаяся "Поиск", которую возглавил человек, фигурирующий в архивах под именем майор Белопотапов. Был принят план — провести серию показательных судов над адептами Кришны в разных регионах страны. Между судами планировалось называть в газетах деятельность Общества сознания Кришны антисоветизмом и сумасшествием, предостерегая тем самым граждан страны от рискованного увлечения индуизмом. Таким способом КГБ намеревался защитить СССР от "идеологической диверсии".

К тому времени образовалось несколько сплоченных групп преданных Кришны — в Москве, Риге, Таллинне и Каунасе. В Ленинграде, Красноярске, Екатеринбурге тоже появились вайшнавские коллективы, но они пока не были организованы. По стране путешествовали две проповеднические группы, возглавляемые Ананта-Шанти

(Анатолием Пиняевым), секретарем которого был Бхарадвадж (Валентин Ярощук), и Вриндаваном (Владимиром Кустрей), который не разлучался с Джапой (Юрием Федченко). Тут и там, в больших и малых аудиториях они читали лекции, пели мантры и угощали людей прасадом — освященной пищей.

Особенно массово проповеднические программы проходили в Москве. Здесь вайшнавцы вели себя очень открыто и даже подали властям прошение о регистрации, доверчиво подписав его своими именами. Преданные читали лекции в Домах культуры, кинотеатрах, красных уголках и квартирах. В Институте Спиркина и Институте физкультуры официально действовали группы изучения мантр, одновременно обучающие основам философии вайшнавизма и парапсихологии. Старшим преподавателям этих групп — Ананта Шанти (Анатолию Пиняеву), Сурье (Сергею Митрофанову) и Видуре (Владимиру Девяткину) удалось выпустить несколько потоков учащихся. Также лекции читались в МАИ, МФТИ, МГУ и других ВУЗах.

Одна из таких программ, проходившая весной 1981 года в красном уголке общежития физического факультета МГУ, стала той последней каплей, что делает чашу терпения обеспокоенных невыносимо тяжелой. Терпение ответственных лиц лопнуло, и почти сразу после этого собрания начались преследования. И на самом деле, партийным руководителям, имевшим устоявшиеся представления о том, "что такое хорошо и что такое плохо", было от чего возмутиться. В холле главного учебного заведения страны висели афиши: "Древнейшая система йоги — бхакти-йога. Вкушение освященной пищи — прасада. Мантры". Билеты на эту программу продавались не где-нибудь, а в комитете ВЛКСМ. Об этом с комсоргом ВУЗа договорился преподаватель и аспирант МГУ Владимир Критский, носящий духовное имя Вишвамित्रа.

Собрание проходило в актовом зале общежития физического факультета МГУ, рассчитанном на семьдесят человек, но вобравшим на этот раз вдвое больше. Многие желающие вообще не смогли попасть. Утром следующего дня ректор Университета Лагунов говорил на летучке преподавателям: "Вы знаете, что вчера в здании МГУ была массовая молитва? Здесь устроили религиозную проповедь!"

Спустя несколько дней Вишвамитру вызвали в ректорат, где его ожидал сотрудник КГБ. Провинившемуся преподавателю был предложен выбор: или отказаться от своих убеждений, или оставить работу и аспирантуру. Судьба проверяла его на надежность. Проявив верность Прабхупаде, он покинул МГУ, в стенах которого провел около десяти лет.

В Комитете на этом не успокоились и в начале 1982 года в его комнатке в коммунальной квартире провели обыск. Вместе с вайшнавской литературой конфисковали индийские вазы, купленные в магазине, магнитофон и даже домашний халат, мотивируя это тем, что все эти вещи можно использовать как предметы культа. Усмотрев в этом молодом человеке организатора Общества сознания Кришны в СССР, его первым из советских преданных арестовали.

Через несколько месяцев к нему присоединился московский художник Сергей Куркин, известный в кругах вайшнавов под именем Садднанда. Его выследили на Кавказе и, в буквальном смысле, сняли с горы. Он пошел по одному делу вместе с Вишвамитрой, и в октябре 1982 года состоялся суд. В его финале звучало:

"Приговором Калининского районного суда от 7 декабря 1982 года осуждены Критский Владимир Георгиевич... по статье 227, ч. 1 УК РСФСР на 4 года лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК общего режима, с конфискацией имущества... Куркин Сергей Викторович... по статье 227, ч.2 УК РСФСР на 2 года 6 месяцев в ИТК общего

режима".

Суд постановил:

По приговору суда Критский признан виновным в руководстве группой, а Куркин — в активном участии в группе, деятельность которой, проводимая под видом проповеди религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности.

Такого рода приговор использовался для всех преданных, заточенных в тюрьмы. Для фабрикования дел везде использовалась одинаковая схема — психиатров и других врачей принуждали дать фальсифицированные медицинские заключения, а свидетелями чаще всего заставляли быть людей со слабой психикой. Несчастных запугивали или гарантировали им поощрения, одновременно играя на чувстве патриотизма.

Приговоры, вынесенные вайшнавам, прозвучали в Свердловске, Красноярске, Ставропольском крае, Виннице, Чернигове, еще раз в Москве и по два раза в Сухуми и Ереване.

Пока дела расследовались, работники Комитета отсортировали ряд адептов Кришны в психиатрические лечебницы. Там вайшнавов пытались сделать безвольными. Кнутом или пряником офицеры КГБ побуждали врачей воздействовать на преданных, и психиатры не скупились на средства, прописывая "безумцам" большие дозы транквилизаторов, нейролептиков, а в некоторых случаях и наркотиков. Подбирались вещества, которые не дают человеку сосредоточиться на своих мыслях. Преданные черпают духовную силу в повторении мантры, концентрации на вайшнавских писаниях, но врачи, растворяя их сосредоточение, препятствовали питанию

духовной энергией. К чему это приводило?

Вот один из примеров. В интервью журналу "Назад к Богу" о днях, проведенных им в психбольнице (а если быть точным — о проведенных в психбольнице годах), рассказал первый лидер советских преданных Ананта Шанти:

"Мне назначали курсы лечения в течение многих месяцев. Они давали мне наркотики 3 раза в день. Было так худо, что я был способен только лежать на кровати. Этот наркотик был особым, он делал невозможной концентрацию на чем-либо. Если я пытался повторять имена Бога громко, они давали мне такие большие дозы, что я бы мог умереть от них. Лежа на кровати, я имел очень большое материальное неудобство, поскольку эти наркотики все время заставляют тебя менять положение твоего тела. Я ощущал так много неудобств, так много беспокойств и был таким слабым, что это было подобно пытке...

Вначале, когда психиатры посчитали меня сумасшедшим, они привезли меня из обычной тюрьмы в психиатрическую тюрьму в Смоленске. Это было такое же положение, как и в обычной тюрьме, но имелись специальные камеры. Как в тюрьме, так и в сумасшедшем доме были свои плохие стороны. Мы жили в душных камерах по 20 человек в каждой. В камерах не было тишины и не было свежего воздуха. Мы мылись нерегулярно, иногда не мылись по 23 дня. Многие люди обнаруживали, что в их телах поселились насекомые.

Повсеместно было очень грязно. Пища была очень грязной и приготовлена очень плохо. У людей часто выпадали зубы и кровоточили десны. Я принимал там лишь немного пищи. Все было проблематично. Даже санитары были преступники. Это было место для сумасшедших преступников, и между ними постоянно шли бои. Было давление со стороны докторов, санитаров, преступников, от каждого шло давление. Каждый подвергался большим

беспокойствам. Мои родственники говорили, что я никогда не буду освобожден.

Заключенные наказывались за все. Я пытался стирать одежду и каждое утро пробовал мыть, по крайней мере, некоторые части тела, но за это меня многократно наказывали. Им это не нравилось. Санитары пробовали меня несколько раз избить.

... Так или иначе, доктора посчитали, что я подходящий кандидат для освобождения из этой специальной психиатрической тюрьмы в нормальную психиатрическую тюрьму. КГБ это не понравилось, поскольку их целью было держать меня там всю мою жизнь, так что вместо этого я был переведен в специальную психиатрическую клинику в город Орел.

В том месте каждый был поражен тем фактом, что я заключен за религиозную проповедь. Они видели, что я подвергаюсь там специальному давлению, руководители особым образом давили на меня, и остальные не могли этого понять".

В целом, активная деятельность сотрудников КГБ пополнила тюремные бригады и психбольницы более чем на 50 человек. В этой борьбе с инакомыслием не обошлось без жертв.

Шачи-сута (Саркис Оганджян) умер 26 декабря 1987 года в Оренбургской ИТК № 5. До конца срока оставалось уже меньше двух месяцев. Совсем незадолго до смерти у него появился шанс уйти из ИТК на химию, где условия содержания осужденных намного лучше. Но...

"Здравствуй, Тигран! — написал он за одну неделю до смерти другу. — Меня перевели в восьмой отряд (туберкулезный) после санчасти. Но я знаю, что этой болезни у меня нет. Меня представляли на химию. Но когда положили в туберкулезный отряд, химия стала не положена. Мне придется подождать. Тигран, плохо, что меня лишили

посылки, а в магазине не отовариться, и свиданий меня уже лишили на месяц..."

Умер Шачи-сута от истощения, так и не получив в достатке того, что в любой цивилизованной стране элементарно удовлетворяется — вегетарианского питания. Отказываясь от пищи, содержащей мясо, рыбу и яйца, он ел только хлеб, ничего не имея сверх дневной пайки заключенного. Спасти его от голода хотели родственники и друзья, передавая деньги и посылки, но, как видно из письма, в последнее время их поддержка ему не помогала. В результате неприязненного отношения к нему руководства колонии Шачи-сута умер, а другие преданные, подвергшиеся подобным же лишениям, потеряли часть своего иммунитета, что, безусловно, вылилось в серьезные заболевания.

26 июля 1986 года в Ереване во втором отделении советашенской психбольницы погиб Мартик Жамкочан. Это случилось на пятый день после его помещения в больницу, где доктора стали насильственно кормить его через зонд невегетарианской пищей и вводить в кровь галоперидол, большие дозы которого подавляют волю.

Еще одна жертва беспрецедентных преследований вайшнавов — Гегам Мурадзян, чье тело со следами издевательств было найдено в горах городка Гарни, недалеко от института, где он работал. Под его голову убийцы положили книги Шрилы Прабхупады и Библию. Надо сказать, что перед этим он неоднократно подвергался угрозам со стороны комитетчиков... Разумеется, преступники не были найдены.

Злодеяние было совершено по отношению к женщине и ребенку. Ее зовут Премавати (Ольга Киселева), и она была в то время матерью двоих малолетних детей. В вину ей и другим обвиняемым вменялись даже встречи, на которые собиралось не более двух человек. Еще на суде говорили, что чтение маха-мантры приводит к сумасшествию, на что

один из подсудимых, журналист Александр Левин (ныне популярнейший на телевидении человек), заявил, что в таком случае надо считать сумасшедшими 700 миллионов индусов. Эта фраза произвела сильное впечатление, и в зале воцарилось гробовое молчание. Однако ходом заседания управляли не те, кто им должны были управлять. Режиссером драмы был майор КГБ Белопотапов, не разрешавший судьям принимать во внимание справедливые доводы обвиняемых и защитников. Он знал: стоит затянуть суд — и произойдет утечка информации, что даст Западу повод для нападок на социализм. Поэтому он торопил судей, открыто давая им свои указания. Видя это беззаконие, адвокат Ольги Киселевой, женщина в пожилом возрасте, не выдержала и рухнула в обмороке наземь. Тогда судья здраво заявил, мол, раз уж одного из защитников не выслушали, заседание следует отложить до следующей недели. Однако Белопотапов вмешался и заверил, что женщину приведут в чувство. Сразу ее вынесли из зала и, сделав что-то с ней, привели в себя. Когда ей дали слово, она первым делом указала на майора и спросила судей: "А кто этот человек в кожаной куртке? Почему он распоряжается судом?" Услышав это, судьи не знали, что и сказать. Однако, ее доводы дело не меняли, и даже когда она говорила, что беременную Ольгу Киселеву заключать в тюрьму противоправно, что необходимо учесть материнскую опеку ею двух малолетних дочерей и что, даже по самой крайней мере, ей следует дать лишь условное наказание, даже тогда судьи не смогли вести себя принципиально и подчинились диктату человека в кожаной куртке. Ольгу осудили на заключение с отбыванием в колонии общего режима сроком на четыре года.

Рожать ей пришлось в присутствии конвоиров. Они опасались, что, беременная, она убежит из-под стражи? Роды были довольно болезненными, но, несмотря на это, у

Ольги родилась физически и психически полноценная девочка, нареченная Марикой. Однако долго жить Марика не смогла и через 11 месяцев умерла в Доме матери и ребенка, находящемся на зоне. Правда, это название не отражало действительность — матерям разрешали пребывать с детьми не дольше одного часа в день, а все остальное время их опекали няни. С большим трудом перенесла Ольга смерть дочери, но ее вера в Кришну не угасла.

Память о маленькой Марике, Саркисе, Мартике и Гегаме будут вечно хранить вайшnavы всего мира.

Невзирая на сложные условия, преданные, находясь в зонах и больницах, не прекращали заниматься духовной практикой. Они повторяли и пели мантру, проповедовали, а кому-то удавалось даже читать книги. Своим стойким поведением в тюремных условиях, в кого только людей не превращающих, они вызывали уважение у заключенных всех рангов. Чтобы быть всегда чистыми, преданные стремились ежедневно омыwać все тело; они обучали заключенных йоге здоровья, Абсолютному знанию и давали мудрые жизненные советы. И всех в зонах удивляло спокойствие, проявляемое преданными, — качество, о котором мечтают многие.

В некоторых местах вайшnavам удавалось масштабно проповедовать. К примеру, в Цулинкидзе, где в колонии общего режима находились сухумцы Амбариши (Отар Начкебия) и Маюрадхвандж (Нугзар Чаргазия), заключенные в качестве строевой песни использовали Харе Кришна мантру. В сезон сбора чая колоннами их выводили на поля, и в дороге они всякий раз пели: Харе Кришна Харе Кришна, Кришна Кришна Харе Харе, Харе Рама Харе Рама, Рама Рама Харе Харе, — пели, по меньшей мере, два часа в день. Причем поющие понимали, что очищают таким путем сознание — два вайшнава им регулярно это объясняли. В этой зоне полюбили и прасад — освященную

вегетарианскую пищу. Заключенные освобождали Амбариши и Маюрадхваджа от работ, приносили им вегетарианские продукты, и вечером весь отряд садился за пир, пир без спиртного, мяса, рыбы и яиц. Потом все слушали рассказы преданных о Кришне и беседовали с ними на философские темы. Поскольку руководители этой колонии не были настроены антирелигиозно и были заинтересованы в хорошей воспитательной работе, они не препятствовали происходящему, видя, что среди осужденных понижается общий уровень агрессии. Однако сотрудники КГБ расстроили эту гармонию — отправили Амбариши на север, а Маюрадхваджу стали грозить и мешать. И хотя этим и другим преданным не разрешали проповедовать в местах лишения свободы, активность их в тюрьмах сыграла исключительную роль в жизни ряда осужденных. Благодаря этим проповедям немало преступников после освобождения перестали вести паразитический образ жизни и продолжали встречаться с вайшнавами и другими религиозными людьми.

Впоследствии, в конце восьмидесятых, все уголовные дела, заведенные на участников Движения сознания Кришны, были пересмотрены и признаны фальсификацией. В частности, что касается вышеупомянутого дела Вишвамитры и Садананды, 15 июня 1989 года Президиум Московского городского суда постановил:

"Приговор Калининского районного народного суда г. Москвы от 7 декабря 1982 г. и определение судебной комиссии по уголовным делам Московского суда от 17 января 1983 г. в отношении Критского Владимира Георгиевича и Куркина Сергея Викторовича отменить, а дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления".

Освобождали преданных и из психбольниц. Ананта Шанти вспоминал:

"Я был освобожден из орловской психиатрической тюрьмы очень странным и необычным путем. В один день мой доктор позвал меня, он был немного взволнован. Он сказал, что из Москвы пришли какие-то бумаги, говорящие, что меня нужно освободить. Он сказал, что должен приехать особый профессор из Москвы, и они проведут медицинскую комиссию, специально, чтобы освободить меня.

Когда профессор прибыл, мой доктор долго рассказывал ему обо мне без моего присутствия. В конце он сказал моему доктору: "Он полностью здоров. Мы его теперь освободим".

Надо сказать, что освобождения советских преданных очень желали вайшnavы разных стран, воодушевлявшие других прогрессивных людей помогать. Чтобы помочь советским вайшнавам, они, например, выпустили видеоклип — обращение к Рейгану и Горбачеву. Клип стал популярен.

Вмешалась Американская Психиатрическая Ассоциация, апеллировавшая к министру иностранных дел А.Громыко:

"Мы убеждены, имея очень достоверные свидетельства из многочисленных источников, что люди в СССР помещались и до сих пор помещаются в психбольницы за свои отличные от принятых в СССР политических, религиозных или национальных взглядов чаще, чем от действительной психической болезни. Ваше Превосходительство отмечал, что принимаются меры к тому, чтобы перевести психбольницы специального типа под юрисдикцию Минздрава. Эти намерения восприняты с оптимизмом, и мы надеемся, что провозглашенные изменения скоро будут осуществлены.

Мы очень сожалеем, что до сих пор спецпсихбольницы находились под юрисдикцией МВД, пациенты диагностировались как душевнобольные по различным причинам и были помещены в ужасные условия в спецбольницах, обычно расположенных на большом расстоянии от семьи и близких.

Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой пересмотреть дела следующих людей, последователей религии Харе Кришна, которые /мы имеем основания быть в этом уверенными / заключены в психиатрические больницы не по медицинским причинам: А.Ф.Пиняев /Орел СПБ/, А.А.Мусатов /Москва ПБ/, Р.М.Джанашвили /Поти СПБ/, А.В.Саакян /Армения ПБ/, К.В.Саакян /Ереван СПБ/, С.Г.Карапетян /Ереван СПБ/...

Михаил Залес, доктор мед. наук. Председатель Международного комитета по борьбе со злоупотреблениями в области психиатрии".

Президент США Р.Рейган и его жена Н.Рейган сочли освобождение советских преданных важным делом и беседовали об этом с М.Горбачевым и Р.Горбачевой. В разговоре они называли имена Премавати, Амала-бхакты (Евгения Любинского), чья жена Киртида (Светлана Любинская) и трое детей приходили навстречу с Рейганом в его резиденцию на Арбате.

Крупные мировые газеты муссировали тему освобождения советских преданных. А внутри СССР вайшnavы устраивали голодовки и демонстрации протеста и также встречались с представителями посольств разных стран и зарубежных СМИ.

В защиту всех советских верующих выступил Папа Иоанн Павел II на римской конференции "Верующие в Советском Союзе в наши дни". Итальянская газета "Стам-по Серра" от 28 марта 1988 года писала об этом:

"Папа обратился к Горбачеву и лидерам других атеистических стран, говоря, что верующие являются хорошими гражданами. Возможно, что они даже лучше, чем другие граждане. Представляется невероятным, что право на религиозную свободу, которая так глубоко человечна по своей сути, в различных частях мира часто считается противоречащим Конституции и его понимают неправильно.

Таким образом, верующие становятся объектом недоверия, как будто они заслуживают доверия меньше, чем другие граждане.

На самом же деле все как раз наоборот именно потому, что верующие обращаются к Богу. У них появляется стимул вести добропорядочную жизнь, быть справедливыми и правдивыми. Верующие проявляют свои чувства, устанавливая отношения с другими людьми на основе братства и солидарности, чувства ответственности, забота об общем благе и уважения к общественному порядку.

Папа говорит, что открытые отношения к религиозной свободе не представляют опасности государству. Религиозная свобода способствует душевному миру и более крепкому единству между людьми. Поэтому духовная жизнь является важнейшим фактором развития и сотрудничества ради общего блага".

В период, когда шли преследования, несмотря ни на что, в стране развивалось Движение сознания Кришны. Преданные действовали конспиративно, имгодились прочитанные в школьные годы книги о героях-молодогвардейцах и других подпольщиках. Они меняли пароли на явочных квартирах, умело отрывались от "хвостов", например, резко выпрыгивая из вагона метро, а имена и адреса в своих блокнотах записывали алфавитом девана-гари — письмом санскрита. Правда, сотрудники КГБ для расшифровки текста стали пользоваться интеллектом ученых-востоковедов, и тогда некоторые вайшнавцы занялись тренировкой памяти. А Арджуна (Александр Ольшевский), исследователь восточной письменности из Ленинграда, начал вести записи на древнем тибетском языке, который в СССР был практически никому не известен.

В столь сложных условиях приходилось преданным постигать и пропагандировать науку Вед. Тем не менее, они посещали все союзные республики, везде распространяя

книги Прабхупады на русском языке.

Когда настал 1985 год, книги начали выпускать в Армении десятитысячными тиражами. Конечно, подпольно, но в государственных типографиях. Преодолевая страхи, преданные договаривались с наборщиками, печать получалась неплохая, но обходились без переплетных услуг. В ереванской квартире-храме переплетали не все, и потому зачастую развозили литературу по стране в листах, что было очень опасно, как и продавать. Вайшnavы шли на риск, потому что на собственном опыте поняли, что книги, наделяя высшим знанием, открывают глаза на истинное положение вещей в этом мире и в буквальном смысле избавляют от страданий. Хотя литературу нередко конфисковывали, невзирая на финансовые потери, преданные продолжали миссию. Их интересовало не обогащение, а сама идея распространения знания о любви к Богу, делающего человека счастливым.

Нелегальное книгопечатание очень рассердило офицеров КГБ, и к ереванским преданным отнеслись слишком жестоко. Как уже упоминалось, их подвергли издевательствам и изолировали в тюрьмы и психбольницы. После Л 1 блокирования Комитетом выпуска книг в Ереване, вайш-навны не растерялись и стали печатать их в Литве.

Самым мобильным и ярким проповедником во время репрессий преданных был Маму Тхакур (Михаил Шилов), в прошлом председатель крупной ленинградской организации художников. Его женой была дочь известного советского композитора, а друзьями — художники и другие люди богемы. Проблемы с деньгами и карьерой не волновали Маму Тхакура, однако ему не нравилась участь человека, в материальном смысле богатого, но в духовном — нищего. Пытаясь открыть смысл жизни в философских поисках, он оказался в 1980 году в Риге, на программе учеников Прабхупады — Харикеши Свами и Киртираджа Прабху.

Трудно по достоинству оценить, каков вклад двух этих людей в развитие Движения сознания Кришны в Советском Союзе. Рискуя жизнью, они под видом туристов приезжали в страну атеизма, обучая преданных СССР ведической культуре и безвозмездно передавая им книги, музыкальные инструменты, изображения и другие предметы поклонения Богу. В течение всего их визита в 1980 году агенты КГБ следили за ними, даже сопровождали их в самолете рейса "Москва — Рига". Это стало известно преданным позже.

Первая духовная программа в квартире рижанки Махамантры (Майи Эглите), куда попал упомянутый выше Маму-Тхакур, прошла беспрепятственно и подняла всем дух. Исполненные большого энтузиазма, вайшnavы обзвонили знакомых, — и на следующую встречу съехалось около ста человек. Ее организовали в государственном детском учреждении, где работала одна из преданных. Во время собрания случилась облава, среди нападающих преданные (летевшие в самолете с Харикешей Свами и Киртираджем Прабху) увидели несколько пассажиров самолета. Обоих иностранцев задержали и увезли, закрыв в камеры, а через несколько дней их депортировали из СССР, запретив въезжать в страну.

Куда пропал задержанный на той же встрече лидер советских вайшnavов Ананта Шанти, никто не знал. Ананга манджари (Агита N) стала повторять во имя его спасения 64 круга маха-мантры, а Аруни звонила и ходила в КГБ, по всем отделениям милиции и больницам. Никто ничего не знал, а кто-то незнающим притворялся. Преданные были очень обеспокоены. Так прошла неделя. Наконец, в квартиру Бинду-Мадхавы и Аруни пришел некий мужчина, сообщив им, что Ананта Шанти упрятали в психбольницу, где они и познакомились. Ананта Шанти выдержал там недельный пост, отказываясь от всей пищи, и просил передать ему соки из свежих фруктов для выхода из поста. Клиника находилась

неподалеку от квартир Бинду-Мадхавы и Махамантры, и преданные начали передавать ему пищу и стали добиваться его освобождения. Через некоторое время его все же выпустили.

Маму Тхакура события в Риге от учения не отпугнули, скорее, научили и раззадорили. Вникнув в учение Прабхупады, он усмотрел в нем совершенную философскую модель и решил тогда посвятить всю свою жизнь просветительской деятельности. Пользуясь накопленными средствами, он начал путешествовать по стране, а когда деньги закончились, продал одну из своих машин и все вырученные деньги стал тратить на служение Кришне. Благодаря его самоотверженному духовному труду, в основу которого был положен принцип личного примера, на Урале, в Средней Азии и Ленинграде возникли коллективы серьезных преданных. Выезжал он и в другие регионы, неизменно оставаясь неуловимым для сотрудников КГБ. Их мечта — посадить легендарного Шилова за решетку — так и осталась невоплощенной. Его спасала особая интуиция, которая позволяла ему оставаться на свободе и продолжать миссию Прабхупады. В начале девяностых Маму Тхакур выехал в Соединенные Штаты, и с той поры занимается проповедью русским эмигрантам, гостям и американцам.

Развитие Движения сознания Кришны напрямую зависело от перевода книг Бхактиведанты Свами на русский язык, и здесь ведущую роль сыграл Бхакти Вигьяна Госвами (Вадим Тунеев; известен также под именем Вай-дьянатх), нынешний руководитель Общества сознания Кришны в России. Изучать и практиковать вайшнавизм он начал в 1980 году, когда учился в аспирантуре МГУ. Еще раньше, будучи студентом химического факультета Университета, он слышал Харе Кришна мантру, когда его друг с химфака Джапа (Юрий Федченко), живущий в той же самой, что и он, студенческой квартире, напевал мантру, принимая душ.

Позже Джапа познакомил его с рижскими и московскими преданными.

Закончив аспирантуру, Бхакти Вигьяна Госвами, преследуемый КГБ, перебрался в свой родной Ташкент, где начал работать научным сотрудником в академическом институте. Здесь вместе с лидером ташкентских преданных, художником Мадхава Гхошем (Тимуром Файзирах-мановым; известен также под именем Мадхавананда) и Джагадьюни (Ириной Файзирахмановой; известна также под именем Джагад Мохини) он пропагандировал учение вайшнавизма. Однако и в Узбекистане власти не давали ему покоя, и в 1987 он выехал в Швецию, где начал жить в традиционном вайшнавском монастыре. Теперь он мог, не испытывая препятствий извне, посвящать переводам львиную долю свободного от сна и молитв времени. Первой задачей было приведение в порядок уже имеющихся переводов, их редакция и стилизация. Осуществить это было далеко не просто, поскольку, как правило, перед ним одну и ту же книгу переводило несколько человек, чьи стили не совпадали, да и не все из них обладали должной квалификацией. Некоторые книги было легче перевести заново. Бхакти Вигьяне Госвами помогал в работе Ведавьяса (Валентин Юров), живший в Швеции, и некоторые другие. Наконец, Бхакти Вигьяна Махарадж прислал в Советский Союз свой первый перевод — книгу "Учение [Господа Чайтаньи" объемом в 350 страниц.

Эстафету подхватили каунассские преданные во главе с Санатана Дхармой (Стасисом Шеметой), большим специалистом по подпольному книгопечатанию. На этот раз его друг Ананда Чайтанья решил попробовать издать книгу легально. Одевшись в традиционную одежду вайшнава, поставив на лоб священной глиной брахманский знак, он пришел в типографию компартии Литвы "Литу-анос" и повел деловой разговор. Как ни парадоксально все это

выглядело, звучало убедительно. Коммунисты согласились выпустить в свет "Учение Господа Чайтаньи", и так в СССР впервые официальным путем была напечатана книга Шрилы Прабхупады. Тираж составил 100 тысяч экземпляров, и после этого руководители советского отделения издательства "Би-би-ти" принялись активно выискивать открытые возможности печатания книг. Однако многие чиновники продолжали мешать распространению, трудов бенгальского вайшнавизма.

Так, например, в 1989 году, пропустив в страну контейнеры с вайшнавской литературой трех наименований, власти не хотели отдавать ее преданным. Писания в количестве 191 000 экземпляров были отправлены из Западного Берлина и 12 сентября 1989 года прибыли на таможенную в Москву. Несмотря на то, что все правила на ввоз литературы были соблюдены и таможенные услуги оплачены, книги заперли на складах в Одинцово и не торопились передать в руки хозяевам. Взывая к справедливости ответственных правительственных лиц и руководителей таможни, вайшnavы ждали решения. Ответа они не получали и потому начали устраивать в Москве демонстрации, требуя отдать адресованные им издания. Наконец, 22 сентября преданные встретились с Е.Зайковым, заместителем начальника отдела МИД по гуманитарным проблемам, который, проявив интеллигентность и гибкость, признал действия таможенников нарушением венских соглашений и пообещал вмешаться в это дело. Видимо, он не успел использовать свои полномочия, потому что в тот же день на мирную демонстрацию последователей бенгальского вайшнавизма напали люди в штатском и милицейской форме, они использовали приемы рукопашного боя и растаптывали транспаранты с лозунгами. Тем не менее, в финале этой длинной истории удерживаемые книги все же отдали хозяевам. И скоро стало ясно, что спрос на

вайшнавскую литературу в Советском Союзе огромен — в течение нескольких месяцев его граждане раскупили все сто девяносто тысяч томов. Книги с удовольствием читали, а потом начинали искать носителей этого знания — преданных ОСК. Движение приобретало массовый характер. Несмотря на сложные условия, оно не погибало, а наоборот, развивалось, показывая тем самым превосходство любви над страхом.

Скоро Общество сознания Кришны было зарегистрировано Советом по делам религий при Совете Министров СССР, хотя добиться этого было очень нелегко. Одни чиновники тормозили дело, рассчитывая на взятки, другие вовсе не желали давать преданным официальный статус. Но вайшnavы взяток давать не могли — им это было не по сердцу — поэтому многократно приходилось приводить здравые аргументы и проявлять настойчивость. Огромную работу для получения Обществом регистрации проделал Радха-Дамодара (Сергей Зуев). Правительством были запрошены соответствующие экспертизы, в которых были задействованы 10 научно-исследовательских и академических институтов, — проверяли полноценность вегетарианской диеты, изучали влияние мантр на сознание, проводили психологические тесты и обследовали состояние здоровья вайшнавов. Все оказалось не хуже, чем у других людей, а по некоторым параметрам — лучше. Поэтому разрешение было дано.

20 мая 1988 года после семнадцатилетнего непризнания Московское Общество сознания Кришны получило регистрацию. С катакомбным прошлым теперь было покончено. А тот, кто знал об этой попытке остановить рост Движения сознания Кришны в СССР и был наблюдателем, сделал для себя важный вывод. Крупнейшая в мире разведывательная спецслужба, не испытывающая дефицита в средствах воздействия на людей, потерпела моральное

поражение от горстки мирных вегетарианцев, поклоняющихся Кришне, в чьих руках не было ни оружия, ни психотропных средств, ни карцеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ананта-Шанти дас (Ананда-Тиртха Свами) — Анатолий Пиняев

Аетхапати дас, Рави дас, Вирья дас и Лиламрита даси.

Их мирские имена соответственно: Анатолий Брезгун,

Рейн Метснин, Роберт, Лилия

Махешвара дас — Мярт Кармаа

Нитай-Чайтанья, известный также под именем Ягья-прия

Садананда — Сергей Куркин

Вишвамित्रа — Владимир Критский

Санатана-Кумар — Сергей Приборов

Маха-мантра — Майя Эглите

Вриндаван — Владимир Кустря

Акшара — Артур Эглите

Джапа — Юрий Федченко

Лакшмиприя — Лилия Краулиня

Эката — Евгений Третьяков

Радха-Дамодара (Сучару дас) — Сергей Зуев

Премавати — Ольга Киселева

Шалаграма — Неаполитанский С.М.

Маму Тхакур — Михаил Шилов

Мадхава Гхош (Мадхавананда) — Файзирахманов Тимур

Джагадбони (Джагад-мохини; позже стала женой Мадхава Гхоша) — Ирина Файзирахманова

Вайдьянатх (В 2001-м году принял санньясу, стал известен под именем Бхактивигьяна Госвами) — Вадим Тунеев

Рама-бхакта — Роланд

Шачисута — Саркис Оганджаниян

В 1971-м г. Его Божественная Милость Шри Шримад

Бхактиведанта Свами Прабхупада приехал в Советский Союз, где посетил Красную Площадь.

Спустя два десятилетия преданные проводят на Красной Площади харинаму.

Его Святейшество Шрила Мукунда Госвами (духовный учитель автора книги) в конце 60-х, вместе со Шри Шримад Бхактиведантой Свами Прабхупадой...

...и в наши дни.

Первые харинамы (совместное воспевание Святых Имен) на улицах в середине 80-х...

...и то, чем они обычно заканчивались в то время.

Из-за непримиримой позиции властей преданные стали гораздо уютнее чувствовать себя в лесу. Лесная харинама.

Духовный учитель проводит лекцию.

Часть I. В игреньской психбольнице.

Эта книга - первая в истории нашей страны попытка рассказать о нелегком пути становления Движения сознания Кришны, о людях, которые стали жертвами репрессий со стороны правительства за свою веру и убеждения. Читатель также может вновь задуматься о ценности религии в человеческом обществе и о ее положительном воздействии на формирование личности.

ОТ АВТОРА

Появлению этой книги предшествовала драматическая страница истории нашей страны. Причудливым почерком время написало ее в людских судьбах, но в летописях об этом написано непростительно мало. По сути, пером автора этой повести водило само Провидение. Поэтому участникам этого спектакля не всегда приятны и понятны законы, по которым он поставлен, но они, однако, вынуждены играть отведенные им роли.

В основу сюжета легли события из жизни Валентина Ярощука (духовное имя — Бхарадвадж Дас), одного из первых последователей Движения сознания Кришны в СССР. Его больше года продержали в психбольницах Киева и Днепропетровска за религиозные убеждения. Он стал прототипом главного героя нашей повести Святослава Зощенко (Бхараты).

Повествование охватывает период с января 1983 по декабрь 1984 года, Зощенко в нем — объект преследований КГБ. В психушке ему приходится столкнуться с влиянием на психику огромных доз нейролептиков, транквилизаторов, антидепрессантов, а в некоторых случаях — даже наркотиков, хотя последнее утверждение искушенному в психиатрии человеку может показаться невероятным. Тем не менее, факт останется фактом — чтобы сломить веру и веру других последователей учения Кришны, КГБ использовал и такие

средства.

В больнице вместе с Зощенко лежат наркоманы, задержанные неподалеку от Павлограда на маковых плантациях, принадлежавших Министерству Здравоохранения СССР. Святослав ведет с ними беседы о духовной жизни. Благодаря целеустремленности и заботе о находящихся рядом ему удастся избавить от привязанности к опию двух ребят. В сущности, эта книга предлагает действенный и практичный метод борьбы с наркозависимостью, метод, который в масштабе государственной психиатрии пока не принят на вооружение ни в одной стране мира, но успешно используется некоторыми российскими и зарубежными частными врачами.

Из клиники Святослава отпускать не собираются. Ему грозит тюремная психушка. Во второй половине книги на сцену выходит латышка Гита, ее прототип — рижская преданная Кришны Агита N (Ананга-манджари). События разворачиваются не только в Днепропетровске, но также в Риге и Ереване, который в 1984 и 1985 годах был мощным центром подпольного книгопечатания. Там издавались труды, представляющие ведическую философию.

Все герои нашей повести — исторические лица, но из определенных соображений автор счел нужным изменить имена психиатров игреньской психбольницы и наркоманов. Подлинными приводятся имена преданных Кришны, друзей Ярощука, а также имена офицеров КГБ Днепропетровска.

Информационную базу для создания книги составили данные, почерпнутые в архивах Общества сознания Кришны, диалоги автора с очевидцами событий и статьи из газеты "Днепропетровская правда" и журнала "Наука и религия" за 1983 год. В повести также отражено содержание некоторых любопытных, доселе неопубликованных документов советской и американской психиатрии. Разумеется, кроме этого мы использовали и специальную литературу.

Автор надеется, что книга даст читателю реальное представление о советской психиатрии первой половины восьмидесятых годов. Безусловно, обогатят свои представления и люди, которых интересует, как в Советском Союзе, где властями официально регистрировались и поддерживались организации типа "Воинствующий безбожник", где в тюрьмы и психушки бросали верующих нескольких направлений и разноликих диссидентов, сумело вырасти и прижиться Общество сознания Кришны.

Глубокую благодарность за предоставленный для книги материал хочется выразить Випина-пурандаре (Виталию Яковлеву) и коллективу Пресс-центра Московского общества сознания Кришны, Бхарадваджу (Валентину Ярощуку), Джапе (Юрию Федченко), Радха-Дамодаре (Сергею Зуеву), Нитай-Чайтанье (Евгению Жарову), Яма-раджу (Якову Джиджавадзе), Тришакти (Татьяне Наричиной). Мы безгранично признательны издателю повести Пратибхавати дасу (Ковальчуку Владимиру Николаевичу), консультанту по психиатрии Ивану Михайличенко, консультантам по литературной части Жану Кацеру, Дмитрию Гутеневу, Юрию Плешакову, спонсорам Антонине Горшковой, семьям Кучуберия и Гутеневых. Автор сердечно благодарит руководителей двух московских храмов Общества сознания Кришны — Шьяма (Андреева Сергея Александровича) и Олега Тарасова за предоставленные для работы комнаты.

Особую благодарность - за полученные знания — автор выражает своему духовному учителю, Его Святейшеству Мукунде Госвами, который в настоящий момент находится у постели своего умирающего друга Джорджа Харрисона, гитариста "Битлз", помогая ему достойно и спокойно покинуть этот мир.

30 ноября 2001 года,

День свадьбы Туласи и Кришны
(один из вайшнавских праздников).
Московская область, Сухарева,
Храм и учебный центр Общества сознания Кришны.

ЧАСТЬ 1

В ИГРЕНЬСКОЙ ПСИХБОЛЬНИЦЕ

— Глава 1 —

ПЕРЕЕЗД С ПОГРУЖЕНИЕМ

Ночной поезд остановился на станции Игрень, близ Днепропетровска, и в почтовый вагон стремительно взобрались психиатр и два санитар в белых халатах. Пройдя через тамбур и коридор, они увидели сидящего на полке мужчину атлетического сложения, одетого в кожаную дубленку. На его небритом лице было продемонстрировано выражение собственной значимости, которое, по мнению психиатра, вызывалось ощущением мужчиной сверхчеловеческого могущества. "Видимо, осознание им своей огромной силы, — подумалось доктору, — порождается имеющейся у него уникальной возможностью — мгновенно, на расстоянии убивать".

Где-то под дубленкой прятался боевой пистолет. На коленях мужчина держал черный портфельчик. Он, не здороваясь, попросил врача предъявить удостоверение, удовлетворенно кивнул, посмотрев на документ, а потом поднес к глазам доктора свои корочки. Собственно говоря, обоим и так все было ясно, но формальности требовалось соблюсти. Далее киевский сотрудник КГБ указал на верхнюю полку, где, накрытое простыней, лежало человеческое тело. Из-под простыни торчала лишь голова, которая была неподвижной и выглядела окаменелой.

Взяв с врача расписку, перевозчик тела вытащил из портфельчика папку, передал ее психиатру и сказал:

— Можете забирать.

Санитары вынесли человека на улицу и положили на носилки, оставленные у двери вагона. Они двинулись с ним к машине, но неожиданное происшествие задержало их на перроне. Пришлось оказать медицинскую помощь какой-то впечатлительной женщине. Проходя мимо, она увидела их ношу и, тихо вскрикнув, со страху упала в обморок. Груз на носилках показался ей покойником. Однако человек не был мертв — он был "убит" верблюжьей дозой нейролептиков. Медсестра по указанию врача отправила его в это глубокое сонное состояние еще в Киеве.

Существуют же в наше время изобретения — несколько секунд, и твое сознание совершает скачок, прыжок, в мрачный океан призраков. Что там? Преобладают темные краски, жуткие образы, на тебя смотрят разнообразные злобные или равнодушные твари. Все это видит тот, чей ум попадает туда. Он принимает многое за реальность, слышит ее звуки, осязает ее; часто пугается, а потом защищается или убегает. В подобных состояниях он чувствует и действует, но своеобразно, совсем не так, как в состоянии бодрствования. Но те, кто в это время смотрит на человека со стороны, из внешнего мира, не видят этих эмоциональных проявлений или видят лишь их тусклые отблески.

Когда тело, хозяин которого носил древнее имя Святослав, привезли в игреньскую психушку, его стали первым делом хлестать ладонями по щекам. Это не разбудило пациента, тогда его понесли в душ и принялись обливать холодной водой. Через пару минут он, наконец, начал шевелить бескровными губами, затем вздрогнули его веки и открылись глаза. В этих глазах на миг промелькнул страх, потому что очнувшийся вспомнил, что стоящие вокруг него люди в белых халатах одержимы идеей его лечения. Его, здорового человека, врачи пичкают транквилизаторами, нейролептиками и антидепрессантами, которым не угрожает исчезнуть со

складов. И он был уже наслышан, что в игреньской клинике придерживаются более жестких правил, чем в киевской, откуда он только что прибыл. Здесь основательно лечат.

"Лечат? — усмехнулся он про себя. — ПЫТАЮТСЯ лечить".

В киевской психбольнице он впервые узнал, что в медицинских картах больных шизофренией врачи никогда не пишут слово "выздоровление". Психиатры, обученные лечить душу химическими соединениями, не могут такого написать и выносят лишь вердикт "ремиссия", то есть улучшение.

Место, где оказался Святослав, было одновременно лечебницей и темницей. Во-первых, сюда помещали тех, кто своим неадекватным поведением вносил беспокойство в "примерное" социалистическое общество. Их, десоциализировав (извините за каламбур), пытались "отмыть" (так говорят в психушках) от бредовых идей разными препаратами. Во-вторых, тут пытались сломить дух бунтарей, которые находятся везде и во все времена. Конечно, Игрешка не была московским Институтом имени Сербского, который специализировался на тех людях, чьи политические убеждения не нравились властям. Тем не менее, изоляция вышедших из ряда вон и здесь нашла свое место. Ну, и в третьих...

К ним, собственно говоря, и относился молодой человек, в целостности и сохранности доставленный из Киева. Он вовсе не являлся больным или антисоветчиком. А был просто-напросто по-настоящему верующим человеком. И как некоторым показалось — чрезмерно верующим, невыносимо верующим. Вот и попал в темницу, где его вера, думалось кому-то, забудется.

В общем, глубоко религиозного человека выставили сумасшедшим. И теперь химией — энергией материальной — пытались воздействовать на эмоции, совсем не понимая, что покушаются на... энергию духовную! Любопытное

столкновение двух сил!

— Глава 2 — СМЕЛАЯ ЦЕЛЬ

Отделение, куда поместили Святослава, располагалось в одноэтажном здании с зарешеченными окнами. Высокий потолок был белым и успокаивал, но стены с серыми панелями давили, тисками сжимая виски. Врачи и санитары пытались поддерживать здесь тишину, отчего, впрочем, было мало проку — ее нередко буравили гневные тирады больных, истерический их хохот и громкие бессвязные монологи. Еще здесь иногда можно было слышать звуки борьбы между людьми — то дрались пациенты или дюжие санитары кого-нибудь скручивали. Возможно ли было в такой атмосфере думать о вечном?

В первый же день состоялся разговор Святослава с лечащим врачом. Тот с любопытством и опаской разглядывал человека, которого Комитет считает агентом ЦРУ. Что с ним делать и от чего его лечить? От шпионажа? Судя по бумагам, пришедшим из киевской больницы, ему часто давали галоперидол. Кстати, знаете, дорогой читатель, что это такое за штука, галоперидол? И очень хорошо, что не знаете! Этот препарат использовался в психиатрии при галлюцинаторных, бредовых и маниакальных состояниях у больных шизофренией и другими психическими заболеваниями.

"Причем тут нейролептик, его в тюрьму надо, если он шпион", - подумал психиатр, осознающий свою ответственность перед народом. Тем не менее, написал, что лечить нужно галоперидолом, и пододвинул карту больного под взор медсестры, сидевшей сбоку от него. Она согласно кивнула, считая, что для таких опасных пациентов ничего лучше и не придумаешь.

— Мы назначили Вам хорошее лекарство. Для начала.

Оно непременно Вам поможет, — сказал психиатр. — Галоперидол? — поинтересовался Святослав. — Хм. Вы знаете. Да, он Вам полезен. Пройдете курс. — Доктор, но моя психика нормальна, а людям с нормальной психикой это не нужно. Большие дозы галоперидола превращают здоровых людей в больных. Разве не так?

Врач посмотрел в сторону и промолчал.

Через несколько минут Святослава привели в палату, где лежали пять мужчин. Они посмотрели на него с безграничным интересом. Однако предвкушение новизны скоро сменилось разочарованием — они даже не успели с ним познакомиться. Сразу появилась дежурная медсестра со шприцом в руке. Неожиданно все услышали:

— Я прошу Вас, не нужно!

В ответ она крутнула головой налево, потом направо, видимо, подразумевая больных, смотрящих на них во все глаза. Затем перевязала его руку жгутом, ловко проколола вену и впрыснула в нее прозрачную жидкость.

"Прощай, сосредоточение! Воля, согнись под тяжестью нейролептика! Нырять, человек, в океан невежества!" — с юмором, перемешанным с горечью, подумал Святослав перед тем, как провалиться в тартарары. И воззвал мысленно: "О Господь, защити!"

Первые полмесяца ему было невероятно туго — в кровь снова и снова вторгались агенты галоперидола. В результате этого нашествия клетки организма Святослава изменяли свои функции, и поэтому он испытывал ужасные состояния ума. А агрессоры прибывали и прибывали, были подобны неисчислимой орде; из-за этих атак ему не удавалось поддерживать себя в хорошей духовной форме. Но он помнил главные положения философии вайшнавизма и помнил, что существует Бог. Но все это было как-то далеко и сумрачно. Оно расплывалось, растворялось, потому что галоперидол делал сознание рассеянным. словно некий оператор нажимал

на клавиши, незримыми неразрывными нитями связанные с сознанием человека, и таким образом отключал внимание Святослава от божественного миропонимания. Талдычил: "Забудешь, ты, юноша, своего Бога и предашь свою веру!"

Через две недели он, наконец, уговорил сестер, и они втайне от врача перестали ставить ему уколы и настаивать на приеме таблеток в своем присутствии. Каждая скрывала это от четырех своих сменщиц. Теперь Святослав мог сосредоточиться. Он вспомнил несколько ключей, открывающих ток духовной энергии, и, попрактиковавшись, снова ожил. Будто омылся в целебном роднике. Ему казалось, Сам Господь пришел в роли невидимого доктора и спас. Сразу вспомнились слова из писания, повествующего об эпохе пятидесятивековой давности.

При появлении Кришны Пандавы очень оживились, как будто вышли из бессознательного состояния или пробудились от смерти. Когда человек пребывает в бессознательном состоянии, его чувства и различные части тела теряют активность, но когда он вновь приходит в сознание, чувства тут же возвращаются к деятельности. Так и Пандавы принимали Кришну, как будто они только что вновь обрели сознание. Они очень оживились.

"Ну и тьма! — вспоминал Святослав умопомрачительную двухнедельную процедуру. — Бывают же состояния сознания!"

В киевской психбольнице его так продолжительно не кололи. Было три дня, пять дней, но две недели....

Ох, угораздило же его попасться в то, что диссиденты называют паутиной советских психушек! Как теперь выбраться?

Внутреннему взору представал мрачный день ареста. В его сумке, предназначавшейся киевским друзьям, лежали самиздатовские брошюры религиозного содержания, описывающие путь бхакти-йоги — древнего индийского

учения. Сразу после того, как он вытащил сумку из своей ячейки в камере хранения, ему предложили взглянуть на два браслета. Он взял один, а второй надел на свою кисть комитетчик. Так и вели его два сотрудника через весь вокзал, унося прочь скуку пассажиров. Как именно они разузнали его тайну, Святослав не знал до сих пор. Неужели залезли внутрь ячейки, а потом ждали, когда появится хозяин сумки? Неужели так запросто вскрывают камеры? Пожалуй, единственно приятным в этой истории было то обстоятельство, что взяли его непосредственно на вокзале, а не при встрече с друзьями.

В КГБ ничего приятного не было. Несколько изнурительных допросов, где два следователя страстно желали побудить его признаться: "Я агент ЦРУ". Еще их интересовали адреса киевских друзей. Задали всего один вопрос о сущности религии:

— Что это за бхакти-йога?

— Слово "бхакти" переводится с санскрита как "любовь к Богу". Это учение во многом перекликается с Новым Заветом. Главная цель обоих учений — научить людей любить Бога.

Вот и все. Ни слова больше о духовном. "Продался... диверсант... мозги на место поставим... холоп буржуазии", — бубнил следователь, который вел его дело. Так за идею боролся!

Камера была вонючей и с провокатором. Из вегетарианской еды за исключением хлеба туда не приносили ничего. Поэтому Святослав очень недоедал. Зато семейке клопов жилось там довольно роскошно — они вегетарианства не признают.

Так ничего и не добившись, комитетчики через неделю отправили его в одну из киевских психбольниц — на "диагностику". Там "обнаружили" шизофрению. Через восемь неполных месяцев Святослава перевели в Игрень, в двадцати километрах от которой находился Днепропетровск, место

жительства его родителей. В КГБ надеялись, что Святослава непременно придут навестить преданные Кришны, и тогда можно ухватить за ниточку, которая приведет в организацию.

Родители должны были знать из его писем о подозрениях КГБ и его "заболевании". Ответов, что на мать было непохожим, не поступало, и Святослав не знал, в чем тут загвоздка. Но в одном почти не сомневался: "Наверняка, они невероятно удивлены и испуганны. Нет, конечно же, они этой чепухе не поверят".

Итак, выбравшись из вязкого, глубоко засосавшего болота нейрорептиков, он теперь старался угадать, кому из окружающих можно довериться. Ему очень хотелось общаться с дружелюбно настроенными людьми. И, возможно, он бы даже рассказал кому-нибудь, как несправедливо с ним обошлись. Может быть, кто-то поверит тому, что его голова в полном порядке и что он не диверсант?

Святослав не был шпионом, он был энтузиастом, воодушевленным помогать людям посредством религии. Такие энтузиасты бывают разными. Для одних религия — очередное хобби, и сегодня они убеждают мирских людей, а завтра могут перестать верить сами. Для других религия — это работа. Они способны проповедовать всю жизнь, но если подвернется харч получше...

Среди тех и других можно встретить проповедников, которых можно сравнить с серыми волками, пугающими красных шапочек: "Не будете верить, навечно пойдете в ад!" Используя страх, они пытаются заставить любить, но разве можно любить из страха по-настоящему?

Не принадлежал Святослав ни к тем, для кого религия является хобби, ни к тем, кто при ее помощи зарабатывает. Не использовал он и страх, когда нес людям благую весть. Он был из тех, кто на собственном опыте понял, что, благодаря вере в Бога, счастье увеличивается, а страданий приходит все меньше. Поэтому он и хотел нести людям божественное

знание.

В Игрешке, в первую очередь, он стал общаться с медработниками, понемногу рассказывая им о величии любви к Богу — этого высокого чувства. Описывал красоту Создателя и Его творений. И скоро сестры и санитары стали уважать Святослава, открыв, что он неглуп и душевен. После общения с ним испытывали легкость. Они быстро стали ему доверять и разрешили беспрепятственно ходить по больнице и даже выходить во двор.

Гулять в больничном сквере позволялось лишь избранным пациентам, за которыми до вечера неотступно следили два наблюдателя. Святослав выбирал особую скамейку, так, чтобы эти надзиратели не видели его лица. Там он, почти не шевеля губами, шептал свою любимую молитву. Чувствовал там себя он очень хорошо, порой весело, иногда иронично думая, что два взгляда, в перекрест просверливающие его пальто, могут прожечь в нем дыру.

Скоро Святослав познакомился с лежащими в его отделении наркоманами, пойманными с опием в окрестностях Павлограда, города шахтеров, находящегося неподалеку от Днепропетровска. Ему было известно, что Павлоградский район — крупнейший производитель наркотического сырья в мире. Здесь возделывало свои маковые плантации Министерство Здравоохранения СССР. Подобные места манят к себе тех представителей рода Адама, которые приняли за счастье опиумный транс, состояние сознания, становящееся для них целью всей жизни. Пойманных на павлоградских полях молодых людей нередко привозили в Игрень на психиатрическую экспертизу.

Повстречав в больнице таких ребят, Святослав подумал, что может помочь им избавиться от привязанности. И хотя добиться исцеления было довольно нелегко, он верил в то, что это достижимо. Свято верил. Он знал секрет, знал природу их болезни. Он понимал, что их любовь направлена на мак и

утонула в этом цветке. Утонула подобно тому, как тонет наше чувство любви в разных удовольствиях и существах. Когда человек испытывает любовь — чувство, превосходящее силой все другие, когда это чувство привязывает его к кому-то или чему-то с нежностью, то оторвать его становится довольно нелегко. А наркоман, даже ощущая, что здоровье становится хуже и хуже, даже понимая, что смерть приближается с каждой дозой, — все равно берется за шприц. Его чувство любви отдано эйфории. И это, в свою очередь, может даже толкнуть его на предательство себе подобных. Может толкнуть его со стези верности.

Зная об этом, Святослав решил разлучить дух этих парней с наркотической эйфорией, решил спасти чистый дух, связанный нежным чувством с коварной любовницей!

— Глава 3 —

МОРФИНИСТЫ

Морфинисты были рассредоточены по трем палатам, всех вместе их класть боялись. Трое из них при задержании учинили милиционерам драку, поскольку те подбросили им опий. Однако, драться было бессмысленно: доказать свою невиновность наркоманы так и не смогли и только разозлили блюстителей порядка. Милиционеры твердо стояли на своем, успокаивая себя: "Ведь все равно эти парни приезжали за зельем".

Злые, наркоманы думали, как им расправиться со временем. По-разному пытаются люди убить время, а в конце жизни оно само сводит с ними счеты. Что до морфинистов, то они попробовали повлиять на врачей и сестер, чтобы те продали им какие-нибудь наркотики. Но медработникам, грешившим этим делом, было выгоднее сбывать их в Днепропетровске. И каналы надежные, и цена выше. А врачи и медсестры, не втянутые в наркоторговлю, возмущались

этими приставаниями.

Так и не добившись от медперсонала желаемого, наркоманы достали через вахтера чай и густо-густо его заварили. Он получился до рвоты горьким, до того неприятным, что сводило скулы, и пить его было невозможно. Не в силах принять эту жидкость, напоминавшую цветом асфальт, наркоманы сидели вокруг банки и страдали, коря друг друга в том, что слишком крепко заварили. Один предложил помыть чифирем руки, мол, чтобы не пропадало. Другой назвал его болваном и, настроившись, стал, морщась, пить из банки. Не выдержав, он выплюнул выпитое на пол, а потом его стало рвать. В палате разразился приступ гомерического хохота.

В этот момент к ним и зашел Святослав. Его темные волосы были аккуратно причесаны, пижама была свежей, выглаженной. Двое ребят, с которыми он уже успел познакомиться в столовой, поприветствовали его и пригласили посидеть в их компании. Он подошел к кружку, и молодые люди раздвинулись на кровати. С молодежью, в той или иной степени исповедующей философию преступного мира, он вообще-то водиться не любил. Но поскольку уж решил им помочь, то неспеша сел и приветливо посмотрел каждому в лицо.

Высокий крепкий брюнет в белой пижаме с желтыми полосами утвердительно заявил Святославу:

— Ты — верующий или йог.

— Я йог, — ответил Святослав. После этого он сложил пальцы в йогическую мудру.

Один из ребят сказал брюнету:

— Лебедь, а ты пророк! — Потом посмотрел на Святослава. — Слушай, а что это у тебя за крендель из пальцев?

— Это — мудра, ключ к энергии. Мудра дает здоровье.

— Научишь?

— Да. Но это не самое высшее из того, что я знаю.

— Мы обожаем энергию, — сказал один из них. — Мы такую энергию получаем!

Все, кроме Святослава, стали одобрительно смеяться и переглядываться. Он весело, но не злорадно сказал:

— Это на полу ваша энергия?

— Макс, убери следы своей слабости, — повелел брюнет товарищу. Тот, недовольный, отправился к медсестре просить швабру. Лебедь спросил Святослава:

— А что более высокое ты знаешь?

— Высшее — это духовная энергия, и у меня есть ключи к ее получению.

— И что, ты получаешь?

— Да, каждый день. Если не колют психотропным.

— У-у! — загудели наркоманы. — А чем тебя шпигуют? Вот бы нам чего-нибудь вкачали! А тебе это не нравится?

— Мне это претит. Чувствую себя отвратительно, словно в мусорной яме оказываюсь.

Услышав это, низенький крепыш с круглой головой, на лице которого любой солидный физиогномик без труда прочитал бы черты преступника, грозно заявил:

— Мы, по-твоему, на помойке сидим, когда колемся? Да?

Он был задет за живое.

— Чеснок, оставь его, — сказал Лебедь. — Ему же не опиатное прописывают. Что-нибудь психиатрическое. Я "вмазывался" транками и нейролептиками — чувствуешь себя, как козел упертый. Словно в канализации купаешься.

Он спросил Святослава:

— Чем тебя колют?

Тому были неприятны как воздействия препаратов психиатрии, так и наркотические, которые он тоже испытывал по воле киевских врачей. Но не стал он с самого начала говорить о своем негативном отношении к морфинизму и ответил так:

— Галоперидол. Аминазин*. Транквилизаторы. Не скупятся на меня — двойную, тройную дозу дают.

— А что чувствуешь?

— Порой одеревенелость тела, будто душа нашла прибежище в дереве. Будто колдуны, как это бывает в сказке, превратили меня в дуб. Чувствую накатывающую утнетенность. Чувствую потерю концентрации. Сижу без всякой цели, как дурак. Или, как маятник, по комнате дефилирую. Или сплю без просыпу. Иногда кажется, будто кузнечный пресс на меня навалился. И кошмары всякие. Еще иногда непроизвольно возникают какие-нибудь идиотские движения рук или ног. В общем, сложно оставаться хозяином своей воли. Единственное, что меня спасает, — это знание ключей к духовной энергии. Только благодаря этому я не подвластен яду в полной мере, но все же он действует на меня.

— Ключей? — переспросил Лебедь.

— Ключей.

— Покажешь?

— Покажу, только не здесь. Ты на улицу выходишь?

— Нет, нас не пускают.

— Надо что-то придумать, — сказал Святослав.

— Лебедь, а ты дай Васе "шмель", как за чай давали, и он выпустит, — посоветовал Макс.

Они решили дождаться вахты Василия.

— Глава 4 —

ПУТЕШЕСТВИЕ В РИГУ

Николай Михайлович Максимов, заведующий отделением, в которое поместили Святослава, был человеком, имеющим совесть. Впрочем, периодически ему приходилось не слушать ее голос — так уж диктовала должность. Она подразумевала, что нечасто, но без альтернатив, следовало становиться ключом в руках начальства, который закручивает

гаечку на сознании пациентов. Когда гаечка завинчена, препаратизируемый, простите за выражение, может начать действовать по определенной программе или, напротив, может прекратить действия по своей личной программе. Осознавая себя гаечным ключом, Николай Михайлович на начальство не злился. Понимал, что оно не состоит из одних только сумасбродов. Начальство тоже руководимо. Оно не Верховный Бог, оно просто занимает отведенное ему место в партийной системе и государственной структуре.

Сегодня после обхода Максимов познакомился с важной бумагой, переданной ему главврачом клиники Синявским. Вручая нисходящую инструкцию, шеф назидал: "Изучи как следует. Поймешь нутро этого Зощенко".

В кабинете было жарко. Это потому, что синоптики объявили мороз, и кочегары натопили, а топили, конечно, не думая, что синоптики ошибутся, и на улице будет ноль. В эту зиму такое было уже раз десять. Поэтому врач сидел в майке, зная, что предупрежденная секретарша сразу после стука не откроет и будет ждать, пока он приведет себя в порядок. Он расслабился в кресле, стоявшем у окна с видом на парк, и стал читать, открыв блокнот для записей.

"Начавшийся за рубежом около 30 лет назад "религиозный бум" вопреки ожиданиям специалистов не только не идет на убыль, а характеризуется появлением все более новых, порой изуверских, религиозных сект. "Новые" религии проникли и в нашу страну, и хотя сегодня нет оснований говорить об их широком распространении, однако игнорировать, замалчивать эту проблему нам представляется крайне опасным. Формально проповедуя добро, дружбу, честность, эти секты на деле благодаря изощренной психотехнике и другим приемам деморализуют, выключают из общественно-полезной деятельности прежде всего молодежь, разрушают семьи и, наконец, способствуют возникновению у сектантов психических расстройств".

"Религиозный бум, — подумал психиатр. — Как это? Жили люди, как все, нормально. Потом вдруг по голове — бум, и они — в секте. И все уже у них по-другому. Вот эти верующие в Кришну. Перестали мясо есть, рыбу и яйца, бросили пить, в сексе стали воздержанны... Подумать только! В сущности-то, принципы не так страшны. Если человек взрослый, то пусть себе становится вегетарианцем. Хотя насчет детей тут, конечно, медицине решать надо. А насчет секса — они люди взрослые. Так пусть выбирают сами, нужен он им или нет. И в каком количестве. По крайней мере, раз секс у них только в браке, никакая позорная болезнь им не грозит".

Врач тут с горечью вспомнил, как его подвела первая жена, что послужило причиной их развода и его позорного бегства с хорошего места работы. Факта своего лечения в кожно-венерологическом диспансере скрыть от коллег не удалось, и он поразился тогда, как молниеносно люди могут изменять свое отношение друг к другу. Он очень хорошо понял, что означает "сожрали". Со смакованием, доходчиво, коллеги объясняли ему, какая он аморальная личность.

"А что трезвенники, — продолжал он размышлять об адептах Кришны, — так это здорово! И чего КГБ на них так взъелся? Видимо, проблема — в идеологии. Надо бы ознакомиться с их философской системой".

Ему стало очень любопытно, а время пока располагало. Не откладывая, он решил встретиться со Святославом. Надев халат, Николай Михайлович вышел в приемную.

— Валентина Феодосьевна, пригласите-ка мне Зощенко.

Немолодая крупная, статная женщина в высоком накрахмаленном колпаке, способная "на скаку остановить коня", пошла искать Святослава, который в этот час находился в парке.

— Зощенко, к заведующему! — гаркнула она, и с ближайшего дерева посыпался снег. Услышав внезапно за

спиной властный голос, он не дрогнул, но обеспокоился. Сразу же мысленно вознес молитву, и волнение быстро прошло.

Врач предложил Святославу сесть на приземистую табуреточку, стоявшую посреди комнаты. Сам, сидя на высоком стуле, возвышался из-за стола, напоминая присяжного.

"Интересно, — подумал Святослав. — В Киевском КГБ меня тоже усаживали на стульчик посередине".

Помолчав минуту, врач постарался сделать добрые глаза и сказал:

— Небезынтересен ты мне, Зощенко. Понять тебя хочу. Как это ты, советский наш парень, в секту пришел. Расскажи-ка мне о своей вере.

Святослав очень обрадовался. Хотя он умел занимать ум, тоска определенного рода уже давно томила его. Ему не с кем было поговорить на духовные темы. Он любил обсуждать эти темы, и потому просьба Максимова его воодушевила. По чувствам Святослава пробежала мягкая волна легкого духовного восторга, и в сердце всколыхнулись вдохновение и желание говорить о Боге.

— Все началось, когда я в 1979 уехал из Днепропетровска в Ригу. Я собирался поступить в Рижский университет и вообще хотел начать самостоятельную жизнь. Я был любитель постов и йоги и мечтал прожить триста лет.

— Триста лет? — переспросил врач и сделал в блокноте пометку. — А зачем тебе триста лет, Святослав?

— Вот о том же самом меня спросил один рижский таксист. Представляете? Как-то мне подвернулось такси, за рулем которого сидел йог.

— Как же мне прожить триста лет? — спросил я его.

— А зачем тебе такая дли-инная жизнь? — поинтересовался он.

— Я хочу овладеть всеми знаниями, которые накопило

человечество, — стал я объяснять ему причины своей страсти. — А ученые подсчитали, что для этого нужно прожить именно столько.

— Ты обратился по адресу! Как прожить триста лет, научу тебя я!

Я, само собой, не поверил:

— Ты научишь меня, как прожить три века? Ты решил меня разыграть?

— Никаких розыгрышей! Я обучу тебя йоге. А йоги живут и по триста лет, и даже больше. В Гималаях, положим, даже в наше время немало таких обитает. Они ведут там аскетическую жизнь и соблюдают посты. Ты знаешь, что их возраст проверен учеными?

Я от этой информации остолбенел. Поинтересовался:

— А когда ты научишь меня йоге?

— Ну, как-нибудь. Давай договоримся, — ответил он. Но потом вдруг передумал и заявил: — Поехали ко мне сейчас!

Я сразу забыл о своих подготовительных курсах, и мы отправились к нему домой.

Таких жилищ, как у него, я, признаться, никогда до того не видывал. В одной из комнат не было никакой мебели, и лежали соломенные подстилки. В другой я увидел изображения Иисуса Христа, Будды, Кришны, святых и йогов. И он показал мне разнообразные книги по йоге и предложил кое-что почитать. У него было не меньше тридцати книг.

— Ого! — удивился Максимов. — Что, официально изданные книги?

— Ну, было немного из магазинов. Все равно из магазинов не очень интересные — они отличаются от оригиналов и делают упор на йоге как на физкультуре и медицине. Но йога — это же больше, чем гимнастика и медицина! В основном, у него все же был самиздат, книги без поправок грамотных советских редакторов. Книги редкие и великолепного содержания. Море полезнейшей информации о контроле

чувств, дыхании, здоровье и другом. Вы, как доктор, просто бы зачитались.

— А где он взял эти книги?

— В Риге очень много всякой литературы по йоге и религии. А связано это с особыми историческими обстоятельствами, вызванными политикой Москвы в отношении Прибалтики. Вы ведь знаете, что влияние компартии в Латвии стало превалирующим лишь после 1939 года, когда эта страна перешла в статус республики — если можно так сказать, понизилась в ранге.

Вскоре после моего приезда туда я услышал в студенческой столовой беседу нескольких молодых людей. "Рига, — говорили они, — славна своими традициями средневековья и духом мистицизма. У нас до сих пор есть колдуны, и существует много тайных мистических обществ. В рижских зданиях много потайных ходов и таинственных местечек".

Позже я узнал, — продолжал Святослав, — что до присоединения Латвии к СССР ее правительство не мешало действовать христианам. Кроме того, оно не мешало последователям Рериха и Блаватской. Немало русских эмигрантов и латышей свободно практиковало там йогу. А когда страна стала республикой, в ней, конечно, как и в любой атеистической стране, дискриминация верующих нашла свое место. Но все же эту дискриминацию нельзя было сравнить с гонениями на верующих, которыми отличился СССР во втором и третьем десятилетиях XX века...

— Вот без этого, Зощенко!

— Но это так. И поэтому даже после присоединения Латвии к Советскому Союзу в республике действовало немало костелов, кирх и церквей. Там ежедневно звучали органы, хоры и голоса проповедников.

Святослав рассказывал, а Максимов слушал, будучи несколько озадаченным эрудицией вайшнава, который совсем

не походил на забитого сектанта. "Быть может, действительно, — агент? Смотри, как подкован!" Несмотря на это предположение, врач чувствовал к нему симпатию, которую испытывают по отношению к людям убежденным и смелым. Святослав продолжал:

— В предвоенный период власти Латвии кроме нейтрального отношения к христианам и йогам проявили также лояльность к оккультной, йоговской и ведической литературе. Большей частью это были книги, переведенные с разных языков, их издавали на русском некоторые прогрессивные просветители. В частности, Николай Новиков, живший при Екатерине Второй, который является первым российским издателем "Бхагавад-гиты".

— Насколько мне известно, эта книга — единственный канон вашей религии бахти?

— Бхакти, доктор. "Бхагавад-гита" — лишь один из ряда главных канонов. Так вот, в Риге книги хранились в государственных архивах. В России, на Украине немало подобных трудов уничтожено или сокрыто от глаз народа, но в Латвии к ним был доступ, и адепты разных учений тайно копировали их. Или, подкупая архивариусов, они делали книги достоянием своей религиозной группы.

— Что, крали?

— А Вы не всегда верите своим ушам? С согласия хранителей архивов. Таким образом, в Риге вращалось немало разнообразной литературы по йоге, оккультизму и религии. Люди, жаждущие познать свое "я" или стремящиеся к могуществу мистика, или желающие иметь отменное здоровье, могли без особого труда все это найти. Соблюдая конспирацию, они собирались в квартирах и подвалах, чтобы делиться духовным опытом и читать книги. В этих кругах большим авторитетом пользовался мой таксист. Он слыл продвинутым йогом и мистиком, имевшим трансцендентные* видения. Его признавали учителем, способным много

рассказать о здоровье, о разных видах дыхания и об асанах — йогических позах.

— Знаю, практиковал я одну позу. Позу льва против хронической ангины. Помогало, но когда я с громким хрипом выпускал воздух, мою первую жену это нервировало. Она закрывалась в ванной и включала воду. Стала думать, что я немного того.

— Данная асана — действительно сильная, она хорошо помогает от ангины. Мой таксист знал много таких поз. Он занимался йогой с шестидесятых годов, был вегетарианцем почти десять лет! Он-то и познакомил меня с бхакти-йогами, или, как они себя называют, — вайшнавами — преданными Кришны. А они, в свою очередь, рассказали мне о своем вероучении, которое сразу мне понравилось. Хотите узнать великолепную философскую концепцию Вед?

- Хочу, - ответил Максимов, — люблю все великолепное. Например, покушать, когда голоден. Заходи после обеда.

Тут в дверь постучали. Мимо Святослава проплыл поднос, поддерживаемый секретарем. На нем дымился горячий компот и стояли блюда с яблоками, салатом и бутербродами. В большой тарелке плавал чей-то хвост. Святослав откланялся и пошел в столовую, но там его ждало разочарование. Беспольные суп с рыбой и каша, приправленная свиным жиром. Взяв три положенных кусочка хлеба, он сел за свободный столик. Затем в уме вознес Богу молитву и стал жевать хлеб, запивая его несладким киселем. После этого он вышел в сквер.

— Глава 5 —

ЛЕБЕДЬ В ШТОПОРЕ

Лебедь с нетерпением ждал встречи со Святославом. Круг товарищей по больнице, которые уже по сотому разу пересказывали анекдоты и приключения, до смерти ему

надоел. Они не в силах были говорить о чем-нибудь другом или молчать, и это обстоятельство было невыносимо.

Наверное, полтора года прошло с тех пор, как все компании, которые Лебедь знал, опостытели ему. С тех пор он старался встречаться с товарищами лишь по мере необходимости — чтобы достать вместе деньги. После этого он покупал наркотик и уединялся, уезжая в какую-нибудь глушь, снимая там квартирку или домик. Он брал с собой несколько книг, магнитофон, десяток кассет с записями рока и радиоприемник, чтобы слушать зарубежное радио. Он находился в берлоге до тех пор, пока не заканчивался опий. Последнюю дозу он принимал перед тем, как сесть в электричку и отправиться домой. А дома опять надо было встречаться с друзьями и смотреть на испуганную мать. Смотреть на нее было тяжелей всего.

В начале своего опасного увлечения Лебедь понимал чувства матери и сочувствовал ей. Но в то же время он отдавал себе отчет в том, что ничего, абсолютно ничего изменить не может.

"Ах, мама, если бы ты знала, как ты меня не понимаешь! — впадал он в своеобразное настроение. — И как тускл тот мир, который ты видишь! Ах, мама, если бы ты имела возможность сравнить! Ты бы тогда не осуждала меня. Ведь меня так не устраивает все то, что меня окружает! Ведь я просто не в состоянии быть довольным всем тем, чем довольны все вы, мама! И я так не хочу идти путем вашего поколения! Все, что имеешь ты и лучшие из вас, мне не нужно, мама! Нет, нет и нет в вашем мире целей, к которым я хотел бы стремиться. И лучшее из того, что я видел, — это та страна, которую открыл мне мак".

Через пару лет Лебедь стал понимать, что все вовсе не так красиво, как ему показалось вначале. Он чувствовал себя лет на десять старше, и вместо двадцати двух ему давали тридцать. Здоровье заметно ухудшилось, но, главное, он терял

к себе уважение. Чувствуя угрызения совести, он понимал, что был теперь способен на подлость. Особенно ясно он осознал это после того, как они с тремя друзьями обокрали вдову. Раньше подобные вещи казались ему робингудством, но в этот раз Лебедь ощутил стыд и понял, почему он его испытывает.

"Робин Гуд обирал не вдов, а богачей. Да и почему можно грабить богачей? — спрашивал он себя. — Ведь среди них есть те, кто немало трудился и честно заслужил свое добро".

Однажды воровство допекло его самого. Два друга, прихватив причитающийся ему опий, укатили в Среднюю Азию. До этого он считал их близкими друзьями и благородными людьми, теперь же от их измены его выворачивало наизнанку. В груди словно вулкан кипел, и он хрипел: "Гады! Подлые гады!" Через два дня, когда он все-таки успокоился, в нем заговорил устыжающий голос совести. "А ты сам не воровал? Забыл? Вдову помнишь?" Тогда он дал себе обет у людей не воровать, и если красть, то только у государства.

Но страсть к опию его не отпускала. Чувствуя великую силу наркотической привязанности, он стал сравнивать ее со злым духом, описанным в одной книжке. Заключив соглашение на сотрудничество с магом, дух вначале заразил своего "клиента" безудержной страстью к удовольствиям (чтобы наслаждаться через этого человека), а потом стал толкать его на черные дела (чтобы денег для наслаждений у человека было достаточно). Так дух привел колдуна к падению. В конце концов бесплотный сам убил мага, внушив ему повеситься на церковной колокольне.

Лебедь предполагал, что и с ним может произойти нечто подобное из-за готовности пойти на все для приобретения наркотика. Но ему было уже все равно. Он дошел до высокой степени безрассудства и, выслушав предложение друзей, не раздумывая, решил ехать в Павлоград за маком. "На год

привезу, а там будет видно, что делать дальше, — стал рассчитывать он. — Целый год!"

Их выследил патрульный вертолет. Он повис в тридцати метрах над полем, из окна его высунулось дуло. Из мегафона захрипело: "Всем лечь на землю, лицом вниз! Огнестрельное, холодное оружие выбросить!" Вертолет снизился, появилась лестница, по ней спустились вооруженные милиционеры. Наркоманов обыскали и заставили вскарабкаться в вертолет.

Следователь, приехавший в КПЗ, дал троице понять, что от срока им не уйти. Удрученный Лебедь рассказал обо всем в камере одному бывалому вору.

— Он сказал: не уйти? — стал смеяться вор. — На понт тебя хочет взять. Коси, Лебедек, и все будет классно. Коси на шизофрению. Если будешь уверен в себе и собран — получишь вялотекущую шизофрению. С ней врачи со спокойным сердцем выпустят тебя на волю. Придется, конечно, в психушку отмечаться ходить. Окромя того, психи не могут в солидных местах работать, учиться, и все такое. Но тебе это зачем? Воруй себе осторожно, не попадайся, и пусть вся эта учеба и работа катятся...

Через несколько месяцев Лебедь, благодаря совету вора, очутился в игреньской психбольнице. Когда в палату приходил лечащий врач или другие медработники, он начинал разыгрывать из себя сумасшедшего. Он то неотступно смотрел в какую-нибудь точку, то бесцельно блуждал глазами по комнате, как бы не видя стоящего перед ним визитера. Временами он негромко говорил:

— Лиза, заberi свои цветы. Почему ты принесла мне их назад? Это на твой день рождения, Лиза!

Или:

— Мама, он снова приходил! Он когтями царапает! Мама, отрежь ему когти! Он изнутри мне горло царапает, как я буду петь? Отрежь ему когти, мама!

При этом Лебедь делал вид, что никого не замечает, и весь

пребывает внутри себя. Еще он называл не своими именами врачей и больных, "путал" свою палату и, якобы нечаянно, заваливался не в свою постель. Иногда он проделывал все эти штуки, даже если медработников рядом не было. Никак не мог забыть тот случай с изменой друзей. С поры того предательства он стал очень недоверчив и на всякий случай имитировал шизофрению перед каждым.

Со временем Лебедь заметил, что он не одинок в своих попытках дурачить врачей. Минимум четверо пациентов пытались избежать тюрьмы или службы в армии, и это придавало ему энтузиазма. Искусно имитировать болезнь помогала ему сама судьба, наделившая его способностью актера и непроницаемостью — способностью человека скрывать ход мыслей и план действий. Благодаря этим качествам даже людям, знающим Лебеда близко, было весьма трудно распознать, что у него на уме. Что уж говорить о психиатрах, имевших лишь кратковременные встречи с ним! Кропотливо трудясь для создания имиджа сумасшедшего, он нередко угадывал "наседок" врачей и милиции. При них разыгрывал сумасшествие особенно тщательно. Это была довольно напряженная внутренняя борьба, главным стимулом которой было желание избежать тюрьмы. Порой силы бороться почти не оставалось, и Лебедь терял уверенность в том, что добьется своего. Когда он познакомился со Святославом, произошло чудо — его уверенность в победе быстро выросла.

Через несколько дней после первой встречи с этим, так не похожим на других человеком, Лебедь начал понимать, для чего ему необходимо выстоять. Он осознал вдруг, что вера Святослава реальна. Более того, он стал замечать, что у того явно есть поддержка свыше — словно Святослава опекает ангел-хранитель. Это проявлялось в том, что многие желания этого человека исполнялись и он явно был поставлен в привилегированное положение. Не главврачом Синявским и

его помощниками, которые относились к Святославу строго, как того хотел Комитет. Был другой покровитель, невидимый, но более могущественный, чем КГБ. Лебедь полагал, что Святославу помогает Бог или Его ангелы.

Лебедю тоже захотелось быть связанным с Богом. Это усилило его желание скорее выйти из психбольницы, за пределами которой он смог бы серьезно заняться йогой. Он захотел, отбросив наркотики, попробовать жить в йоге, то есть в связи со Всевышним. Поэтому он с большим вниманием прислушивался ко всему, что говорил Святослав. Ну а сильнее всего его заинтересовали ключи.

Наконец подошла вахта Василия. Лебедь сразу отправился к нему. Он долго говорил вахтеру о важности своего дела, предлагая ему рубль, но тот согласился выпустить на улицу только за рубль двадцать, что было стоимостью бутылки самого дешевого портвейна. Они условились на восемь вечера. В это время в больнице обычно было тихо, и в отделении на дежурство оставался один лишь врач.

— Глава 6 — ПЕРВЫЙ ИЗ РЫБАКОВ

Прогулявшись по парку, Святослав отправился в кабинет заведующего отделением, но неожиданно встретил того возле крыльца. Максимова куда-то срочно вызывали, и он сказал преданному (преданный — человек, практикующий любовное преданное служение Богу), что пригласит его в другой день. Тогда Святослав пошел к наркоманам, которые ему очень обрадовались и стали просить рассказать о йоге.

Не зная, с чего начать, он задумался. Вдруг ему вспомнилось, что говорил по этому поводу Прабхупада, чей авторитет Святослав признавал выше авторитета других духовных учителей, ведущих к Богу. Прабхупада утверждал, что в начале духовного пути человеку следует понять отличие души от тела. Поэтому преданный сказал:

— А вы знаете, что каждый человек, каждый из нас — это сплав тела и духа?

Подчеркнув "я", за всех ответил Лебедь:

— Я читал об этом.

— О-о! А где? — спросил преданный.

— В "Войне и мире".

— Вот бы никогда не подумал! — удивился Святослав, услышавший об этом впервые.

— Не вру. Наташа Ростова говорит об этом со своей сестрой и братом.

— Ну ты знаток! — сказал Лебедю один из парней. А Чеснок обратился к преданному:

— Первый раз о таком слышу. Сплав? Растолкуй. Тот немного подумал, как проще выразить идею реинкарнации души, и начал:

— В теле человека находится душа. Душа — это живое в человеке. А тело — это неживое, это машина или скафандр, в котором живет душа. В "Бхагавад-гите" Господь Кришна сравнивает тело с одеждой. А человека Он сравнивает с душой. Одежда постепенно изнашивается, и человек должен ее сменить. А что происходит, когда изнашивается тело, когда наступает неизбежная старость? Что нас неотвратимо ждет в конце старости?

Вопрос Святослава прозвучал очень неожиданно, и в палате стало тихо. Через полминуты один из наркоманов, которого все они считали трусливым, побледнев, сказал:

— С-смерть?

Святослав довольно убедительно кивнул и посмотрел в пол. Все почему-то опустили головы и тоже стали смотреть в пол, устланный линолеумом болотного цвета. Все молчали. Наконец Святослав сказал:

— Успокойтесь, смерть — это просто смена тела. Как человек меняет свои одежды, так душа меняет тела. Это часто бывает. Это с нами много раз было, поэтому не стоит по этому поводу волноваться.

— Не волноваться? — усомнился Чеснок. — Вот я... я в

морге пахал. Я к жмурикам привык. Вся-яких видел! Ломанные-переломанные. Обожженные. Утопленники — раздутые, как пузыри. Родня не может узнать! Сам себя жмуриком представляю... Жуть. И как наплет эта жуть... да я водкой заглушить ее не могу!

— Ну, не переживай. Все равно этого не избежать. Мы много раз видели, как это случается с другими, но почему мы думаем, что этого не произойдет с нами? Почему боимся об этом думать? Зачем мы выталкиваем эти мысли из ума? Тургенев в эпилоге к рассказу "Накануне" пишет, как человек иногда просыпается и с испугом спрашивает себя: что, мне уже тридцать, сорок или пятьдесят лет? Почему же так быстро жизнь промелькнула и смерть так близко надвинулась? И помню, Тургенев приводит красивое сравнение. Смерть подобна рыбаку, который, заловив рыбу в сеть, оставляет ее на время в воде. Рыба еще жива, плавает, но рыбак в любой момент может ее достать...

— Да, против смерти не попрешь!

— Так думаешь? Ее можно одолеть! Смерть нужно принять как должное и перестать ее бояться. Ведь существуют профилактические меры против страха перед ней! Если вы получите должное знание и разовьете его в своем разуме, то вы не будете бояться смерти. В древних Египте, Китае и Индии людей готовили к смерти. Им давали всю необходимую информацию о переходе в следующее тело. Эта информация дошла и до наших дней, и некоторые следуют этой методе сейчас. Например, я. Следую этой методе и готовлюсь к смерти.

— У-у! — раздались возгласы восхищения. — Научишь?

— Да, конечно. Вначале покажу, как умирать лежа. Вставайте-ка все с постели.

Трое парней освободили одну кровать, и Святослав лег. Он вытянул руки и ноги и стал рассказывать:

— Перед глазами нужно повесить изображение Бога.

Представьте себе, что там, на стене, большая картина с ликом Бога. А теперь слушайте, какие слова я буду произносить: "О мой Господь, пожалуйста, вспомни все, что я для Тебя сделал. Помоги же мне сейчас, в эту трудную минуту. Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе". И так — с именем Господа на устах — следует уходить из этого мира. То же самое можно делать и сидя. А лучше всего, если в комнате того, кто при смерти, все присутствующие прославляют Бога, то есть, вместе поют Его имена.

— А почему умирать нужно именно так? — спросил Лебедь.

— А так человеку спокойно. Он знает, что не останавливает свою жизнь. Знает, что вот-вот перейдет с грубого плана существования, видимого нам сейчас, на тонкий или даже духовный план существования, пока для нас невидимые. Невидимые, потому что наше сознание зафиксировано в диапазоне чувствительности грубого материального плана. Понимаете? Но когда мы переходим на эти более высокие планы существования, они становятся видимыми и вообще ощущаемыми нашими чувствами. Но не это главное. Главное в том, что если человек в момент смерти думает о Боге, то он уходит к Богу. То есть его следующая жизнь будет проходить в царстве Бога. Но если человек, умирая, думает о собаке, то в следующей жизни он станет собакой. Образ мыслей в конце текущей жизни формирует тело для души в ее следующей жизни. Макс сказал:

— А что, разве плохо — стать догом у хорошего хозяина? Никакой тебе работы — ешь, спи да гуляй.

Наркоманы стали забавляться, предлагая Максиму родиться ослом или носорогом, а потом завели разговор на зоологические темы, оставив духовные. Святославу было скучно слушать обсуждение их походов в зоопарк, и он решил уйти.

Когда он встал, Лебедь шепнул ему, что сегодня в восемь вечера можно встретиться. Вайшнав охотно согласился и отправился в палату, куда скоро должны были прийти с обходом врачи.

— Глава 7 —

КЛЮЧИ ЭНЕРГИИ

Красивые снежинки плавно падали на землю, выстилая бескрайний белый ковер. Парк одел белые одежды. По его аллеям прогуливались два пациента, под их ногами весело поскрипывал снег. Обоих охватило праздничное настроение. На это, безусловно, повлияли погода и общение на соответствующие темы. Легкий морозец дарил им ясность мыслей, и оба наслаждались беседой.

— Самым важным ключом, — говорил Святослав, — а точнее — звуковой формулой — является Харе Кришна мантра. Ее перевод: "О всепривлекающий, о всерадующий Господь, о энергия Господа, прошу, позволь мне преданно служить Тебе". Повторять и петь эту мантру нужно, старательно концентрируясь на звуке. Ты умеешь концентрироваться на звуке, можешь вообще на чем-нибудь концентрироваться?

— Да, — ответил Лебедь. — Я могу сосредотачиваться на звуке.

— Ты уверен?

— Да, — повторил он твердо. — Уверен, уверен. По этому поводу целая история вышла. Хочешь, расскажу?

— Расскажи.

— Я не сразу научился сосредотачиваться на звуке. Все с рока началось. Я познакомился с двумя ребятами из параллельного класса — им нравился рок. Интересно так они сказали: "Мы слушаем рок-концерты и получаем наслаждение не хуже, чем от пива. Но оно какое-то другое". Веришь, Слава,

они клялись мне: "От рока у нас энергия появляется!" Я стал ходить к ним и вместе слушать мафон. Мы врубали погромче. Мы слушали молча от начала концерта до самого конца. Но я ничего в этом не находил! Ровным счетом ничего! А они смеялись надо мной: "До тебя, как до жирафа!" Это был восьмой класс. Как я кипел! Молодой был. Но они были правы — я ничего не мог понять в музыке. Потом один из них прозрел. Он сказал своему другу: "Виталик, знаешь, почему он не понимает? Он не умеет слушать!"

— Поразительную вещь он тебе сказал!

— А что в этом такого?

— Ты закончи, я позже объясню.

— Он начал учить меня понимать и слушать музыку. Был он не абы кто. Был он отличник музыкальной школы. Он даже в консерваторию готовился поступать! Он научил меня отличать друг от друга звуки разных инструментов. Он разделил для меня звуки клавишных, гитар, басов, барабанов. И веришь, я научился слушать их по отдельности. Так что скоро я мог уже отслеживать партию каждого инструмента. Тих по тиху я стал чувствовать гармонию всех этих партий. Я уже видел, что они сплетены в одну композицию. Так интересно мне стало! И я поймал себя на новом удовольствии. Я испытывал новое удовольствие! Веришь? Потом я понял, почему. Я радовался тому, что понимаю музыку, радовался от поумнения — ведь раньше я ее не понимал! И еще одна вещь была — поинтереснее — я наслаждался самой музыкой!

— А вот это уже относится, согласно писаниям, к райским наслаждениям. Это — блаженство от слушания ритмично и художественно выложенного приятно звучащего звука.

— Здорово! Веришь, позже я находил удовольствие даже в классике! Постепенно я научился играть на гитаре. До гроба буду благодарен своему школьному товарищу.

— Удача тебе улыбается, — откровенно сказал Святослав.

— Ты уже немного подготовлен к восприятию мантр. Кстати,

мы с друзьями уже в течение пяти лет слушаем индийскую музыку с мантрами, основанную на древнейших рагах Гандхарва-веды. Мы обнаружили, что английский рок, в частности хард, создан на основе этих раг с их ритмами. Представляешь, слушаю как-то одну индийскую композицию, а там — один в один "Дым над водой" группы "Дип Перпл".

Лебедь, как и все меломаны, очень любил "Дым над водой" и был приятно поражен. Но Святослав не остановился:

— Кришна в "Бхагавад-гите" говорит о Своих проявлениях так: "Среди зверей Я — лев. Среди людей Я — царь. Среди водоемов Я — океан. Из светил Я — лучезарное Солнце". Аналогично, можно сказать: "Из рок-групп Я — "Битлз".

— Что ты имеешь в виду?

— Да "Битлз", вообще, пели Харе Кришна маха-мантру, а Джон Леннон в прошлой жизни был состоятельным индийским музыкантом.

— Слушай, я сейчас напою тебе одну песню, — помолчав немного, сказал Святослав. И звонко, но негромко запел на бенгальский мотив песню "Хари Харае намаха".

Лебедю мелодия и ритм очень понравились, и он сказал:

— Вот бы гитару, я бы эту песню подобрал!

— А ты, когда выйдешь отсюда, пой дома под гитару Харе Кришна. Когда выйдешь, зайди к моей матери и возьми переписать себе несколько бобин. Я уверен, ты оценишь ведическую музыку. Несомненно, оценишь индийские барабаны, цимбалы, струнные и фисгармонию.

— А чем она отличается от обычной гармошки?

— Фисгармония в Индии — вместо органа, она тоже создает возвышающий звук. Она имеет размер среднего чемодана. Это для индийцев удобно — ведь там очень много небольших храмов, где орган занимал бы слишком много пространства. Но фисгармония компактна и хороша для странствующих музыкантов — ее можно легко перевозить.

— А внешне она похожа на орган?

— На маленькое пианино. Ее изобрели в начале XIX века в Европе; французские и немецкие мастера оспаривают свое право на первенство в ее создании. Но в действительности в их странах было сконструировано несколько похожих друг на друга инструментов, и один из них, я знаю, назывался "экспрессивный орган". Вначале использовались ножные педали. Фисгармония имеет фортепьянную клавиатуру, но регистров у нее может быть меньше, чем у фортепьяно. Воздух, нагнетаемый мехами, давит на стальные язычки, которые ударяют по металлическим планкам. Поэтому инструмент относится к классу духовых клавишных. Интересно? В Индии, как правило, используют фисгармонии с мехами, которые надо двигать рукой, и мы тоже используем такие. Одна рука качает мехи, а другая перебирает клавиши.

Удовлетворив любопытство Лебеда, Святослав вернулся к теме концентрации на звуке.

— Слушай внимательно о ключе. Когда будешь крутить бобины, ты по привычке начнешь отслеживать партии инструментов. Помни, что главная из всех партий, которые ты услышишь на моих кассетах, — это вокальная. Слова исполняемых мантр, в сущности, — слова неземного языка. Представляешь, люди с высших планет, которые говорят на санскрите, передали нам свои послания!

— Хочется верить!

— Их записали святые, мудрецы или Сам Господь, который время от времени проживает воплощение в человеческой форме жизни. И поэтому, когда мы слушаем мантры, мы слушаем не что-нибудь, а послание от высших существ. Понимаешь? Зрячие говорят слепым!

— Так ведь язык непонятен, — засомневался Лебедь.

— Да, ты прав. Но есть переводы мантр. Да и можно ради такого дела учить санскрит. Мой брат по вере Арджуна из Ленинграда неплохо знает санскрит. Но для начала можно

освоить то, что уже переведено на русский. Надо вникать в смысл мантр, чтобы не делать чего-нибудь черного и вредного. Потому что существуют заклинания черной магии. Так вот, когда смысл мантры станет понятен, когда есть доверие к ней, тогда нужно стремиться как можно внимательнее сосредотачиваться на звуке. И когда ты слушаешь ее в исполнении святых, и когда поешь или повторяешь сам. Звук надо впустить в себя. Понимаешь?

— Не совсем.

— Вспомни школьные занятия, когда умы у многих из нас были ясны и пытливы. Нам было достаточно хорошо прослушать в классе урок, чтобы, не повторяя его дома, в следующий раз неплохо объяснить его у доски. А в другой раз мы слушали птиц, радовались бабочкам и перемигивались один с другим. Так вот, в первом случае мы впустили звук, а во втором — нет. И во второй раз мы не сможем объяснить урок без предварительного заглядывания в учебник. Почему?

— Потому что не слушали.

— А почему не слушали?

— Невнимательность.

— Верно. В первом случае внимание воспринимало одни объекты и информацию, а во втором — совершенно другие. Точно так же и с эффектом от мантр. Отдаю я все внимание звуку — мое соприкосновение с духовной энергией становится ощутимым. Наблюдается. Но если мое внимание во время повторения мантры отдано разглядыванию чего-то, нюханью, слушанью посторонних звуков, касанию, еде или умствования, в общем, если я мантру говорю, но не слушаю, то эффект очень слабый. Он в этом случае не ощущается. Понимаешь?

— Если честно, не очень. Я такой, пока на своей шкуре не проверю...

— Так проверь! Ведь можно! Это лучше и честнее, чем принять на веру чье-то мнение: "Да все это чушь". Чтобы

понимать, имена Бога, содержащиеся в мантре, надо впускать в себя, как бы бережно укладывая дрова в печку, а не бросая небрежно мимо нее.

— Имеешь в виду, бережно — внимательно, а небрежно — нет?

— Именно! И еще, тебе лично, как любителю музыки, могу привести пример с воображаемым наушником, в центре которого находится дырочка. Когда он слегка сдвинут с уха человека, эта дырочка не совпадает с отверстием в твоём ухе, и ты тогда не можешь услышать через этот наушник. Ты слышишь лишь в то время, когда наушник сидит как надо, когда все совпадает. Подобным же образом и эффект от повторения мантры. Если внимательно повторять, тогда — совпадение. То есть, уши открыты, и мантра со всеми своими энергиями входит в сознание человека...

Пых-х-х. На них густо посыпалась снежная пыль. Это неожиданно с раскидистого дуба, под которым они проходили, взлетела ворона. Они стали отряхивать друг друга и вычищать снег из-под воротников. Ворона села на крону следующего дерева аллеи, будто собираясь повторить проказу еще раз. Лебедь, развеселившись, слепил из мягкого снега снежок и, подойдя к дереву, бросил им в птицу. Она перелетела на соседний дуб. Он снова бросил в нее, но она не сдавалась и переместилась на следующее дерево.

— Пойдем в другую сторону, — сказал Святослав, — это очень вредный ворон. Я замечал раньше, что он пугает воробьев и синиц. Видимо, считает себя хозяином парка, хотя главный здесь явно кто-то другой. В ведической философии такое мышление называется концепцией "ложного эго", или "ложного я".

Они развернулись.

— Ну как, ты схватил этот ключ? Повтори-ка, пожалуйста, что главное.

— Главное — после знакомства со смыслом мантры

слушать вокалиста, поющего мантру. Когда поешь ее сам, слушать тоже главное. И не нужно отвлекаться на мысли, запахи, виды, посторонние звуки и на что-то там еще.

— Верно. Еще не нужно во время слушания Имен Бога отдавать внимание чувству касания, если, конечно, это не четки и не музыкальный инструмент. И ты забыл о вкусовых ощущениях. Они, казалось бы, невозможны в то время, когда язык говорит. Но имей в виду: мечтания ума о еде приводят к ощущениям вкуса на языке.

Лебедь продолжал пересказ:

— Концентрируясь только на звуке, я смогу впустить в себя мантру и энергию, которая приходит с ней.

— Верно. Но в чем выражается эта энергия, как ты сможешь узнать ее?

Лебедь подумал, но в его уме, незнакомом с практикой повторения мантр, ничего не родилось. Он умел применять логику, но когда информации на какую-то тему нет, нет и компонентов, которыми можно оперировать с помощью логики.

— Скажи сам, мне-то откуда знать?

— Разные мантры дают разную энергию. Мы с преданными повторяем лишь вайшнавские мантры. Все они очень эффективны, благотворны, и о каком-то там вреде не может идти и речи. Эффект действия мантры Харе Кришна проверен учеными. И за границей, и у нас. В Союзе исследования провел Сергей Митрофанов, который в свое время работал в институте Спиркина в Москве преподавателем парапсихологии и еще одного предмета, который я бы назвал мантроведением. Он также преподавал в группе изучения мантр при московском Институте Физкультуры. А светило индийской психологии доктор...

— Что ты на меня давишь авторитетом ученых? Думаешь, я им доверяю? Знаешь, есть так много всяких неподтвержденных гипотез и теорий! Скажи лучше сразу,

каков эффект мантры?

— Ну хорошо, больше ни слова об ученых. Непосредственный эффект от повторения мантры Харе Кришна выражается в изменении эмоционального настроения в положительную сторону и в приобретении новой информации. Мантра меняет угол зрения, и человек, который отваживается по несколько часов кряду старательно практиковать ее повторение, в результате может беспристрастно смотреть на себя со стороны — глазами, которыми он способен видеть свои недостатки. Себе-то он верит — это не критика какими-то людьми, которая чаще всего серьезно не воспринимается. Когда он сам видит свои недостатки, ему хочется изменить некоторые ценности. Тогда, выполняя деятельность, которая возвышает человека, он начинает этически и духовно расти. Тот, кто много и внимательно повторяет Харе Кришна, постепенно становится порядочным и благородным человеком. Понимаешь, он настоящей личностью становится.

Здесь преданный выдержал паузу, а затем продолжил:

— Теперь о приходящей информации. Это нечто, доселе бывшее неизвестным, непостижимым, в общем, не вмещающимся в границы привычных представлений о жизни того, кто мыслит как материалист. Эта информация расширяет границы постигаемого мира. Человек становится ее обладателем, потому что Господь дает ему новое понимание жизни, такое понимание, которое до этого было недостижимым для его восприятия. После этого открытый тем человеком закон становится для него нормальным и теряет печать неправдоподобности и сверхъестественности в системе его ценностей. Однако для других глаз этот закон по-прежнему остается неизвестным, неустановленным.

— Так ведь неверующие в Бога не могут своими чувствами ничего такого увидеть, потому что мантры и молитвы они не повторяют!

— Ты абсолютно прав. Поэтому одни атеисты не верят верующим, думают, что они заблуждаются или лицемерят, а другие считают их психически ненормальными. Так вот. Что с этим сделаешь? — Святослав вздохнул. Потом бодро заявил:

— Но для серьезных подвижников, которые неуклонно духовно растут, мнения атеистов не имеют никакого значения. В их жизни присутствует невообразимый для непосвященного колорит, необычное смешение сверхъестественности и одновременно реальности божественных чудес, нередко вторгающихся в течение их дел.

— Вторгающихся?

— Ну, не то чтобы это не нравилось. Наоборот, это прекрасно. Но это неожиданно и совершенно не зависит от нас. Оно происходит, и сразу понятно — вот действует могущественный разум. Становится понятно, что он вмешивается. Знаешь, это происходит у многих серьезных верующих. У нас это называется проявлением божественной руки. Допустим, в какой-то жизненной ситуации по всем правилам ты должен проиграть, но потом такое происходит! Нарушая все известные законы, вторгается воля Бога, и у тебя все хорошо. И понятно, что за этим стоит мыслящий разум. Сверхгениально... Стой! — перебил Святослав сам себя. — Я же важную вещь забыл сказать! Не только пение и повторение мантр и молитв во славу Господа дает человеку высшее знание. Безусловно, этот метод самый сильный. Общий же принцип получения информации о духовном мире таков: человек принимает авторитет истинных священных писаний — начинает служить Богу — Господь время от времени открывает его чувствам трансцендентное знание.

— Ты устал слушать?

Лебедь с энтузиазмом ответил:

— Я так долго ждал этого вечера! Всю жизнь, веришь? Такая информация! Ты же еще об изменении настроения хотел сказать.

— Да, это важно. Настроение изменяется в сторону оптимизма. Человеку становится спокойно за свою судьбу, на которую, как он ясно видит, оказывает влияние Кришна. Это выражено в заботе Господа и Его защите. Поэтому преданный Кришны всегда чувствует себя надежно защищенным. Как ребенок на руках матери. И также повторяющий мантру ощущает чистую радость, выраженную в проявлении бескорыстной расположенности или даже духовной любви ко всем живым существам. Это чувство делает мышление позитивным, в человеке растет уважение к людям и другим созданиям. Он становится очень мирным и...

—... за это его — в психбольницу, — закончил Лебедь фразу по-своему. После этого он спросил о каких-нибудь дополнительных ключах.

Прежде чем удовлетворить его просьбу, Святослав решил заострить его внимание на главном:

— Помни, что повторение мантры — главный, самый Действенный в нашу эпоху метод осознания своего "я". Наша эпоха названа Ведами Кали-югой, или железным веком. Следуя этому методу, можно быстро избавиться от грехов, осознать себя как духовное существо и обрести любовь к Богу. По поводу избавления от грехов отлично сказано в "Вамана-пуране": "Имя Господа считается самым известным вором в мире: если Оно входит в уши человека, Оно крадет все грехи, накопленные в течение бесчисленных рождений". Так что повторяй мантру, — продолжал Святослав, — и ты избавишься от всех грехов. Всегда держись за Господа, держась умом и языком за Его Имя. А насчет других ключей... Ты можешь, например, смотреть на изображение Бога или представлять в уме Его образ. При этом нужно выражать Ему вслух или мысленно свое уважение, восхищение Его качествами и красотой. Еще можно просить Его об исполнении негреховных желаний. Ему можно предлагать какую-нибудь вегетарианскую пищу.

— Что это значит — предлагать?

— Ставить перед изображением Бога какие-нибудь блюда или плоды, даже просто воду. И просить Господа отведать это, прикоснуться к этой пище. При этом нужно повторять Его имена. Причем делать это нужно с такой верой, будто перед тобой сидит важный гость, царь, скажем. Представляешь? Петр Первый! И перед тобой задача — оказать Петру самый что ни на есть пышный прием, подать самое лучшее, в чистейшей посуде, чтобы ни одной пылинки на ней не было. Если ты так будешь вести себя по отношению к Богу, то, имей в виду, Он начнет заботиться о тебе. Но обращаться к Богу нужно через истинного духовного учителя, скажем, через Прабхупаду.

— А Иисус — истинный учитель? -Да.

Святослав замолчал, увидев выходящего из больницы вахтера. Подойдя близко, Василий набросил на себя страдальческую гримаску и многозначительно побил правой рукой поверх левого запястья. Лебедь и Святослав благодарно пожали эту руку и вошли в здание. Потом преданный вернулся и протянул вахтеру яблоко, которым днем его угостили наркоманы.

Перед сном Святослав подумал, что прошедший день — самый удачный из всех проведенных в Игрени.

В Киеве у него тоже были такие дни, когда от пробуждения до засыпания он не занимался ничем, кроме преданного служения Кришне. А до того, как оказаться в психбольнице, он имел много сладостных вечеров, подобных сегодняшнему, когда он чувствовал необычайное довольство отснявшим днем. Они давали ему осознание своей полезности Богу и людям и дарили чувство счастья от своей полной занятости в служении им. От этого он чувствовал себя на вершине блаженства. Скоро сладкий сон унес его ум прочь из психбольницы.

В другой палате не мог заснуть Лебедь. Долго был не в

силах заснуть, переполненный, ошеломленный информацией. Она открывала перед ним уникальные перспективы. Ему теперь стало ясно, как можно быстро изменить жизнь к лучшему. "Всего за рубль двадцать я купил великое богатство! Теперь я точно брошу колоться", — твердо сказал он себе этой ночью.

— Глава 8 —

ТУЧИ НАРКОМАНА

— Хотите, открою вам секреты? — говорил на следующий день Святослав шестерым наркоманам. - Хотите, разъясню, почему наркотическое блаженство уступает духовному?

Ребята одобрительно зашумели. Половине из них все, что бы Святослав ни говорил, казалось умным. Другие считали его одним из "развлекателей". Таких наркоманы ценили за способность занимать внимание, отвлекать от больничной скуки. Каждый "развлекатель" умел рассказывать в лицах. Их было четверо.

По рейтингу наркоманов вторым после Святослава был больной по прозвищу "Анекдот на "сам". Побасенки его были избитыми и давно замусорившими атмосферу над СССР. Тем не менее, слушать его ребятам нравилось. По особой причине — рассказывая анекдоты, этот человек всякий раз выставлял действующим лицом самого себя. Это позволяло наркоманам поиздеваться над беднягой и всегда их сместило. После каждого рассказанного им анекдота они картинно аплодировали, а потом начинали донимать парня его же ролями. Если он в рассказе был бараном, они называли его бараном и заставляли блять, а если он был грузином, они настаивали, чтобы он станцевал лезгинку.

Третьим считали пожилого "советника" Сталина, который пересказывал немало историй из политической и личной жизни сталинского кабинета. Когда хотели его послушать,

просто-напросто говорили: "О советник вождя, расскажи нам свои мемуары!" Тогда, утверждаясь в своей иллюзии, он окунал их в сточную канаву грязных политических историй, настоящих и выдуманных.

Последний "развлекатель" — Лебедь — повествовал о приключениях героев фантастической литературы и о рок-группах. Все остальные обитатели отделения не пользовались славой людей, способных занять внимание.

Хотя все хотели послушать Святослава, Чеснок вдруг завелся.

— Ты чо, прикатил сюда агитировать? Фиг с два, мы не завяжем! Я уже заказал Васе крема сапожного. Особый вариант — на спирту. Хапнем каждый по полбаночки, и будет ФЕСТИВАЛЬ! Давай, о чем-нибудь другом толкуй.

— Пусть он говорит, о чем хочет, Чеснок, — сказал Макс.

— Пусть говорит, — поддержал Лебедь. — Ты же кричишь, что все равно кайфовать не перестанешь, так чего боишься?

— Да я не фолуюсь! Достали морали! Матушка, препо-ды, опера, доктора... Сколько можно? Достали! Ничо не понимают, а шнобель свой длинный суют. Давай, о другом толкуй!

— Он же тебе не матушка, не опер, не учитель и не доктор! — не уступал Лебедь. — Он же Божий человек! Не хочешь, дергай в другую палату или уши подушками заткни и спи! Понял? Стартуй, Слава.

Чеснок все же остался и уши подушками не заткнул. Святослав начал:

— В чем вы убеждены? В том, что любимые Вами виды эйфории превосходят по интенсивности и сладости все эмоциональные состояния, которые испытываются людьми, живущими без наркотиков? Да?

— Ну, да, — согласился Макс.

— Извини! По ряду причин с тобой нельзя согласиться.

Скажем, мать в моменты, когда она со всей чистотой любит ребенка, получает колоссальное наслаждение. В это время из нее самопроизвольно сочится материнская любовь. Она дает ей сильный оптимистический стимул к жизни, наделяя ощущением счастья.

— Но ведь мы не женщины! — сострил Чеснок, и некоторые захихикали.

— Это просто пример, — отреагировал Лебедь. — Уймись, Чесночина. Отцы тоже сильно любят!

— Но я буду говорить не об этом, а буду говорить о блаженстве любви к Богу, ибо оно превосходит любое другое блаженство. Я буду говорить о его преимуществах перед наркотическим наслаждением. Но вначале я в общих чертах скажу о наслаждении, возникающем после приема наркотиков. В том числе и алкоголя, который, по сути, наркотик, но разрешенный в обществе по некоторым причинам. Я сказал "в общих чертах", потому что наркотики действуют на психику по-разному.

— В масть! — согласился Чеснок хоть с чем-то.

— Во время наркотической эйфории человек на несколько часов забывает о тяготах существования, не думает о тревожном будущем. Просто наслаждается. Чувства испытывают материальное наслаждение, и его сознание настраивается на другую волну. Другими словами, создается резкий контраст между тем, как он ощущает мир в обычном сознании, и тем, как воспринимает его во время воздействия на психику наркотиков. Так?

— Сто процентов! — подтвердил Макс.

— А потом действие наркотика проходит, и человек вновь вынужден столкнуться с проблемами, которые случаются в нашей жизни постоянно. Поэтому он опять и опять сильно стремится войти в состояние наркотического или алкогольного опьянения. Ему больше нравится находиться в этом состоянии, чем обращать внимание на жизненные

проблемы. Ему не хочется ощущать тяжесть, вызванную серым настоящим, а также мыслями о греховном прошлом и пугающем будущем. Таким образом, он привязывается к действию наркотика и считает, что наслаждение им — лучшее из всего, что может быть в жизни. Оно для него — счастье.

"Транс дает мне возможность хорошо удовлетворять чувства и уходить от обыденных проблем, — думает наркоман. — Какое мне дело до людей, которые не понимают этого и мешают мне?"

Так как чувства человека привыкают к действию наркотика, наркоман вынужден увеличивать дозу или смешивать разные виды наркотических средств...

— Я — полинаркоман! — гордо заявил Чеснок. Лебедь уничтожающе посмотрел на него, и на лице Чеснока отобразилось странное выражение — удивительным образом на нем совместились виноватость и наглая ухмылка.

— Наркоман, — не обращая внимания на реплику Чеснока, продолжил преданный, — обязан давать чувствам все больше и больше, чтобы опять войти в эйфорическое состояние. Так у него возникает зависимость. Эта зависимость рождает несколько следствий. Одно: человек должен снова и снова находить деньги на наркотики. Еще одно: со временем к нему приходит безразличие, а затем и отвращение к полезной и активной деятельности. Праздность охватывает его все больше, и он ищет быстрых путей для заработка. Ищет выгодную работу. Хочет, поменьше сделав, побольше получить. И поэтому многие наркоманы начинают вести противозаконную деятельность. Они воруют или заняты другими преступными делами. Многие наркоманы и алкоголики опускаются до того, что начинают воровство в собственном доме, унося и продавая вещи...

— Да никогда! — гордо заявил Чеснок. — Клянусь даю!

— Не ври! Ты поклянешься! — наполненным скепсисом голосом сказал Лебедь. — И не мешай говорить! Слава!

— Другое последствие — наркоманы постоянно испытывают беспокойства. А рождаются беспокойства от страха получить наказание за нарушение законов государства, еще — от гнета морального осуждения родственниками и обществом. Верно говорю?

— Это в начале мы волновались по поводу осуждения родственниками и обществом, — признался Макс. — А потом стало все равно. А насчет страха перед милицией ты прав.

Святослав продолжал:

— Большая часть наркоманов вынуждена вступить в преступный клан и принять определенные законы, принятые там. Ну, скажем, образ жизни, жаргон и философию. То есть, они входят в систему отношений с другими наркоманами и поставщиками. Так появляется зависимость от своего круга, от стоящего над ним клана наркомафии, и поэтому постоянно присутствует риск быть убитым...

— Да я сам завалю кого хошь! Лебедь не сдержался:

— Затухни! У тебя для того два уха, но всего один рот, чтобы ты поболее слухал и помене базарил!

Гневно выпалив это, он ударил Чеснока подушкой по голове. Тот сжал кулаки, но потом пошел на попятную:

— Против лома нет приема, да? Боец ты, Лебедь, да? На таких бугаев, как ты, у меня всегда ножичек припасен. Твой фарт, что мы в больничке, и ножичка нету.

- Может, мне лучше уйти? Я вижу, мое присутствие вызывает серьезные беспокойства.

Святослав встал с кровати. Лебедь и еще один парень схватили его за плечи и принялись усаживать.

— Продолжай, продолжай, он уйдет! — убедительно сказали они. — Чеснок, попробуй еще хоть слово вякнуть!

— Увидите все по утряне, как наш Лебедек не проснулся с отверткой в ухе! — пригрозил Чеснок, но сдался. — Все, молчу, раз вы правильные такие. Ну такие правильные! Ровненькие!

По общей просьбе Святослав опять заговорил: — Как я уже сказал, неизбежен конфликт с законом, в результате которого реальна угроза угодить в тюрьму. В тюрьме же наркотики получишь не всегда, зато там обеспечен океан страданий. Следующая проблема — подрывается здоровье человека, что отражается затем на потомстве. А кроме тела каждый из нас имеет интеллект, который страдает тоже. В частности, ухудшается память. Согласны?

Никто не возразил.

— Если наркоман не принял дозу, он начинает чувствовать себя плохо и не может собраться с мыслями. Он становится раздражителен и агрессивен. Здесь следует еще учесть, что в отсутствие привычной дозы в плохом самочувствии морфинистов и даже поглотителей кофе в значительной мере повинен дефицит в организме некоторых необходимых веществ.

— Дефицит?

— В сущности, организм вырабатывает эти необходимые вещества естественно, без наркотиков, но когда он постоянно питается наркотиками, он "отвыкает" от самостоятельной работы. То есть, он перестает производить достаточное количество ряда ценных биологических агентов. Если употребление наркотиков в свое время не прекращается, то некоторые функции отключаются совсем.

- Стой, стой, — сказал Макс. — А если я клад вырою?

Прикинь, что у меня всегда будет много "воздуха". Тогда я сам себе барин — сколь хочу кайфа, столь покупаю. "Воздух" у меня никогда не закончится. Значится, я смогу всегда наращивать дозу. Значится, я смогу менять наркотики, и приедаться они не будут. Тогда кайф воце не кончится. И если "воздух" всегда есть, я буду кровь чистить. Значится, садиться на меньшую дозу. А жить буду. . .э-э... на Канарских островах. Менты там меня не достанут. От блатных там зависеть не буду. Чо, "воздуха" много! Банду себе найму —

телохранителей. Негров. А агенты-компоненты будут всегда вырабатываться — кайф-то всегда будет. Пусть тогда мой организм отдыхает от работы.

— Ну, клево придумал! — похвалил Макса Чеснок. Лебедь же скептически бросил:

— Утопист.

Святослав продолжал мягко, не пошел в "лобовую":

— Допустим, Макс своего добился. Однако в реальности это доступно лишь маленькой горстке людей. Благодаря своему труду в этой или прошлых жизнях они получили такую возможность — какое-то время не работая, просто развлекаться. Но наслаждаться так они могут лишь в течение ограниченного промежутка времени. Рано или поздно это закончится, и они опять будут вынуждены трудиться. Даже если не брать во внимание законы кармы, а просто посмотреть на земные реалии. Нетрудно заключить — существует совсем немного людей, которым их финансы позволяют постоянное употребление наркотиков. Для основной же части это носит временный характер, ведь деньги заканчиваются. Вообще-то, более изысканные удовольствия, чем на Земле, существуют на райских планетах. Что Канары? На небесах такие удовольствия, что и Рокфеллеру не снились.

— А разве в раю у Бога наркотики есть? — спросил Макс.

- Царство Бога и рай — разные места. В раю хоть и лучше, чем на Земле, то есть, я имею в виду, что там меньше страданий, там все же хуже, чем в царстве Бога. Ну а если вернуться к твоей идее о Канарах и нескончаемом трансе, то давай теперь рассмотрим главные проблемы. Только будьте честными. Разве не бывает во время наркотических трансов очень неприятных ощущений, от которых любители наркотиков сильно страдают? К примеру, могут начать мучить какие-нибудь тонкоматериальные существа, и защиты тут ждать наркоману неоткуда. У вас черви по коже или под кожей

не ползали?

— У меня клопы с жуками под кожей ползали, когда я принимал кокаин, — поделился опытом один из слушателей.

Чеснок добавил:

— А я прикатывал из морга на хату и хлебал спирт. Хотел от жмуриков смыться. Вот. Три "кона" все в обратку пошло. Жмурики сами меня доставали. Летали вокруг. Ломанные-переломанные. Пузыри раздутые. Как живые! Жуть! В другой "кон" по мне лазили мыши и крысы — у-у, хвостатые! Когтями царапали! Уф, жуть! У-у, противные! Это белая горячка была.

Чеснок сказал это так, как жалуется ребенок, рассказывающий о "ваве". Святослав посочувствовал:

— Бывает же! Кстати, не думали ли вы, что поскольку галлюцинации при приеме определенных наркотиков имеют однородный характер, то это указывает на то, что умы людей при их приеме попадают в конкретные зоны тонкого мира?

Все промолчали, а он пошел дальше:

— Что скажете насчет "ломок", когда нет наркотика? Испытывали? Или чувство тревоги и преследования? Да и вообще, разве мало всякого страха?

— Страх, страх... Одна у тебя пластинка. Да он проходит потом, твой страх. Можно и потерпеть, — сказал Чеснок, словно забыв о своей жалобе на мертвецов и крыс.

— Как можно спокойно сносить свой страх? — удивленно посмотрел на него Святослав. — Зачем тратить драгоценное жизненное время на пребывание в состоянии страха? Это не расточительство? Ведь это совершенно некомфортно! Богат ты или прославлен на весь мир, как ты можешь чувствовать себя счастливым, если ты охвачен страхом? Безусловно, на определенных этапах развития страх полезен душе — чтобы чего-то достичь, чему-то научиться или избежать опасности. Но в идеале нужно достичь такого уровня сознания, когда страхи отсутствуют. И это не достигается с помощью

вооружения себя до зубов или окружения телохранителями.

— А как это достигается? — поинтересовался Макс. Святослав словно не услышал его вопроса.

— А что вы скажете насчет передозировки? Бывало у ваших знакомых?

Опять он говорил про смерть. И что они могли ему на это ответить?

— И неважно, как она придет: от передозировки или ножа. Осознание предстоящей смерти — главное, что омрачает любое материальное наслаждение. Сознательно или подсознательно человек, не принимающий идею своего вечного существования, это чувствует. Чувствует, что с кончиной даже у самых ненасытных наслаждение заканчивается. И скажу еще раз: осознание смерти мешает людям испытывать разнообразные удовольствия. Итак, друзья, это ваше наркотическое блаженство, с одной стороны, отравляется всякими ужасами, а с другой — не может длиться постоянно. Не так?

— Да все в этом мире так! — сказал Макс. — Постоянного ничего нет.

— Есть, есть! Духовное наслаждение! Оно по своей природе отличается от наркотического, да и вообще от любого материального. Во-первых, оно не кратковременно и не несет пресыщения, как все материальные удовольствия. А во-вторых, оно больше и слаще, чем все они. Оно удовлетворяет душу от души.

— А как это проверишь? — спросил Макс. — Почему мы должны верить тебе?

— Не мне верить — священным писаниям верить. Вначале принимается на веру, потом проверяется практически. С помощью экспериментов. В общем, это надо понять, раскусить. Когда станет понятно, что духовное блаженство лучше, тогда появится естественное стремление к нему. И это стремление несет в себе силу изменить этический

облик личности, который разрушен наркоманией, алкоголизмом, преступным зарабатыванием средств или другой греховной деятельностью. Желание отведать духовного блаженства спасает человека от деградации и возвышает его. И последнее — духовные наслаждения разрешены Богом, поэтому, испытывая их, человек не чувствует никаких беспокойств и страхов. В писаниях духовный мир определяется как место, где нет беспокойств, на санскрите оно называется Вайкунтха.

Святослав закончил свои объяснения. Наркоманам было непонятно, зачем нужно изменять этический облик личности и образ жизни. Лишь Лебедя, да немного Макса беспокоила собственная деградация. И главное, всем им было неизвестно, каково духовное блаженство на вкус. Тот, кто слышит о нем, но не испытал, подобен пчеле, ползающей по банке с медом. Вкус меда снаружи неведом, и, чтобы его ощутить, пчеле необходимо попасть внутрь банки. Таков же и путь к познанию духовного блаженства — практикуя метод, изведать его вкус. Несмотря на эти неясности, беседу все сочли полезной. Они даже отчасти верили Святославу, так как замечали, что он явно испытывает какое-то необыкновенное удовлетворение и спокойствие! Какое-то чистое удовлетворение, не стимулированное приемом внутрь химических веществ. Уж это они своим опытным глазом точно могли заметить! "Наверное, это и есть духовное блаженство", — предполагали они, завидуя умению уравновешенного Святослава владеть собой и сохранять чувство собственного достоинства. Ах, если бы они верили, что сами смогут испытывать такие же невозмутимость и счастье, если будут регулярно, внимательно и достаточно по времени повторять мантру Харе Кришна!

ВЕЧЕР ИНДИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Приближался День Советской Армии. Пациентам объявили, что по случаю праздника в столовой состоится совместная встреча больных и медработников. Шеф-повар пообещал угостить всех в знаменательный день фруктами и тортом.

Святослав подумал, что было бы неплохо организовать 23 февраля культурную программу. Большинство обитателей отделения умирало от скуки, и он был уверен, что они легко расправятся с ней, если примут участие в подготовке утренника. И встреча в столовой прошла бы интереснее и веселее. Например, можно было бы поставить спектакль и спеть какую-нибудь бенгальскую песню на духовную тему. За неделю до мероприятия Святослав представил свои идеи старшей медсестре Веронике Глебовне.

Она была человеком с большим сердцем. Из той группы коллег, кто испытывал сострадание к больным, она выделялась теплой материнской заботой о пациентах.

"Ее единственный сын — офицер за границей, мужа она похоронила — вот и относится к этим психам, как к РОДНЫМ детям", — говаривали некоторые медсестры о Веронике Глебовне.

К моменту разговора со Святославом она заметила, что беседы с ним делают наркоманов спокойными. И медсестры перестали ей ябедничать, мол, парни донимают просьбами колоть их наркотиками. Поэтому во время беседы эта пятидесятилетняя женщина похвалила его:

— Такие они несчастные. Молодец ты, что им помогаешь!

Святослав немного смутился, а потом сказал:

— Если дать мне своего рода профсоюзную должность, что-то вроде "ответственный по культмассовой работе среди больных", я смог бы тогда действовать уверенней.

— Шикарная идея, — поддержала Вероника Глебовна. — Я на заведующего с ней выйду.

— Буду очень Вам признателен!

Незадолго до этого заведующему отделением доложили, что Святослав подолгу общается с наркоманами, рассказывая им о йоге и вреде наркотиков. В целом это сказывается на ребятах положительно. Поэтому, когда Вероника Глебовна предложила дать преданному неформальную должность, врач сразу отказывать не стал. Она поведала также заинтересованным тоном об опытности Святослава в организационной работе и еще о том, что он способен подготовить к 23 февраля солидную культурную программу.

Максимов думал, что находится в долгу перед преданным. Он до сих пор не подискутировал со Святославом на философские темы, поскольку в его сердце закрался страх перед этой беседой. Быть в ней пассивным слушателем он не мог — пришлось бы спорить. А аргументов для победы в споре он не находил. Поэтому врач старательно избегал контактов со Святославом. Вместе с тем его мучила совесть: ведь он по собственной инициативе напрашивался на этот диалог. Теперь же подворачивался случай реабилитироваться, оказав пациенту хорошую услугу. По мнению врача, принять предложение Вероники Глебовны было лучше, чем ввязаться в дискуссию и проиграть ее. Доктор чувствовал, что отстоять философию марксизма ему не удастся, а это могло вылиться в какие-нибудь неприятные последствия. Кроме того, его положительному настрою способствовала благодарность Святославу как коллеге, которая появилась после того, как Максимов услышал о его неординарном методе лечения наркомании. Заведующий считал ее тяжелой болезнью и бедствием в масштабах государства. Поэтому он над делом долго не раздумывал и дал Веронике Глебовне добро.

В тот же день Святослав попросил ее выделить помещение, где он мог бы в одиночестве спокойно думать над программой и собирать людей для репетиций. Она дала ему каморку без окон, три на два метра. Уже по собственному

желанию она принесла туда электроплитку и повелела завхозу отпускать преданному с кухонного склада продукты.

По особой причине вайшнав решил разучить с наркоманами песню-молитву, посвященную духовному учителю. Перевод санскритских слов этой песни (в которой имена Харе, Кришна и Рама не звучали), кому-либо в больнице известен не был, тогда как мантру Харе Кришна врачи знали и исполнение ее восприняли бы как религиозную проповедь. "А так подумают, что мы поем индийскую песню", — заключил Святослав. И объявил Веронике Глебовне:

— Программа будет называться "Вечер индийского фольклора".

Она доложила заведующему, и он полностью успокоился — религией здесь и не пахло.

Лебедь и все его товарищи, пользуясь русским алфавитом, под диктовку записали слова песни, что им давалось нелегко. Все-таки это был санскрит, хотя, как говорит наука, и прародитель русского языка, но все же язык незнакомый и сложный. Записав песню, начали петь.

Солировал Святослав. После того как он пропевал весь куплет, наркоманы хором повторяли этот куплет за ним. Таков стиль санкиртаны — совместного пения имен Бога. Особенно всем нравилось петь последнюю строчку "вангурох шри чаранаравиндам", что означало: в почтении я склоняюсь к стопам моего духовного учителя. Вайшнав объяснил ребятам, что поклон в индийской культуре — знак признания авторитета старших, будь то родители или учителя. Согласно принятому этикету, младшие прикасаются к их стопам и кланяются им.

— Вам это кажется шокирующим? — спросил Святослав.

— Непривычно, — сказал Лебедь.

— По-рабски, — выразил свое мнение Чеснок.

— Это хорошо — почитать старших, — сказал Сулей-ман, лежащий в палате Лебеда и Макса, учитель пения, который до

восемнадцать лет жил в Туркмении, проходил срочную службу в Днепропетровске, где после армии женился и остался.

— Разные умозаключения, — сказал Святослав. — А все потому, что определенные вещи в восточных культурах отталкивают европейцев, им что-то кажется низким. И точно так же какие-то ритуалы, принятые европейцами, отталкивают азиатов.

Так или иначе, некоторые из присутствующих по-хорошему вспомнили своих родителей и учителей.

На следующий день один из санитаров, исполняя просьбу Лебеда, принес гитару, и Лебедь стал аккомпанировать пению. Он брал созвучия, настраивающие на романтический лад. Поэтому всем хотелось петь с чувством. Это были аккорды, составляющие гармоническую основу испанских серенад. Периодически Лебедь вставлял в игру виртуозные проигрыши. Без всякого вина поющие стали чувствовать себя немного опьяненными.

Кроме наркоманов стали приходить другие больные, которые тоже запели на санскрите. Сулейман разделил всех на три партии голосов. Из каморки теперь доносилось грамотное хоровое пение, и поэтому одни медработники злились и завидовали, а другие удивлялись и заслушивались. Святослав же был на десятом небе от счастья. Больше всего он радовался преобразению больницы. Медработники и больные шутили. В их отношениях друг к другу стала исчезать фальшь. Драки стали редким явлением. Снабженец неожиданно привез много яблок и кабачковой икры, и все это стали раздавать больным.

Святослав, входящий на склады, принес туда маленькое изображение Кришны и предложил Господу все лежащие там яблоки и икру: "О Господь, прими это, пожалуйста!" Потом он развел руками, показывая на вегетарианские продукты. После этого прочитал мантру Харе Кришна.

Питая родительские чувства к Святославу, Вероника

Глебовна выхлопотала для него ящик икры и ящик яблок. Их принесли в его каморку, и теперь он мог восполнить свой витаминный дефицит и побороться с истощением. Он поблагодарил ее, а потом спросил, верит ли она в Бога. Она тихо, почти шепотом, сказала "да". Затем открыла, что иногда даже взывает к Нему в молитвах. Восхищенный, Святослав спросил, каким именем она называет Бога. Она ответила:

— Просто Богом. Разве кому-то известно Его Имя?

— Конечно, известно, — ответил преданный. — Во всех серьезных религиях Его Имена представлены в писаниях. Разве это не соответствует правилам хорошего тона, когда Вас с кем-то знакомят и представляют друг другу по имени? Когда Вы называете Бога по имени, Ему это гораздо приятнее, чем если Вы говорите просто "Бог". Ну представьте, что есть два человека, один из которых называет Вас по имени, а другой — просто "женщина". И к кому же У Вас будет больше симпатии?

— Слава, да мне по имени приятнее. Это ближе, чем "женщина". Но почему я должна верить, что в писаниях Даны верные Имена Бога?

— Вероника Глебовна, но ведь есть святые! Есть люди, Достигшие совершенства, а они шли по духовному пути. Их счастье превышало счастье даже самых удачливых материалистов. Как они людям помогали! Как на кресты шли, как проповедовали! Как лечили! До сих пор их мощи лечат.

— А причем здесь святые, Слава?

— Да ведь они, Вероника Глебовна, много молились и обращались к Богу по имени. А кто они? Они совершенные люди, а стали ими, идя путем религии. И были исключительно правдивыми, самоотверженными и полезными для общества. А значит, если бы имена Бога были ложными, и вообще, если бы религия была бредом, тогда эти уникалы обязательно предупредили бы человечество, что религия — фантасмагория. Но истинная религия — не бред.

Вот меня упрятали сюда за веру. А разве я шизофреник?

Вероника Глебовна согласилась с его рассуждениями, а потом он показал ей изображение Кришны. Господь выглядел, как юноша необыкновенной красоты, и был одет в желтые одежды. Из красивых длинных черных волос вздымалось павлинье перо, а губ касалась флейта, которую Кришна держал в руках. "Такой безмятежный и неземной!" — подумала Вероника Глебовна. Когда она уходила, снова услышала от Святослава слова благодарности за ящики с вегетарианскими продуктами.

На следующий вечер перед репетицией он угостил друзей по больнице яблоками и кабачковой икрой, а потом начал разучивать с ними бенгальскую песню "Хари харайе намаха", сложенную из имен Бога. Лебедь стал играть ее в ритме рока, и все с удовольствием принялись петь. Эта мантра так понравилась пациентам, что, как только ее текст заканчивался, они, не останавливаясь, принимались петь ее заново.

Чувствуя себя в такой благоприятной атмосфере почти как в храме, Святослав перестал ощущать тяготы больничной жизни.

— Глава 10 —

ТАЛЛИНСКИЕ ХИППИ

Во время тихого часа спать никому не хотелось, и Святослав вселял в морфинстов веру в то, что они смогут отвязаться от наркотиков. С целью проиллюстрировать свои доводы историческими примерами, он стал рассказывать о советских и американских хиппи. Представители и тех, и других, примкнув к Движению Прабхупады, обрели необходимую силу и спаслись от наркомании.

— Это было в Таллинне, — неспешно начал он. — Таллинн стал вторым городом в СССР, где появились бхакти-йоги. Где-то в 1976 туда приехал лидер этих йогов, Анатолий.

Как и мы, он лежит сейчас в психбольнице. Но ему тяжелей, чем нам, — он в спецбольнице МВД — в известной "Сычевке", в Смоленской области. Сами знаете, насколько тот курорт лучше этого.

— Не приведи Боже! — отреагировал Макс и манерно перекрестился. Потом по очереди перекрестил каждого, в том числе Святослава.

— Итак, приехав в Эстонию, он горел желанием найти тех, кто будет слушать о душе и самоосознании. У него был адрес квартиры таллиннских хиппи, который ему дали в Москве их столичные друзья. Анатолий быстро разыскал "Мичурина", одного из вождей советских хиппи...

— Мичурина? — вдруг воскликнул Макс. — Я знаю "Мичурина"!

Макс был в таком настроении, словно выкопал клад. Все удивленно на него посмотрели, ожидая разъяснений.

— Я ездил с моим старшим братом в Киев. Мы попали на тусовку хиппи. Там был этот Мичурин. Он здоровый такой — с метр девяносто. Он?

— Да. Имя — Рейн, — ответил Святослав, — ровная спина, статный, как генерал, широкоплечий...

— И подтверди, какие у него глаза! — перебил Макс.

- Точно, как два больших голубых шара! — согласился преданный. Макс, попав в центр внимания, почувствовал удовлетворение в уме. Святослав продолжал:

- Хиппи было пятеро, и они жили вместе в небольшой квартире. Анатолий мне рассказывал, что увидел десять погасших глаз, через которые души не хотели смотреть в надоевший им внешний мир. Лица этих ребят выражали пренебрежение общественным мнением и чувство собственного "хипповского" достоинства. Под этими масками скрывалось соответствующее настроение, бывшее своего рода забралом, которым хиппи пытались отгородиться от современной культуры. Они протестовали против

обезличивания человека, который в XX веке в значительной степени "высунул" свои чувства во внешний мир.

— Как это, "высунул" во внешний мир? — было неясно Лебедю.

— Человек относится к таким созданиям, которые наделены как внешними, так и внутренними чувствами. Пятью внешними и четырьмя внутренними. Все их можно направить на внешний, то есть, видимый материальный мир, а можно направить и на невидимые тонкоматериальный и духовный миры. Они тоже постепенно станут видимыми. Так вот, пять таллиннских хиппи принялись искать счастье и смысл жизни во внутреннем мире, но так же, как и вы, — не с помощью настоящей духовности, а с помощью наркотиков.

— Смысл жизни внутри ищу? Бред! Мне кайфно, вот я и кайфую, — смакуя воспоминание, процедил сквозь зубы Чеснок.

— А другие ищут! — многозначительно сказал Макс и посверлил Чеснока глазами. — Не все такая деревня, как ты! Слава, продолжай.

— Осознав в итоге, что счастье не в наркотической эйфории, чередующейся с муками наркомана, хиппи попытались найти его в буддизме, теософии, христианстве и других учениях. Однако, не имея силы следовать методам и заповедям учений, да и не понимая, зачем это нужно, они снова и снова возвращались к наркотикам. Так они вели свою полосатую жизнь.

Полосы ухода в наркотические трансы перемежались с полосами трезвой жизни и духовных поисков. Они то трудились на тяжелых работах, гонясь за длинным рублем, и тогда их жизнь становилась ослиной, то превращали этот длинный рубль в эйфорию. Не могли они долго без наркотиков.

Чеснок вдруг схватил гитару и, простенько играя, запел фальцетом:

Как только вечер кайфа наступает,
Наркоши собираются в кружок,
И кто-то там кого-то иглами ширяет,
А кто-то забивает косячок.
Напились, накурились, наширялись,
И на повестке дня один вопрос:
Ах, как достать побольше кокаина с эфедрином
И план засеять там, где он не рос.

Голос его был сиплым и немного скрежещущим.

— Будешь мешать, я тебя промеж глаз стукну, Чесночина!
— стал злиться Лебедь. — Не подушкой! Чем пахнет?

Он поднес к носу Чеснока свой большой кулак.
Нарушитель спокойствия притих.

— Мо-ги-лой! — устрашающе ответил Лебедь на свой вопрос, и все кроме Чеснока и Святослава засмеялись. — Говори, Слава, он больше не будет.

— Таким образом, Мичурин и его четверо друзей принадлежали к особому классу хиппи. Им надоели психоделические эксперименты, и они хотели бы уже остановить их, но, увы, не способны были это сделать по причине слабости духа. Им требовалась сила, которая победила бы их привязанность и перенаправила бы их чувство любви с наркотической эйфории на духовное. То есть, сила, которая дает веру в утверждения писаний и наделяет способностью следовать их рекомендациям.

- А где берется такая сила? — любопытствовал Макс.

— Она приходит к нам, если мы общаемся с истинно верующими в Бога людьми, при этом относясь к ним уважительно. И еще, она приходит, если мы работаем по данным в писаниях ключам, подходя к делу со старанием. А лишает человека духовной силы несоблюдение заповедей. Лишь особо уполномоченные Господом люди могут в каких-то случаях не соблюдать какие-то заповеди, если есть в том необходимость. Согласно плану игры Бога. Тогда они не

теряют своей духовной силы. Например, всадник на белом коне из "Книги Апокалипсиса", которого некоторые считают Калки-аватарой, описанной в "Шримад Бхагаватам". Его задача — убивать демонов, однако для Иисуса или Шри Чайтаны это неприемлемо. Но это совсем другая тема.

— Расскажешь потом об этом? — спросил Лебедь. — Только мне одному?

— А почему только тебе? — недовольно заявил Макс.

— Я могу всем, — успокоил их Святослав. И заговорил на прежнюю тему:

— Так вот, у хиппи духовной силы не было, и они после нескольких не слишком твердых проб ее обретения совсем разочаровались в способностях мировых религий спасти их от наркомании. Все их надежды на спасение растаяли. В таком удрученном настроении застал их мой старший друг Анатолий. Состояние их здоровья и величина дозы ужаснули его, и он сразу понял, что они на краю пропасти. Зная, что может спасти их, он сказал им:

— Вы должны оставить наркотики, братцы. Иначе это приведет вас к саморазрушению. Вы разве не чувствуете, что в вашем доме пахнет трупами?

— Пахнет, — согласились хиппи, и кое-кто из них думал, что доживает последний год. — Мы бы рады бросить отраву прямо сейчас, но слабы перед ней. И в любом слу-

чае мы не сможем остановиться до тех пор, пока не закончатся деньги. А потом мы снова поедем куда-нибудь к археологам, чтобы заработать и снова станем колоться. Мы бессильны перед этим.

— Я дам вам метод духовного самоосознания, который спас многих, — убежденно сказал он им.

— Бесполезно. Зря потратишь время. Мы попробовали столько путей духовного спасения, но все оказалось безрезультатным. Так что теперь мы не верим в какую-либо помощь. Понимаешь, жизнь устроена так, что в ней нет

ничего лучше наркотиков. Да, за них надо платить, в том числе платить здоровьем, но зачем здоровье, если жизнь так тосклива? Лучше нескучная жизнь в больном теле, чем тоскливая жизнь в здоровом теле. Понимаешь, мы все перепробовали, лучше уж так. Может, последний год живем, а может, и после смерти будем жить.

— В аду, — мрачно предположила девушка.

— Ты не пророк, — не промолчал один из хиппи.

— Почему вы уверены, что перепробовали все наслаждения? — сказал им Анатолий. — Вы пили в раю сомарасу? Это — молодильный напиток, достающийся только полубогам. Это небесное вино превосходит все земные наркотики. А про райских дев я и не говорю. Например, апсара Урваши, прославленная небесная красотка, способна увести мужей почти у всех земных жен. Своей красотой она может заморозить сильнее, чем всполохи Северного сияния. Но это всего лишь рай — жалкий мирок, если сравнивать его с царством Бога. Теперь второе. Почему вы думаете, что попробовали все духовные истины на зуб? Не гордитесь, вы многого в религии не понимаете. Я научу вас, как избавиться от наркотиков. Но вы должны поверить в метод, который я предложу. Я знаю очень могущественную мантру, которая защищает от всего, если повторять ее внимательно и с верой.

— И Анатолий открыл новым знакомым мантру Харе Кришна, — продолжал Святослав. — Потом он рассказал им об американских хиппи из Нью-Йорка и Сан-Франциско которые с помощью этой мантры уже избавились от наркотиков. Он внушал им:

— Вы не хуже тех хиппи, мантра исцелит и вас. Как и у американцев, у вас по две руки и ноги, по два уха и одному языку. Попробуйте хотя бы три дня не колоться и непрерывно повторять эту могучую мантру! И вы увидите, как ваше желание употреблять наркотики уменьшится. Ослабеет. А если продержитесь неделю, то ваше увлечение ими вообще

сойдет на нет.

Мичурин и его друзья смотрели на Анатолия и видели, что он сильно отличается от них. Он казался легким, светоносным и был очень жизнерадостен. Анатолий же ради ребят еще долго оставался в Таллинне, раздувая в них ветер духовного обновления. В хиппи разгоралось желание испытать его метод. Оно стало настолько сильным, что переросло в деятельность, и они стали следовать его рекомендациям. В результате четверо довольно скоро избавились от наркотической зависимости и стали серьезно практиковать бхакти-йогу. Они мои друзья.

Святослав закончил рассказ, и Чеснок сразу выразил недоверие:

— Ну, ты заливаешь! Четверо из пятерых завязали?

— Да, а чему удивляешься? Ведь хиппи не зажимают уши, лишь только слышав о Боге. Философия этих людей располагает к самоосознанию больше, чем философия обычных материалистов. Хотя в умозаключениях хиппи много изъянов, в них все же находится место Богу и вечной душе.

— А какие корни у хиппи? Это древняя традиция? — спросил Лебедь.

— Говорят, что у истоков движения хиппи стоят индийские секты, которые видоизменили теорию и практику бхакти-йоги и отпали от истинной традиции. Это отход в сторону материализма. Они привнесли в чисто духовное вайшнавское учение материальные представления о мире.

И когда в пятидесятые-шестидесятые годы молодые американцы стали летать в Индию, они познакомились с членами этих сект, которые наряду с правильными методами бхакти-йоги используют выдуманные неправильные.

— Вот бы слетать в Индию! — мечтательно сказал Макс.
— Слоны, манго, море, пальмы, Гималаи!..

— У меня батя по путевке летал, привез ковры и сандалового слоняру, — произнес один из ребят. — И Будду

привез. Он поставил Будду в серванте, там статуя Александра Македонского и голый Аполлон еще. А наверху серванта Ленин бакланит с рабочим.

— Эти молодые американцы, — вернулся в старое русло Святослав, — нахватались верхушек разных направлений индуизма, а также философии буддизма. Еще они переняли некоторые особенности внешнего вида, характерные для различных групп индуизма и буддизма. Все это они "наклеили" поверх своего недовольства западной культурой. Говорят, что так и получилось это движение хиппи — верхушки индуистской и буддистской философий соединились с положениями, критикующими современную культуру. И подобное же наблюдается в манере хиппи одеваться: некоторыми отличительными внешними признаками они напоминают индийских верующих, но в то же время носят и модную западную одежду.

— Так что, движение хиппи — религиозное? — решил уточнить Лебедь.

— Вообще-то, можно говорить о каких-то зачатках духовности в среде хиппи, но назвать его религиозным я не могу. Верно, что они восприимчивы к духовному знанию. Подтверждает это и опыт Прабхупады, того гуру, который привез чистую бхакти-йогу на Запад. Оказалось, что немало людей из этой среды способны принять высшие духовные ценности. Он начал свою миссию в столице мирового движения хиппи — нью-йоркском Ист-Сайде, и многие хиппи стали по-настоящему духовными людьми. Но само движение хиппи нельзя принимать за духовное.

Понимаешь, верхушками философии, как и картофельной ботвой, сыт не будешь.

Все немного помолчали, а Святослав решил добавить к сказанному несколько фраз.

— Кстати, "Битлз" поют мантру Харе Кришна.

— Да ну?! — не поверил один из ребят.

— Точно. Я даже читал русский перевод предисловия к "Книге о Кришне", написанного Джорджем Харрисоном. Это книга Шрилы Прабхупады, а Джордж оплачивал ее первое издание. И еще в 1973 году он подарил Прабхупаде и его ученикам огромное поместье возле Лондона. Там теперь большой центр бхакти-йоги — Бхактиведанта Мэнор. Харрисон любит повторять мантру Харе Кришна на четках, а Леннон любил ее петь, подыгрывая себе на фортепиано.

— Обход начнется через пять минут, — сообщил один из ребят.

— До скорого, — сказал Святослав и пошел в свою палату.

Наркоманы под большим впечатлением стали обсуждать услышанное. В каждом из них проснулась надежда на отход от наркотиков, даже в Чесноке, который никогда не думал об этом. Он считал, что если в течение дня у него ни разу не получилось уколоться, значит, день прожит зря. Теперь же он впервые подумал, что без наркотиков можно прекрасно жить. Но скоро от этой мысли ему стало мятежно, и он откинул ее, больше не желая к себе подпускать. На других же беседа подействовала более благотворно.

-Глава 11 - КАРА

До праздника оставалось два дня. Подготовка к нему шла полным ходом, и Святослав уже написал сценарий к спектаклю и раздал роли. Вместе с учителем музыки они добились стройного исполнения песен, и теперь следовало уделить основное внимание репетициям спектакля.

Между тем некий соглядатай сообщил в КГБ о разнообразных духовных развлечениях пациентов игреньской клиники. Там, разумеется, возмутились, и один старший чин позвонил в больницу. Особым тоном, короткими отточенными фразами, которые предназначены специально для таких случаев, он ввел главного врача психбольницы Синявского в такую глубокую депрессию, что впору было вызывать сестру с антидепрессантом.

— Никого не впускать! — высунув голову из-за двери, крикнул главврач секретарю сразу после звонка.

Синявскому казалось, что его превратили в животное. Голова не работала, и он тупо смотрел на портрет Ленина, который висел на стене. Ленин был объектом поклонения главврача, но в этой ситуации ничем помочь не мог. Сердце психиатра раздиралось на клочки противоречивыми чувствами. Гнев на Святослава и одновременно жалость к нему, страх перед КГБ и ощущение собственного ничтожества перед этой грозной машиной, страх за семью и жалость к себе... он совсем расклеился и, даже изрядно выпив валерианы, долго не мог успокоиться. В конце концов, он ожесточился, а потом рассвирепел. Вызвав к себе Максимова, он проделал с врачом то же самое, что учинил над ним старший чин.

Сразу вслед за этим Святослава проводили к Максиму. Тот, что есть духу, старался сохранять самообладание:

— Зощенко, я тебя уважаю и где-то даже понимаю. Надеюсь, и ты меня поймешь. Этот твой концерт вылез мне боком. Я совсем не хочу терять из-за тебя работу или попадать к начальству в опалу. Моя работа позволяет мне нормально обеспечивать мою семью. Поэтому...

Ему было трудно сказать это. Но он собрался и выпалил приговором рекомендацию Синявского:

- Собирай вещи, пойдешь в девятое отделение! Так мне будет спокойнее. Затем добавил:

- Там никого не выпускают на улицу, так что настраивайся на худшее.

Собирать преданному было особенно нечего, и скоро, сопровождаемый положенным эскортом из двух коренастых санитаров, он перешел в другое здание.

В девятом отделении лежали в основном буйные больные, но были там и преступники. Его называли тюрьмой в больнице. Кровати там имели ручки, к которым крепились

свивальники — длинные узкие полосы ткани, предусмотрительно мягкие, чтобы не натереть руки и ноги пациентов. С их помощью фиксировали буйных больных, чтобы они не метались. В таком положении их держали до тех пор, пока на них не действовало успокаивающее.

Первым делом Святослава зафиксировали на этом ложе, а вслед за этим появился Синявский.

— У тебя что-то с мозгами, парень, — ковырнул он преданного. — Будем тебя лечить.

Медсестру, пришедшую незамедлительно, уговаривать было бесполезно. Она ввела в вену тяжелую дозу ка- кого-то зелья, которое немедленно изменило состав крови Святослава. Мгновенно миллионы клеток его организма поменяли ансамбль своего действия, и сознание полетело в крошечную тьму.

Часть II. Спецотделение.

— Глава 12 —

КОМБИНАЦИЯ С ОТВЛЕЧЕНИЕМ

Слегка очнувшись, Святослав долго приходил в себя. Голова соображала туго, сосуды ныли, а в суставах ломило. Вдруг в памяти поднялось над поверхностью планеты забвения солнце — успокоительное воспоминание о книге "Совершенные вопросы, совершенные ответы". Сразу после переезда Святослав предусмотрительно спрятал эту брошюру в щель, собственноручно прорванную им в матрасе. Доставать книгу сразу он не стал — вначале огляделся. Все находящиеся в палате показались ему тяжелобольными, и лишь одного молодого человека счел он способным сосредоточиться на беседе. Впрочем, вытаскивать книгу Святославу не потребовалось — опять пришла медсестра и отправила его в ад.

В течение двух недель он пребывал в ментальной мусорной яме, где копошилась нечисть тонкого мира. Она бы пожрала его, сломила его веру, если бы Кришна не поддерживал в нем память о Себе и не укреплял в нем духовную силу. Так Господь не давал проиграть ослабевшему духу Своего преданного.

Наконец, в обращении Святослава к медсестрам зазвучала такая искренняя мольба, что в оболочке их сердец образовались трещинки. Сквозь них через речь вайшнава хлынул в женские сердца поток духовной энергии, несущей в себе милосердие. Они стали смягчаться, да и располагали их к себе солидные манеры и внешний вид Святослава. На свободе его внешность и галантность не раз выручали его в ситуациях, когда приставала милиция, а в больнице они внушали доверие медперсоналу. К тому же предназначавшиеся Святославу препараты сестры могли продать. В итоге они перестали его колоть и пичкать таблетками.

Святослав изголодался по общению и выбирал

собеседников, внимательно наблюдая за пациентами. Доверие вызвал молодой человек из его палаты. Лицо парня было распухшим от чрезмерного содержания в организме инсулина, которым его ежедневно снабжали. Побеседовав с ним, Святослав с удивлением узнал, что тот интересуется хатха-йогой. Это воодушевило и рассеяло всякие сомнения. Вытащив из тайника в матрасе свою драгоценную книгу, он протянул ее парню. Тот начал знакомиться с бхакти-йогой.

Немного позже Святослав встретил в столовой необыкновенного старика, лежащего в соседней палате. Этот человек питал уважение к коммунистам, считая, что они сделали страну развитой, а народ — грамотным. В то же время он испытывал антипатию к ним, думая, что с религиозными людьми и интеллигенцией они обошлись жестоко. Старик не был болен, его отправил в больницу сын, который занимал высокий пост в Павлоградском горкоме партии. Прямой дед бесстрашно покритиковал коррупцию, царящую "в не той уже партии", и сын, желая "проучить батю", поместил его в спецотделение на перевоспитание. Все же старика не кололи, таблеток ему не давали, и вообще, он чувствовал себя свободнее, чем другие. Пожалуй, единственному из больных девятого отделения, ему позволялось выходить на улицу. Он и Святослав почувствовали спонтанное влечение к общению друг с другом и стали встречаться в коридоре. Больше всего им нравилось говорить о Боге. Но они знали, что могущественное ухо недремлющего "Георгия Борисовича" (так в народе называли КГБ) могло слушать множеством других ушей, поэтому, когда мимо них проходили медработники, два конспиратора начинали говорить о футболе.

Рассказы о Боге деда успокаивали. Старик жалел, что сын совсем не похож на Святослава, потому что начал испытывать глубокую привязанность к преданному и по-родительски полюбил его. Естественным образом он загорелся желанием

сделать для вайшнава что-нибудь хорошее.

Вскоре такой случай представился. Как-то в больнице начался характерный шум, свидетельствующий о том, что начался обыск. Святослава этот переполох насторожил. Он стал вглядываться в молодого соседа по палате — час тому назад тот вернул ему брошюру Прабхупады, которая сейчас лежала в матрасной прорехе. Было похоже, что парень рассказал кому-то о книге: под взором преданного его зеленые глаза забегали, и он отвернулся к стене. Святослав моментально стал оценивать ситуацию. Что будет, если книгу все же найдут? Тогда его могут отправить в спецпсихбольницу МВД. А оттуда многие не выходят до конца жизни. От этих мыслей в висках застучала кровь, и он торопливо вышел в коридор.

Все было подобно фильму, в котором в самый напряженный момент под окном неожиданно появляется конь, и герой может прыгнуть ему на спину и уйти от погони. В коридоре прохаживался старик. В отличие от Святослава он не был взолнован и подивился тому, что преданный, обычно такой невозмутимый, в этот раз чуть не сбил его с ног.

— Что случилось? — солнечно улыбаясь множеством морщинок-лучиков, спросил он вайшнава.

Как это контрастировало с настроением Святослава! Он даже слегка опешил, но почувствовал себя спокойнее.

— Я выхожу сегодня! — стала проясняться для него причина радости старика. — Сын успокоился, простил! Сам приезжал, извинялся! Не иначе, Кришна его образумил!

Напуганный обыском, Святослав спешно объяснил ему свое положение.

— Слушай, есть план, — тихо сказал дед, и шепотом изложил свои идеи.

Они вошли в палату преданного и сели на его кровать. Несколько секунд подождали. Потом Святослав пересел на кровать молодого человека, которому давал книгу, и завел с

ним разговор, загородив деда. Старик незаметно взял книгу и вышел из палаты в коридор.

Через несколько минут в комнату стремительно вошел заведующий отделением Костюкевич, сопровождаемый санитарями. Он незамедлительно направился к кровати Святослава и стал обшаривать тумбочку и перетряхивать постель. Найдя в матрасе пустую щель, он кинул на преданного подозрительный взгляд и, ничего не сказав, ушел. На том обыск и закончился.

— Глава 13 — СПИРАЛЬНЫЙ КРУИЗ

В отместку Святославу опять вкололи большую дозу галоперидола, и снова он оставил внешнее сознание. Ему давали и другие препараты. Это мучение продолжалось неделю.

Очнулся он на восьмой день. На мозг давило и в критические моменты так остро, что, казалось, его рассекали зубилом. Святослав чувствовал себя издерганным. Все же он смог немного собраться с мыслями и начал повторять мантру Харе Кришна. Вначале сосредоточенности не было, и слова "Харе", "Кришна" и "Рама" звучали без строгой последовательности. Наконец, минут через десять, он смог произносить мантру ритмично, и через пару часов это повторение отодвинуло тяжесть на эфемерный план. Боль прошла, а неприятные мысли куда-то унеслись.словно некий блюститель порядка вывел из театра вон зрителей с кислыми, хмурыми лицами и оставил только довольных. Святослав в этот момент ясно увидел положение своей души, у которой есть немного зрения. Он — проснувшийся, и есть среди разных верующих такие же проснувшиеся, кто начал заниматься своей вечной деятельностью — преданным служением Всевышнему Господу. Но здесь, в этой жуткой

психбольнице, где все дремлют, не думая о своей вечной природе, он — единственный проповедник любви к Богу. Он хотел помочь пациентам, которые исповедуют атеизм, пропагандирующий сногшибательную новость — распад личности в момент смерти. Но ему снова помешали и снова отомстили болезненными уколами.

Дверь открылась, это пришла сестра и санитары, которые освободили Святослава от свивальников. Он с благодарностью посмотрел на них. Однако радость вскоре была проглочена разочарованием. Высосана. Хладнокровная медсестра ввела в него что-то, доселе ему неизвестное. Через несколько минут он явственно ощутил, как в его голове закрутился волчок. А затем вдруг с ужасом почувствовал, что вот-вот начнет вращаться сам. Испугавшись удариться о стену, он стал горячо шептать мантру. Пятками, спиной и затылком он вдавился в постель, кистями вцепился в нее, желая прекратить странное вращение. И сосредоточенно повторял мантру. В такой борьбе прошла минута, и, наконец, волчок остановился. "Неужели мое грубое внешнее тело могло начать крутиться?" — мелькнуло в сознании. Он открыл глаза и удостоверился, что тело неподвижно. Потом он закрыл их и почувствовал, что его все еще качает внутри. Лишь мантра сдерживала это раскачивание. Внезапно ум его унесло к лисице, увиденной им как-то в детстве, которую разделял его отец-скорняк. Поэтому концентрация внимания рассеялась, и раскачивать стало сильнее. Затем его неожиданно закрутило, и он обреченно подумал, что сейчас ударится о стену. Но почему-то он прошел... сквозь нее! И тут неведомая сила, продолжая крутить Святослава, понесла его вверх...

— Глава 14 —
"НАУКА И РЕЛИГИЯ"

Когда он пришел в себя, он помнил все лишь до момента этого вознесения. Что происходило в эти несколько часов, он не знал, но был уверен, что тело никуда не улетало. "Это было путешествие в тонком теле, которое вставлено в грубое, — стал анализировать он. — Это подобно тому, как космонавт бывает помещен в скафандр. Ведь я не ударился о стену, хотя мое тело вращалось с руками и ногами. Интересно, что я чувством осязания ощущал, будто крутится мое грубое тело. Поэтому и испугался удариться о стену. Очевидно, что человек не является грубым телом, а лишь пользуется им, как скафандром. Но пребывает в иллюзии, что он — тело".

Вернувшись во внешнее сознание, Святослав ощущал настроение, которое бывает после переживания какого-либо страшного события. Тем не менее, это уже стало прошлым. На сердце было какое-то утешение. Будто он пришел с кровавой войны, и она осталась позади.

Он вспомнил о Кришне и, пользуясь этим периодом междууколья, вознес горячую молитву: "О дорогой Кришна! На все воля Твоя, и я буду служить Тебе всюду, где бы Ты этого ни захотел. Но сейчас я не имею никаких сил совершать духовную практику. И у меня нет никаких писаний, из которых бы я мог набраться вдохновения. А без него так трудно сконцентрироваться на мантре. Но почему я не имею писаний? Я пожелал поделиться знаниями, и поэтому дал человеку книгу, но ошибся в нем из-за своего несовершенства. В итоге книгу я потерял и вдобавок опять навлек на себя уколы. Теперь я полностью потерял и не знаю, как выйти из этого затруднительного положения. Не имея понимания, я Тебя прошу, пожалуйста, сделай что-нибудь, вытащи меня из беды!" Обратившись так к Кришне, вайшнав успокоился, поскольку знал, что вверил себя заботе могущественного покровителя. "Господь защитит", — был убежден он, так как Кришна уже много раз выручал его в лабиринте хитросплетений деятельности.

Прошло, наверное, полчаса с тех пор, как Святослав вознес свою молитву-просьбу, и до него донеслось, как у вахты дежурного кто-то спросил:

— Где лежит Кришна? Голос дежурного ответил:

— Кришна здесь, но к нему нельзя.

Потом уже ничего нельзя было разобрать из-за громкого монолога, который стал произносить привязанный к кровати сосед Святослава. Через пару минут в палату к преданному вошел дежурный и сказал:

— Журнальчик тебе, хлопчик, передали. Читай, я сегодня добрый.

Это был номер журнала "Наука и религия" за 1983 год. Листая его, Святослав нашел статью "Этот странный мир Харе Кришна". Была там и фотография преданных. Его лицо просияло, и из сердца полилась благодарность: "О Кришна! Ты сразу откликнулся! Как же Ты внимателен, как Ты добр! Ты — величайший из волшебников!" Выражая так свою преданность, он чувствовал восторг, воочию созерцая проявление божественной воли. И главное, что это государственное издание можно было открыто читать. Святослав раскрыл журнал так, чтобы парень, который читал его книгу, и возможно стал причиной обыска, мог заметить его обложку.

Публикация была не во всем объективна, но он все равно ощущал удовлетворение. Текст содержал цитаты из "Бхагавад-гиты" Шрилы Прабхупады, переведенные по большей части точно. Автор Л.Тимошин начинал статью словами "Фюрер грядет". Хотя он не называл Прабхупаду вождем неонацистов, тем не менее, употребляя это возбуждающее многих советских людей слово "фюрер", он вызывал у них отрицательные ассоциации.

Под этим не было никакой почвы, поскольку вайшнавизм по своему духу является антирасизмом и утверждает принцип ненасилия даже в отношении животных. Было очевидно —

автор стал жертвой невежества. Мантру Харе Кришна он приводил не полностью и называл ее в одном месте правильно — великой песнью освобождения, а в другом неточно — магической формулой. Само Движение сознания Кришны он объявил в одном месте "безупречным монашеским движением", а в другом — "организацией, постепенно принимающей облик хозрасчетной фирмы, энергично внедряющейся в систему местного бизнеса". Тут Святослав сразу вспомнил, сколько раз у него отбирали литературу, в печатание которой он вкладывал почти все, что зарабатывал. "Какой бизнес? — поморщился он. — Полное банкротство". Еще Л. Тимошин передергивал по поводу попрошайничества и похищения Обществом сознания Кришны людей, якобы насильственно помещенных в ашрамы — монастыри. В общем, автору нельзя было отказать в богатом воображении.

И все же по двум причинам Святослав был счастлив получить журнал. Во-первых, Кришна сверхъестественным образом помог ему, сразу ответив на молитву действием. А во-вторых, он имел теперь стихи из "Бхагавад-ги-ты", чтение о деяниях преданных и их фото. Удовлетворенный и по натуре милостивый, он даже не стал гневаться на автора и мысленно его благословил. Да и как этот Тимошин вообще умудрился напечатать в СССР такой большой материал о преданных и Прабхупаде? Наверняка, если бы он совсем ничего плохого не написал, публикация бы просто-напросто не прошла.

Оживший, как школа после каникул, Святослав начал изучать стихи "Гиты", глубоко вникая в смысл каждого слова.

— Глава 15 —

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК ИЗ КАНАДЫ

Одним утром к преданному пришла новая медсестра, сострадательная украинка. Принявшись уговаривать ее не

колоть, он, однако, столкнулся с испугом. "Ох, эти малодушные люди! — мысленно возопил он, но тут же спохватился. — Нельзя так думать, ведь у них нет знания о высшей реальности и собственном бессмертии. Так откуда же им смелыми быть? К тому же она — женщина". На женщин Святослав старался не обижаться, как это принято у мужчин, следующих ведическому этикету. Он продолжил уговоры, и постепенно она смягчилась, но сказала, что последует указанию доктора. После этого она отвела преданного к врачу.

В уме Святослав уже несколько раз проиграл сцену своей беседы с Костюкевичем, который не столько был враждебно настроен, сколько боялся административных взысканий и увольнения. Святослав продумал, как он призовет врача к благородству и честности. Ведь говорил же ему Юлий Корнеевич несколько дней назад: "Тебя сюда положили не в белых халатах люди, а в погонах. Но, пожалуйста, пойми и ты меня. У меня есть супруга, отпрыски и доброе имя. Разве могу я послушаться этих железных людей?"

В кабинете Костюкевича за его столом почему-то сидел худой молодой человек с добрыми глазами. "Пожалуй, он моего возраста", — подумал Святослав. Медсестра объяснила:

— Юлий Корнеевич срочно поехал на курсы. Временно отделение возглавил Владимир Петрович.

Они остались с глазу на глаз.

— Вы адепт Кришны? -Да.

— Я встречался с последователями учения Кришны в Канаде.

— О-о! Вы ездили в Канаду и видели там моих братьев?! Святослав поразился: "Ну и ну! Приятная неожиданность!"

Владимир, хоть человек и молодой, в качествах людей разбирался хорошо и был в этом, несомненно, талантлив. Достиг он этой способности благодаря своей врожденной увлеченности внутренней жизнью людей и благодаря серьезному следованию практике старообрядцев. Он изучал

психологию не для того, чтобы этим зарабатывать себе хлеб, а желая помогать людям. В Святославе Владимир увидел честного и не подлого человека и, доверившись, решил рассказать ему о себе.

— Я жил в Канаде. Но моя мать отправила меня учиться и работать сюда, чтобы я не мозолил ей там глаза. Я мешал ей наслаждаться жизнью. Ей было стыдно за свои бесчисленные любовные приключения, и вот она послала меня учиться в московский ВУЗ. Она смогла это сделать, потому что у нее есть связи с членами советского правительства. И, представляете, она, лисонька уважаемая, пыталась внушить мне, что в Канаде я умираю от ностальгии и что в СССР — лучшее здравоохранение и очень гуманная психиатрия.

— И что, Вы убедились?

— Ха-ха-ха-ха, — засмеялся Владимир. — В прямом или обратном? Я совсем не хотел ехать, но что я мог изменить? Ведь я во всем зависел от нее и от ее банковских счетов. И мне никогда не отблагодарить ее за то, что она спасла меня от голодной смерти и поставила на ноги. Это позже ей досталось огромное наследство от деда-ювелира. Но я не буду жалеть об этой поездке, если, конечно, мне удастся выбраться из этой кошмарной страны. За шесть лет нашей разлуки мать сильно постарела и сейчас скучает по мне. Поэтому она хлопочет, чтобы я скорее возвращался назад.

— В этой больнице я оказался случайно, — продолжал Владимир. — Двадцать ведущих врачей города и области уехали на продолжительный семинар психиатров. Так что, я один из тех, кем заткнули дыры.

— Не случайно, я думаю, Вы здесь оказались, совсем не случайно, — явно что-то подразумевая, сказал Святослав. — Я вижу в Вас по-настоящему порядочного человека.

— Неужели? Не хвалите, пожалуйста, меня, я ведь молод еще. Почти ничего для человечества не сделал и не заслуживаю прославлений.

— Да и я не стар. Сдается мне, мы почти ровесники. Давайте на "ты"!

— Давай.

— Расскажи, пожалуйста, о твоих встречах с преданными Кришны.

— Да, это было интересно. Я видел их в Торонто, там у них хороший храм. Настоящий индийский храм, где проводится церемониальное служение. До сих пор у меня ощущение, что в тот раз я побывал в самой Индии. Что до служителей храма, то в большинстве своем они мне понравились. Легкие, душевные они люди. Верь мне, у меня глаз на людей наметан. Просто находясь рядом с ними, я чувствовал себя очень легко. Я это понял, поскольку они ко мне уважительно относились. И я открою тебе, что когда находящиеся рядом люди занимают по отношению ко мне уважительную позицию, мне сразу становится с ними легко. А если рядом тот, кто не уважает, то становится скверно. Для меня это своего рода психологический закон. Поэтому я стараюсь избегать общества тех, кто пренебрегает другими. Стремлюсь общаться лишь с теми, кто уважает. Сам плачу тем же. Мне уважение не для тщеславия нужно — я в таком обществе себя человеком чувствую. И повторяю: другим даю почувствовать себя людьми. По этому поводу китайцы приводят пример орхидеи. Сама по себе она ароматна, но если опустить ее в мочу, то совершенный человек не подойдет к ней. Даже простые люди тогда не будут носить ее на поясе! Это объясняется, как понимаем мы, совсем не тем, что орхидея по своим качествам нехороша. Отвратительна моча, в которую ее опустили! Потому совершенный человек предпочитает жить в хорошем месте, а дружбу заводит среди людей образованных. Все это — для того, чтобы защитить себя от подлости, лжи. Чтобы сблизиться с честными, вежливыми людьми.

— И ты часто ходил в наш храм в Торонто?

— Не могу сказать, что часто. Один из руководителей этого храма показался мне человеком тяжелым. Видимо, он не любит наших. Узнав, что я русский, он стал говорить другим о том, что русские — довольно жесткие люди, что они повадками похожи на медведей. Он говорил об этом негромко и на слэнге, но я все равно слышал и понимал.

Святославу стало неприятно. Владимир это почувствовал и сказал:

— Как я понимаю, это результат влияния средств массовой информации. Такое там о нашем брате говорят! Встречаться с этим человеком мне больше не хотелось, и я больше в их храм не приходил, хотя после этого приезжал в Торонто несколько раз. Сейчас же, пожив в России не ребенком, я заметил, что он хоть и перегибал, все же был прав кое в чем. Ведь, в самом деле, сама здешняя среда формирует в характерах жесткость. Могу назвать некоторые факторы: много холодных дней, борьбы с природой, много тяжелой работы, которая низко оплачивается, воспитание в подданных воинственного духа, политика внушения им страха со всеми ее инструментами насилия, атеизм, заточение граждан внутри пограничной линии, пьянство.

— Интересный анализ, — оценил Святослав. — Это тебе кто-то рассказал или ты сам дошел?

— Как этого не увидишь?

— О-о! Так ведь не видят!

— Для меня — очевидно. Но немало в наших и искренности, хорошей простоты, душевности. Я подружился с несколькими десятками студентов и счастлив оттого, что знаю этих людей. Ну, а в целом адепты Кришны из Торонто мне понравились, и было заметно, что они очень серьезны в своей духовной практике. Я могу это понять, ведь я старообрядец.

— Так ты мой брат! Все верующие — братья! И вы, христиане, принимаете Бога личностью, и мы! И Иисус учил

любви к Богу и Кришна!

— Да-да, я знаю это, я же в вашем храме не только ел.

— Кстати, я тоже имел близкое общение с христианами. До Игрени я побывал в психбольнице Киева, где подружился с баптистом. Мы вместе занимались духовной практикой, в основном обсуждая христианские и ведические писания. До нашей встречи он в буквальном смысле мучился там без общения с верующими и молил Иисуса послать ему духовного брата. Вся киевская община баптистов молилась о том же. Когда меня перевели в его палату, он, представляешь, принял меня за этого посланца. И мы оба сразу воспряли духом, и как же хорошо нам было вместе! Ты вот об уважении сказал, и мы очень друг друга уважали. Правда, когда члены его общины узнали, что направленный Иисусом брат — преданный Кришны, они долго не могли поверить, что Христос такого им послал!

— Представляю, что сказали бы по этому поводу некоторые члены нашей общины. Это тоже не вместились бы в их умы.

— Вот и баптистам не вмещалось, но мой друг убеждал их. Я, когда выйду из больницы, хочу к ним съездить. А кроме того, я хорошо знаю отца Сергия из российского православия. Мы в его приходе в Белгородской области даже принимали во время обеда прасад — освященную пищу, побывавшую на алтаре Кришны. Пока его не напугали, он (хороший художник, кстати) вел себя довольно смело и часто посещал наши собрания. Он даже по стране с нами путешествовал.

- Мы не признаем эту церковь, — заявил Владимир. — После отхода от патриаршего престола отца Тихона в 1924 году эта церковь по большому счету перестала исполнять функцию настоящей религии и превратилась в "религию для галочки". Она стала нужна большевистскому правительству лишь затем, чтобы явить остальному миру "свободу вероисповедания". Я сейчас ее вижу, свободу эту миражную,

на твоём примере, да и знаю о преследованиях баптистов, свидетелей Иеговы, и вообще о притеснениях всех верующих. По поводу русского православия добавлю, что ещё в семнадцатом веке в нём произошёл надлом. Тогда основатели нашего старообрядчества, недовольные патриархом Никоном, выделились в отдельную ветвь. Был серьёзный раскол. Большевики лишь катализировали кризис православия. Старообрядчество представляет ортодоксальную церковь более чисто.

— В отношении истории и ваших разногласий я не очень осведомлен, а в отношении современной церкви я не могу тебе во всем возразить. Я замечал, что умы некоторых священников основательно пропитаны социалистической философией. По идее, эти люди — научные атеисты.

— Да, это точно. Я слышал бо-о-ольшую цифру — сколько коммунистов переквалифицировалось в священники.

— А я понял это, когда некоторое время наблюдал за ними, потому что работал при монастырях. Это чтобы не связываться с греховой работой на каком-нибудь мирском предприятии. Ещё один не лучший пример — архимандрит, стоящий над моим другом отцом Сергием. Ему доложили, что Сергей ест нашу "языческую" пищу за столом во время обедни, сидя во главе стола вместе с "язычниками", и доложили ещё о многом другом, в том числе о несуществующем в природе. Поэтому он стал запрещать моему другу встречаться с преданными и поставил его перед выбором: или он должен пойти к кришнаитам и делать из них христиан, или его предадут анафеме. Сергей проявил слабость, испугавшись анафемы. Поэтому он стал встречаться с некоторыми преданными и переубеждать их перейти в христианство. На одного моего друга из Таллинна, Махешвару, он оказывает заметное влияние. Махешвара теперь даже думает, не уйти ли ему в христианский монастырь.

— Ты назвал это сложное имя. Оно эстонское или духовное?

— Духовное.

— А у тебя тоже есть?

— Да: Бха-ра-та. Бха-ра-та. Запомнишь?

— А ты не обидишься, если я буду называть тебя Святославом?

— Да-да, так нормально.

— А книги у тебя есть? Ваши? Хотя, о чем я спрашиваю? С этими варварскими порядками и обысками, откуда у тебя могут быть книги?

Святослав испытующе посмотрел на старообрядца. "Пожалуй, тебе можно довериться, — сказал он мысленно. — Была, не была, Господи!"

— Книги я могу дать. Ты сможешь встретиться в Днепропетровске с доверенным мне лицом и взять их. Ты ведь хорошо знаешь английский?

— О чем ты? — с некоторым пафосом и легкой обидой в голосе сказал молодой врач. — Я учился в канадской школе.

— Прости. Я дам тебе кое-что, но могу ли я и попросить тебя кое о чем?

— О чем?

— Можешь ты в процессе чтения записывать русский текст в тетрадь?

— А, тебе нужен перевод. Да, это нетрудно.

Тогда Святослав дал ему адрес дома родителей и записку для матери, чтобы она не сомневалась в этом человеке.

— Глава 16 —

ДОРОГИЕ ГОСТИНЦЫ

Уже через два дня старообрядец рассказал Святославу о своей встрече с его матерью, а также о том, что взял у нее книгу Прабхупады "Совершенство йоги". С ним Антонина

Борисовна передала два килограмма грецких орехов, столько же кишмиша и двухлитровую банку смородинового варенья. Получив это, Святослав не чуял ног под собой, не оттого, что хотел есть, а потому что почувствовал в гостинцах ее любовь. Мать любила его бескорыстно, а подарки, которые подарены бескорыстно, доставляют большое удовольствие и дарителю, и одариваемому.

В ординаторской, где его закрыл Владимир, Святослав вымыл спиртовым раствором стол, после этого протер поверхность стола чистым влажным полотенцем, а затем выложил на него пакеты с помытыми орехами и кишмишем, поставил банку с вареньем и стакан дистиллированной воды. К стоящей на столе металлической коробке со шприцами он притулил изображение Кришны. Теперь все было готово, и он вслух сказал:

— О Господь, о Кормилец всех живых существ! Ты дал мне эту пищу, и я прошу Тебя: пожалуйста, отведай ее Сам!

Далее он вознес молитвы своему духовному учителю Харикеше Свами, а также Прабхупаде и Кришне. Потом стал повторять мантру Харе Кришна. Мысленно он себе рисовал, как Кришна в эти минуты ест поданное Ему. Как счастлив был Святослав! Ведь он так давно не предлагал Кришне пищу в условиях, когда нет постороннего взгляда, когда можно не торопясь, с чувством обратиться к Господу и спокойно подождать, пока Господь, невидимый материальными органами чувств, примет пищу. "Ну, спасибо, Владимир! Ну, счастья тебе! Любви к Богу тебе! Да не обманут тебя разнообразные мошенники!" — благословил мысленно Святослав обретенного друга. После освящения пищи они вместе отведали ее, а вечером вайшнав угостил трех сопалатников горячим смородиновым морсом.

Пользуясь новыми полномочиями, Владимир скоро организовал Святославу свидание с матерью и преданным Евгением Жаровым. О нем, очень серьезном йоге, стоит

сказать отдельно.

— Глава 17 —

ЕВГЕНИЙ ЖАРОВ

Евгений Жаров был любитель послушать рок и русскую речь, которые лились с британского радио Би-Би-Си. Многие музыканты являли особые ритмы, которые были способны отключить сознание от обыденности и текучки, а некоторые группы к тому же создавали шедевры, не уступающие композициям классических композиторов. Что до эмигрантов, то они, пробивая мощными вибрациями крепкую броню железного занавеса, расхваливали Запад и на чем свет стоит хулили советскую власть. Евгений прислушивался, смотрел на окружающую действительность и старался понять, что вокруг него происходит. И скоро в некоторых моментах стал соглашаться с эмигрантами, поскольку на самом деле заметил, что иллюзорное учение марксистов кодирует людей. Это сказывалось на поведении граждан СССР, и казалось даже, что в их головах установлена одна и та же программа с небольшими вариациями. Словно они сходили с конвейера. Как роботы. "Идеологический конвейер, — подумал он как-то. — Как машины в цеху. Производимся одинаковыми. В детсаду мы получаем "колеса", в школе — "корпус" и "двигатель", в ПТУ или институте — "приборы". Становимся какими-нибудь инструментами-ми в государственной машине".

Однажды, слушая в мае 1970 года передачу, где звучали двадцать лучших хитов, он неожиданно услышал мантру Харе Кришна. Это был Джордж Харрисон из "Битлз", которому подпевали ученики Прабхупады. Среди песен, темами которых были футуризм, легкая любовь и отрицание современной культуры, мантра прозвучала как светлая ода или небесный гимн. Она казалась лучом света в темном

царстве. Евгений так ею увлекся, что перестал замечать все остальное. Внимание его во время звучания мантры можно было сравнить с чьим-нибудь набитым ртом, в который уже не положишь и крошку. Настроение исполнителей мантры передалось ему, и он испытал каких-то новых эмоций, приятных и чистых. До самого сна эта песня держала его в своей власти. Проснувшись утром, он сразу обнаружил, что песня все еще звучит в динамиках его внутреннего слуха. Это переживание осталось неизгладимым впечатлением, дало ему уникальное представление о необычайно счастливом состоянии духа.

Отслужив два года в Эстонии, Евгений перешел из транспортного института на вечернее отделение в университет и, дав подписку о невыезде из страны, стал работать в конструкторском бюро закрытого завода. Он начал более глубоко изучать философию, серьезно заинтересовался Соловьевым и познакомился с ровесниками, тоже увлеченными философией. Скоро их круг превратился в диссидентский. Они читали Солженицына и других обличителей существующих в стране бесправия и произвола. Диссидентскими идеями горячий Жаров стал зажигать в курилках потухших от апатии коллег. Незамеченным это не прошло. В 1978 году приятель Жарова предостерег его, сказав, что люди из КГБ поручили ему за Евгением следить. А вскоре Евгению закрыли доступ к документации КБ, и он посчитал, что пора увольняться. К тому времени они с женой имели маленькую дочь.

В начале 1981 года друзья сказали ему, что в Днепропетровске появился адепт новой веры. Популярность его росла, и скоро выяснилось, что он преданный Кришны. Когда интерес Жарова от любопытства разбух, как почка на вербе перед появлением цветка, он, взяв супругу, отправился посмотреть на адепта. Стоял февраль, было морозно, а йог вышел встречать их за калитку двора в одной рубашке и без шапки. Когда вошли в хату его родителей и сели, он поставил

музыку с мантрой, и в Евгении тотчас же проснулись чувства, которые он уже переживал — много лет назад слушая по радио преданных и Харрисона. Затем йог накормил гостей. От этого гостеприимства и утонченного вкуса индийских блюд Жаровых кинуло в море радости. А потом йог рассказал им о силе мантры, лишь кратко затронув высшую философию метода воспевания Имен Бога. Больше он говорил о том, что мантра развивает в человеке высокую энергетику и может наделить мистическими силами. Звали этого йога Святослав. Он объяснил, что в приехал в родной Днепропетровск на неопределенное время, главным образом для того, чтобы поделиться с земляками сокровищами ведического знания.

Евгению все это было интересно. Учение казалось философски обоснованным, поэтому верилось. Но поначалу его больше интересовало, как в такой атеистической стране, как СССР, можно заниматься духовной практикой. Однако для Святослава это не являлось проблемой: в его характере жила способность адаптировать духовную жизнь к любой обстановке. Он был словно одет в духовный скафандр — даже в камере милицкого участка, куда его от случая к случаю помещали за проповедь, он приспособливался и служил Богу. Поэтому он достаточно убедительно ответил на вопрос Евгения.

На вспышку интереса Жарова к бхакти-йоге подействовало и то обстоятельство, что Святослав был более продвинут в вере и спокойнее, чем он. И в то же время он был значительно моложе — почти на десять лет. Это позволяло думать, что метод духовной практики Святослава превосходил те философские поиски, которые вел Евгений, копаясь в западной философии и диссидентской литературе. После этой встречи они стали регулярно встречаться, и Жаров начал практиковать бхакти-йогу.

По рекомендации Святослава, он поехал в Москву и попросился пожить в знаменитой квартире Садананды в

Барашевском переулке, где придерживались монастырских устоев. Хозяин, небесталаный художник и музыкант, согласился принять днепропетровского гостя. Во время одной встречи, на которой Вишвамित्रа читал лекцию, Санатана-Кумар вел санкиртану и, наконец, на кухне Святослав учил готовить пищу, случилась облава, и всех присутствующих повезли в отделение. Жарова приняли за лидера, потому что он превосходил всех возрастом и был изысканно одет. Так он попал в поле зрения КГБ. В мае 1982 года в его доме устроили обыск, чем очень напугали его жену, дочь и родных. Чтобы не сесть в тюрьму по 207 статье уголовного кодекса УССР, он сделал вид, что отрекся от своих убеждений, и старший лейтенант КГБ Игорь Ткаченко не стал передавать дело в суд.

Евгений продолжал практиковать бхакти-йогу, но делал это весьма скрытно. Поэтому, когда Святослав попал в психбольницу, он в первое время не навещал друга. Лишь после того, как мать Святослава сообщила о "своем" враче, Евгений вместе с ней пошел на свидание. На всякий случай она записала его в больнице под именем своего племянника. Евгений сварил дома килограмм риса и приготовил несколько десятков лепешек, которые аккуратно положил одну на другую. Он с любовью предложил это Кришне и в больнице заботливо вручил Святославу банку с рисом и цилиндр из лепешек тридцатисантиметровой высоты.

О как рады они были видеть друг друга! Как же сладка встреча друзей после долгой разлуки! Святослав рассказал о своих злключениях и проповеди, затем показал статью о преданных в "Науке и религии". Евгений, видя, что, несмотря на тяжелейшие испытания, воля его духовного брата не сломлена, необычайно воспрял духом. Он еще несколько раз приходил к Святославу, принося ему книги Прабхупады и прасад. Евгений знал, что до конца жизни будет благодарен своему молодому другу за то, что тот привел его к преданному служению Кришне. Это избавило Жарова от

многих страданий и подарило ему мир вечных истин.

— Глава 18 —

НЕВЕСТА-НАДЕЖДА И ТЮРЕМНАЯ ПСИХУШКА

При начальствовании в спецотделении старообрядца Святослав снова мог выходить на улицу, что здорово помогало ему поддерживать свой дух на высоте. В сквере он либо повторял мантру, либо вспоминал места писаний. Здесь эффект от этих действий был сильнее в сравнении с тем, когда он молился и памятовал в душной палате, этом сосуде с круто заваренным коктейлем из звуков, взглядов, запахов, действий и мыслей шести людей.

Прогуливаясь как-то по парковой дорожке, он встретил Веронику Глебовну. Она питала к нашему герою материнские чувства, среди которых особое место занимают сострадание и желание заботы. Хорошо зная "психологию" отечественной психиатрии и КГБ, эта благородная женщина понимала, что людей, подобных Святославу, так просто из психбольницы не отпускают. Могут держать пожизненно, заточив в один из стационаров, находящихся в ведении МВД.

Чтобы понять чувства Вероники Глебовны, необходимо хотя бы в общих чертах знать о том, что происходило в таких больницах. Поэтому мы сделаем небольшое отступление от нашего повествования, которое, на наш взгляд, будет только способствовать целостности изложения его темы.

В 1964 году за правозащитную деятельность был брошен в одну из ... имеющихся в стране психушек [находящихся в ведении МВД] генерал Петр Григоренко; к концу пребывания Андропова на посту шефа КГБ таких психушек стало больше тридцати, и за свои убеждения около тысячи совершенно здоровых людей стали их обитателями. Среди них создатель свободных профсоюзов шахтер Владимир Клебанов, математики Вячеслав Бахтин и Владимир Лавут, врач-

психиатр Анатолий Корягин, радиолог Леонард Терновский. "Больных" лечили большими дозами аминазина, галоперидола и других средств, способных лишить разума и воли...

При Андропове резко увеличится число психиатрических больниц, работающих по тюремному режиму. Из-за невыносимых условий в психдиспансере на Черняховской [Калининградская область] (где содержался генерал Григоренко) в 1981 году произойдет бунт заключенных, которые в качестве заложников захватят медперсонал больницы, протестуя против лечения больных большими дозами лекарств и других средств, способных лишить заключенных разума и воли. Через четыре дня бунт будет жестоко подавлен. Революционер-эсер С.Г.Сускин, побывавший при царизме в тринадцати тюрьмах, ставший членом КПСС в 1929 году, написал в своем заявлении в органы КПСС: "Ленинградская тюремная психиатрическая больница, где я провел четыре года, не являлась больницей, а представляла собой типичную тюрьму — тюремный режим, охрана МВД, решетки, колючая проволока и прожектора. Почти до последнего времени ЛТПБ была под охраной овчарок, спускавшихся с цепей на ночь и лаем не дававших заключенным, в том числе больным, спать...

Здоровых людей, не имевших никаких признаков душевной болезни, в ЛТПБ было гораздо больше половины состава, а в открытом отделении их было до девяноста процентов...

Факт массового наличия в ЛТПБ здоровых людей подтверждали лучшие из лиц персонала: Ф.П.Осипов, оперуполномоченный; Е.А.Барина, врач восьмого отделения; Мария Ивановна (фамилию не помню), заведующая 11 отделением...

Многие из заключенных, не выдержав условий ЛТПБ, умерли в период моего заключения.

Для меня совершенно ясно, что оставить в таком виде, а тем более в ведении МВД, ЛПТБ и подобные ей учреждения нельзя. Они должны быть превращены в нормальные психиатрические больницы Минздрава".

В 1954 году оперуполномоченный ленинградской тюремной психиатрической больницы Ф.Осипов пожаловался самому Н.Хрущеву на то, что в больнице работает вражеская агентура. Он указал на наличие сети осведомителей, на несправедливое помещение в больницу некоторых больных, однако написал, что это дело рук неизвестной преступной группы [а не его непосредственного начальства], чьи действия весьма напоминают акции Берии. Осипова вызвали в Москву для собеседования в Административном отделе ЦК КПСС. После серьезной проверки фактов представителями ЦК КПСС прекратили принудительное лечение в отношении Надирашвили и Сускина.

Чуть позже полковник Буланов, начальник ТО МВД СССР, сообщил в тот же Административный отдел ЦК КПСС о том, что оперуполномоченный Ф.Осипов уволен по состоянию здоровья. Тогда же в отдельной докладной записке Буланов написал, что в Ленинградской спецпсихбольнице письма больных собираются два раза в месяц и проверяются лечащим врачом. Если он считает их содержание бредом, то прикладывает письма к делу пациента или заключенного, и они не выходят из больницы. Те письма, которые он пропускает, сдаются оперуполномоченному тюремной психушки, который проверяет их содержание с оперативной точки зрения и решает, можно или нельзя направить их адресатам.

Такая вот обитель.

Итак, слушая веление своего сердца, встрепенувшегося, как воробыха из ведического предания, которая встала на защиту своего птенчика перед океаном, смывшим ее яйцо с невылупившимся воробышком... она поклялась выпить

океан... — матушка Вероника решила спасти Святослава от мрачного будущего, от десятков тысяч ампул и таблеток. Умудренная жизненным опытом, она знала, как выпутаться из силков хитроумной советской системы охоты на личность, и дала ему стоящий совет:

— Тверди им, Слава, что хочешь жениться! Скажи: "Я молодой, хочу, как все люди, пожить, хочу семью создать". Скажи: "Что мне, всю жизнь на эти уколы растратить, пролежать тут бесполезным?" Скажи: "Хочу работать, хочу быть полезным Украине". И представь врачам настоящую невесту. Назови фамилию и адрес укажи. Можешь уговорить кого-нибудь из веры своей. Не помогут разве? Давай, даже не думай, Слава, пиши записку. Я передам, куда надо.

Под впечатлением этого искреннего порыва Святослав серьезно задумался. Он нашел в словах доброй женщины много смысла. Однако один из его внутренних голосов стал внушать ему, что это обман, на который он, верующий человек, не должен идти. Голос напирал, и Святослав устыдился. Но интуитивно он уловил в этом внушении что-то дьявольское, что-то нечестное. И вслед за этим понял, в чем дело. "Они тебя заперли в сумасшедший дом и издеваются над тобой. Они тебя в тюрьму хотели посадить, а твоих братьев уже посадили. И за что? За веру. А разве верить — это преступление? По их законам ты не должен верить в Кришну, а разве это правильно? И ты еще стыдишься разыграть этот спектакль с женитьбой? Что это, воровство, убийство, преступление? Нет — это способ избавиться от несправедливости, проявленной по отношению к тебе!"

Не откладывая, он написал в Ригу девушке по имени Гита. Ответ пришел скоро - она выражала свое согласие на роль его невесты. К тому времени Святослав продумал, как лучше изложить суть дела докторам, и записался на прием к главврачу клиники Синявскому. Синявский слушал его с некоторым недоверием.

— Пожалуйста, поймите меня, — взывал Святослав. — Я не хочу терять свои молодые годы, бесцельно пролежав в психбольнице. Я хочу жить, как все люди, хочу создать семью. Вот Ленин сказал: "Семья — ячейка общества". А я не ячейка, я вообще не общество. А ведь мог бы стать полезным делу нашего народа и работать на его благо. Вы знаете, что у меня есть невеста?

Святослав достал письмо и, раскрыв конверт, протянул врачу тетрадный лист, исписанный прилежным женским почерком. Синявский стал читать его, а Святослав в это время про себя молился Богу — просил, чтобы письмо подействовало. Он слишком устал томиться в психбольнице, и ему казалось, что его терпение уже очень скоро лопнет. Тогда будет непонятно, что он предпримет. Быть может, убежит из больницы, а быть может, вскрыет вены, чтобы хоть как-то выразить свой протест.

В молитвах он говорил Кришне: "Не могу я больше. Уже несколько раз я терял всякое терпение, но всякий раз Ты вдыхал в меня силу и энтузиазм, о Верховный Утешитель! Теперь же я точно дошел до ручки. Ах, если бы они не мешали мне рассказывать и слушать о Тебе! Мне бы тогда все нипочем было! Но ведь они опять и опять сводят весь мой энтузиазм на нет. Как только я по-настоящему разойдусь, загорюсь, так они мне — холодный душ. Прямо воры! Воры энергии. Я рассказываю о Тебе, читаю, молюсь — "молоко" духовной энергии густеет, превращается в "масло", и я дохожу, наконец, до высокой стадии очищения. Но тут меня швыряют в мусорную яму, вкачивая в мою кровь какую-нибудь гадость. Сущие ямадути, Господи! Сколько же я совершал грехов, что теперь никак не могу вырваться из тисков этой лаборатории пыток! Лишь по Твоей милости они меня до сих пор не расплющили. Господи, если Ты хочешь, чтобы я служил Тебе тут, то, пожалуйста, дай мне энергию, которая позволит мне делать это. Дай мне силу вытерпеть эти

испытания. С терпением, проистекающим от Тебя, я готов хоть куда: хоть в ад, хоть на крест. Везде защищен буду и боль стерплю". Минут через пять Синявский закончил читать письмо и устало провел ладонью по лицу.

— Ты, Зощенко, иди. Письмо я оставлю пока. Вопрос твой серьезный и требует времени.

— Пожалуйста, поймите меня! — с чувством повторил Святослав. — Я очень хочу начать новую жизнь. Вы верите мне?

— Иди-иди, подумаем. Знаешь сам, с кем посоветоваться мне нужно.

— Глава 19 —

КОЛЛИЗИЯ В РЕСТОРАНЕ

Когда Юлий Корнеевич Костюкевич вернулся с семинара, он нашел, что дела в его отделении идут совсем неплохо. Молодой русский из Канады руководил достаточно грамотно, и никаких ЧП за время отсутствия Юлия Корнеевича не случилось. Признав в нем надежного делового партнера, Костюкевич решил отблагодарить его, сводив в ресторан. Он также задумал расспросить за разговором о Канаде.

Костюкевича пожирало любопытство. Особенно невероятным был сам факт работы в советской психиатрической клинике эмигранта из капиталистической страны. Человек этот казался Юлию Корнеевичу таким интересным и неординарным, что он даже подумывал пригласить молодого специалиста в свое отделение, предложив ему оклад рублей на тридцать выше, чем тот имел в своей клинике.

Через несколько дней они сидели в ресторане. Перед ними стоял официант с лакейским выражением на лице, с ручкой и блокнотиком в руках. Не возмущаясь, он стоял уже десять минут: клиенты оказались довольно привередливыми. Уже

несколько раз официант перечеркнул в блокноте названия заказанных ими блюд, испортив два листка. Костюкевич был в замешательстве. Вначале он, непрерывно говоря официанту, словно забыв, что у Владимира есть излюбленные вкусы, попросил принести водку, жаркое, окрошку, хлеб и в качестве экзотики — вареных крабов из Одессы. Официант уже собрался пойти, как вдруг Владимир объявил, что будет есть из перечисленного лишь хлеб. Он взял в руки меню и принялся выбирать другое. Удивленный, Костюкевич захотел понять, с чего бы это вдруг его юный коллега отказывается от водки и заказанных блюд.

— Еще в Канаде я все это не ел, а насчет водки, пожалейте, Юлий Корнеевич. Ведь я еще совсем молодой человек.

— Так ведь чуточку, дружок. Сто, двести, максимум триста капелек. Вы же врач, Володя, знаете, что такое спирт. Это же одно из лучших лекарств!

Его голос был наполнен упоительной нежностью, разумеется, не к Владимиру.

— Нет, увольте. Водка для меня слишком.

— Ну, хорошо. Принесите сто водки и четыре бутылки пива.

Официант опять стал записывать, но Владимир возразил:

— Ради Бога, не надо мне пива. Ничего из спиртного. Ничего. В Канаде не пьют, как в России, там многие вообще не пьют. Я отношусь к их числу, я — трезвенник.

Старообрядец, чтобы скрыть свою принадлежность к вере, а заодно не давать повода для упреков в лицемерии, умолчал, что причащается на литургиях вином. Костюкевич, столкнувшись с таким серьезным отпором, состроил кислую мину. Потом, подумав, что без "смазки" выпивкой уговорить молодого специалиста перейти в свое отделение будет трудно, забросил еще одну удочку:

— Да Вы не беспокойтесь. Я, Володя, все оплачу. Я

понимаю, Ваша зарплата значительно ниже моей. У меня двести пятьдесят, а у Вас, небось, не больше сотни с полтинничком.

С некоторой долей высокомерия Владимир сказал:

— Моя маменька мне, к Вашему сведению, выделяет по десять тысяч рублей в год, Юлий Корнеевич. Но ни копейки я не потратил на спиртное! Зато съездил в Крым, Боровое, повидал Иссык-Куль, Байкал, Кавказ и много городов.

Владимир на всякий случай не стал говорить коллеге, что десять процентов денег, присланных матерью и заработанных в больнице, он в качестве пожертвований передает в общины старообрядцев на территории СССР.

— Ну, раз Вы столь придирчивы к моему вкусу, дружок, сами выбирайте, — сделал обиженный вид Юлий Корнеевич и сказал официанту, — только два пива, а остальное — по одному. Хлеб — на двоих.

Блуждая глазами по меню, Владимир зацепился умом за кабачковую икру, чистую вареную фасоль, сметану и томатный сок.

Костюкевич был поражен, и когда они остались вдвоем, сказал эмигранту:

— Да Вы, никак, вегетарианец будете.

— Верно. Уже восемь лет. Я вегетарианец с тех пор, как мне стукнуло шестнадцать, когда я смог, наконец, в чем-то отказывать матери. Мясо и рыбу я не любил с рождения, равно как ненавидел и охоту, на которую меня таскал дед. Он прямо навязчивую идею имел — брать меня с собой в канадскую тайгу. У него была свора отборных гончих, которые сильно тревожили обитателей лесов близ Гурона и Онтарио. Единственное, что мне нравилось там, это возможность своими глазами видеть места, описанные Джеймсом Купером. Несколько раз мы даже ночевали в настоящих вигвамах друзей моего деда. Он не относился к индейскому народу пренебрежительно, и краснокожие его за

это уважали. Из тысячи белых они доверяли только ему. Поэтому за дешевый провиант и побрякушки он скупал у них золото и драгоценные камни. В итоге он сказочно разбогател. Большая часть его наследства после его смерти перешла к моей матери.

Осознав, наконец, что перед ним сидит очень состоятельный человек, Костюкевич устыдился за бахвальство своим окладом.

— Ну, а по каким мотивам Вы вегетарианец? Из-за здоровья?

— Нет, из этических убеждений.

И опять Владимир скрыл свою принадлежность к религии, несмотря на то, что его мотивация была в значительной степени вызвана религиозными чувствами. В старообрядчестве, да и вообще во всем христианстве, самые продвинутые верующие были вегетарианцами, как и в исламе — многие суфии. В индуизме же нашей эпохи понятия "продвинутый верующий" и "невегетарианец" несовместимы. Об этом свидетельствует и то, что христианские миссионеры в Индии, если желают достичь успеха, не принимают мясную пищу или тщательно это скрывают. Однако второе малоэффективно — многие индусы, с рождения воздерживающиеся от мяса, очень чувствительны к энергии насилия и жесткости в поведении, которые вносит в человека мясная пища. Эти индусы могут прочесть по лицам и по различным знакам в поведении человека, что настоящий ест мясо, и тогда паства его становится очень маленькой.

Ответ молодого врача удивил Костюкевича, который рассчитывал услышать: "Не хочу болеть раком, подагрой", или что-то в этом роде.

— Этических убеждений? — переспросил он. — Разъясните-ка мне пообстоятельней, коллега.

— Я не могу есть тех, кто испытывает боль, Юлий Корнеевич. Если б Вы знали, что я видел в лесах Гурона! Что

проделывали с несчастными животными мой дедуля и индейцы! Однажды они... — он осекся. — Нет, удержусь, не расскажу. Чересчур кровавые сцены, только испорчу Вам аппетит. Ваше чрево от этого рассказа вывернет наизнанку, особенно после жаркого, краба и спиртного. Но я скажу Вам другое. Я видел у этих коварных индейцев настоящие человеческие скальпы. Их носили на поясе особо злобные воины, головорезы, которым не было равных.

Тут официант принес им первый поднос, и они приступили к еде.

— Восхищаюсь радостью, которую получаю от еды, — сказал Костюкевич. — Жаль, что желудок маленький, хотелось бы, как у коня.

— Чего желать — тому бывать, чему бывать — того не миновать, — странно ответил Владимир, и сорокалетний врач сделал недоуменное лицо.

— Индейская мудрость, — пояснил Владимир, но букву "е" сказал как-то неясно, было непонятно, то ли индейская, то ли индийская. Костюкевич принял это за мудрое изречение, которое, он, правда, не осмыслил. Изобразив на лице понимание, он спросил:

— А Вы познакомились с вегетарианцем, лежащим в моем отделении? С кришнаитом Зоценко?

— Да.

— Ну и как он Вам?

— Что имеете Вы в виду?

— Как Вы классифицируете его болезнь?

— В Канаде, США, Англии, Индии и многих других странах люди с его убеждениями больными не считаются. Возможно, что ваша страна — единственная из немусульманских стран, где за индуизм могут посадить в психбольницу. Я слышал, что у вас за это даже в тюрьмы сажают.

"Не иначе, нахватался этого, общаясь с Зоценко", —

подумал Костюкевич.

— Но ведь любому психиатру очевидно, что у него шизофрения.

— Не любому, — вдруг дерзновенно возразил молодой врач.

— Ка-ак это?

Костюкевич чуть было не затрясся оттого, что показалось ему нахальством. От изумления он даже перестал сосать краба, и из его сжатых неподвижных губ свисала клешня. Он выплюнул краба и стал сердито говорить.

— У него диагностирован шизофренический процесс. Он социально дезадаптирован. У него идеи религиозного содержания. И не знаю, как там за океаном, но у нас механизм формирования идей религиозного содержания хорошо проанализирован. Результаты исследований дают основания полагать, что основную роль в формировании религиозных идей играет техника медитации. Суть этого явления сводится к тому, что сектантов принуждают подолгу фиксировать мысль на предметах культа или на звуке молитвы, якобы входя таким образом в контакт с Богом. Они думают, что медитация отделяет их от так называемой грубой материальной оболочки. При этом у многих верующих через некоторое время появляются зрительные и слуховые галлюцинации, нарушения сознания, бредоподобные идеи и эйфория. Эти, как они говорят, необычные явления, сопровождающие религиозный экстаз, в действительности — сумасшествие! Но сектанты считают это доказательством истинности проповеди своего учителя.

Гордый за советскую психиатрию и медицину, Костюкевич подозвал официанта и залихватски заказал:

— Сто капель!

Опрокинув рюмку, он заявил:

— К тому же в сектах нередки случаи изуверства. Улавливаете связь, дружочек? Видите, что секты провоцируют

сализм? Вы ведь умны, Вы учились в советском ВУЗе.

— На Западе психиатры так не считают. Там об обратном говорят.

— Ка-ак это? Что Вы имеете в виду?

— Например, в США существует весьма солидное объединение психиатров. Американская психиатрическая ассоциация — АПА, объединяющая более двадцати тысяч специалистов по психиатрии. В нее, кроме американцев, входят врачи из других стран. АПА очень серьезно относится к этическим и социальным аспектам психиатрической практики. В ассоциации есть комитет по вопросам этики, рассматривающий жалобы на ее членов, и есть комитет по нарушениям в психиатрической практике в США. Когда врачи нарушают этику, комитет уведомляет в этом руководство АПА, которое сразу предпринимает меры. Также АПА публикует много статей по психиатрической этике. В АПА считается ненормальным, что спецпсих-больницы СССР находятся под юрисдикцией МВД, а люди, чьи убеждения отличны от советской идеологии, по надуманным причинам диагностируются как душевнобольные и помещаются в спецпсихбольницах в ужасные условия. К тому же нередко эти пациенты поневоле лежат в клиниках, расположенных на огромном расстоянии от семьи и близких. Подобные злоупотребления по отношению к людям другой политической ориентации имеют место не только в вашей стране, но и в Югославии, Румынии, Аргентине, Чили и еще некоторых странах Южной Америки. Так что, видите, Юлий Корнеевич, обратное на Западе представление о вашей психиатрии, — невозмутимо закончил изложение своих контраргументов Владимир.

Костюкевич чувствовал себя провалившимся и не знал, что сказать. Он подумал, что лучшее в этой ситуации — "сто", и снова подозвал официанта. Выпил, как воду, а Владимир, глотнув лимонада, продолжил:

— Считаю Зощенко шизофреником, Вы, Юлий Корнеевич... сами выглядите шизофреником в глазах человечества, населяющего те страны, где кришнаитов считают полезными для общества людьми. Если Вы будете так думать и дальше, то я буду считать Вас душевнобольным.

Костюкевич напрягся. "Ну и наглость!" — возмутился он про себя.

— Ты очумел? — вдруг грозно, но не повышая голоса, сказал он. — Ты что себе позволяешь, сосун? Ты сам шизик!

Он, однако, спохватился и взял в руку стакан с минеральной водой, намереваясь ее выпить и остыть. Но тут какой-то бесовский голос внутри стал твердить: "Вылей ему в лицо! Плесни в лицо! Давай!" Неожиданно он отвел руку назад и...

— Не накаляйтесь, старина! — твердо и отрезвляюще почти рыкнул Владимир. — Не связывайтесь со мной для своего же блага! Если моя маменька вмешает в это дело своих любовников из Кремля, гостивших в ее шикарных апартаментах в Монреале, Вы здорово вляпаетесь! Не забывайте, что я — иностранец. В том, что мои убеждения отличны от советской идеологии, ничего страшного нет. Я могу позволить себе сказать эти вещи, ведь я не гражданин СССР, в конце концов. Кстати, знаете ли Вы, что в 1977 году в американском городе Гонолулу на крупнейшем мировом Конгрессе психиатров злоупотребления советской психиатрии были осуждены в англо-австралийской резолюции? И знаете ли Вы, что когда вашу делегацию призывали подписать "Гавайскую декларацию" об общих этических принципах психиатрии, ваша делегация отказалась принять нормальные правила поведения врачей?

Костюкевич стал соображать. От смешения водки с пивом его голова кружилась. Противно нарастала трусость. В этой дерзости, в этой бесподобной смелости молодого врача была такая уверенность, из нее била такая сила, что пьяного

Костюкевича одолел страх. Совесть стыдила его, и возникший внутри трусливый голос громко возопил к рассудку с молитвой замять скандал. "Пригнись, унизься, не лезь на рожон", — здраво ответил рассудок этому испуганному голосу.

— Ну, забудьте, голубчик. Примите мой пардон! Он опустил голову в знак раскаяния.

— Я что-то слышал об этом... ик... Конгрессе в Гонолулу. Что-то смутно припоминаю. Кажется, после него зарубежных спецов наподобие Вас стали приглашать работать в советские психбольницы. И они смогли понять и рассказать всему, всему, всему миру, что во Всемирной ассоциации психиатров, пардон, передергивают по поводу наших злоупотреблений.

Сказав это, Костюкевич подумал совсем о другом и вспомнил вышестоящего чиновника: "Только болван может прислать иностранца в спецотделение! Старый валенок!" Хотя высказывание Костюкевича о хитром ходе верхушки советской психиатрии вызвало во Владимире прилив гнева, он, найдя в себе силы, промолчал.

— Но Вы тоже хватили! — продолжал заведующий спецотделением. — Шизофреником меня назвали.

— Я не назвал. Я сказал лишь, что если Вы думаете так о верующих, то выглядите шизофреником в глазах других. И сказал еще, что я позволю себе думать о Вас как о сумасшедшем, если Вы не измените Ваш пристрастный взгляд. Психиатру следует быть беспристрастным. Вы не считаете так?

— Да, да, это важно, — буркнул Костюкевич. Верно или нет, но он был научен жизнью, что лучше стерпеть унижения сейчас, чем иметь проблемы потом. Тем не менее, он решил поспорить:

— Но пардон! Ведь психиатрия должна помогать государству. На страже, понимаешь, отчизны!.. Ик... Пардон! Лидерам нашей партии гораздо виднее, что полезно стране, а

что нет. Я, пардон, принимаю верной их точку зрения на опасность веры кришнаитов! Да! Они дают нам указание, и мы видим! В этой секте таится потенциал внести в наш государственный строй идеологическую бациллу!.. Ик... Это ведь и к государственному перевороту может привести!

— Ну, зря Вы так. Это не цель кришнаитов. Мирные люди — я был в их храме в Торонто. А по поводу помощи психиатрии государству — извините. Психиатрия должна оставаться беспристрастной к политическим убеждениям и ставить целями улучшить лечение и восстановление олигофренов и эмоционально расстроенных людей. Еще надлежит заботиться о предотвращении нарушений психики у людей, внедряя профилактические меры. Особенно опасны производственная сфера и конфликт между человеком и машиной.

Костюкевич был разбит, ему было неприятно терпеть поражение в диспуте от юнца. Однако он был вынужден проглотить все это, но зато компенсировал недовольство высвечиванием собственной ошибки. Теперь он отказался от идеи пригласить Владимира на работу в свое отделение. "Будет, как змея доморощенная, — констатировал Юлий Корнеевич. — Не пойду хлопотать за него к начальству".

"Я бы посражался с ним, — так и не сдался Костюкевич в своих глазах, — но что-то сегодня я слишком наклюкался. Вроде и не пил много. Хитрый он такой — сам-то трезвым остался".

Слабо пожав на прощанье друг другу руки, они пошли каждый своей дорогой. А спустя несколько дней Владимир уехал в свою клинику в Днепропетровске.

— Глава 20 —

БЕСЕДЫ В САНДУНАХ

Мечты Лебеда сбывались. Ему верили, и вот он уже сидел

в кабинете заведующего отделением Максимова, что было просто формальностью. Лечащий врач после детального обследования уже подтвердил его шизофрению, и обычно после решения лечащего психиатра никто не пытался пересматривать дело. Чтобы изменить его решение, требовалось бы созывать специальную комиссию из нескольких докторов во главе с каким-нибудь корифеем. Это было хлопотно, да и непоследовательно. Неловко же ставить под сомнение выводы собственного ученого специалиста! Поэтому, даже если время от времени кто-нибудь из психотерапевтов ошибался, начальству было гораздо выгоднее оставить жертве врача статус психического больного, чем жертвовать репутацией "гуманной" советской психиатрии.

Лебедь спокойно отвечал на дежурные вопросы Максимова. Было заметно, что психиатр не в духе — явно что-то его угнетало. Расспрашивал он рассеянно, думал о чем-то своем — глубоко, волнующем и неотступно удерживающем внимание.

Зазвонил телефон. Максимов срочно пошел к главврачу Синявскому, сказав Лебедю ждать. Он прикрыл газетой какие-то бумаги на столе, поправил перед зеркалом светло-фиолетовый галстук, подбодрил осунувшееся лицо ладонями и скрылся за дверью. Лебедь посидел с минуту, ему стало скучно. Встав, он приблизился к окну. За ним ничего интересного не происходило — унылый март в своем завершении — серо, голо — ничего цветущего в природе. В шкафу стояли книги по психиатрии — но брать их было нельзя. На столе газета. Что же под ней? Почему он это накрыл?

И вот Лебедь уже стоял у стола. Вслушиваясь в доносящийся из приемной голос секретарши, сплетничающей с кем-то по телефону в отсутствие шефа, он начал читать то, что лежало под газетой. Его глаза округлились от изумления! Вот что там лежало:

"Воспевание Харе Кришна мантры практикуется в Индии как форма медитации не только вайшнавами, но и большинством индусов. Миллионы индусов практикуют эту медитацию в качестве постоянной религиозной, социальной и семейной функций. Я могу подтвердить, что воспевание Харе Кришна в Индии не отличается от воспевания в Международном обществе сознания Кришны. Я не знаю ни одного случая, когда эта медитация привела бы к психическому расстройству личности, независимо от того, слушают мантру или воспевают. Более того, танцы и воспевание преданных Кришны могут привести к полезным психологическим эффектам у людей, страдающих психическими заболеваниями. Преданное и медитативное воспевание Харе Кришна мантры не имеет никакого отношения к "промыванию мозгов".

Доктор Д.Д.Гхош, президент Индийской Ассоциации психологических исследований.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ХАРЕ КРИШНА.

Автор исследовал 42 верующих Харе Кришна, живущих в Мельбурне. Применены тесты MMPI, анкеты общего физического состояния, анкета психометрического исследования личности. Наугад было отобрано 6 верующих и проведена современная официальная экзаменация. Результаты исследований не выходили за рамки обычного. Эти результаты опровергают мнение, что верующие Харе Кришна психически нездоровы. Автор считает, что ошибка прежних исследований в том, что исследовались люди, отошедшие от Движения, в результате чего складывалась искаженная картина. Из 42 исследуемых (от 18 до 47 лет) 16 прежде были католиками, 18 — протестантами, 5 исповедовали другие религии, 3 были атеистами. Из них 27 человек принимали

галлюциногенные наркотики, 5 курили марихуану, 10 не принимали наркотики.

Практика Сознания Кришны может быть применена для искоренения наркомании и для восстановления здоровья.

Следует со всей серьезностью сказать, что чем больше человек практикует этот культ, тем меньше становится психическая патология.

Я не нашел коренных изменений в натуре, хотя через 3 года практики человек выглядит более счастливым и менее обеспокоенным.

Майкл Росс, Австралия, Бедфорс парк, отделение психиатрии, Медицинская Школа, Университет Флинда СА 5042.

Недавно мы узнали, что Международное общество сознания Кришны и его последователи подвергались нападкам со стороны групп..."

Дверь неожиданно открылась — вернулся Максимов. Его губы скривились в отвращении, и он с нескрываемым презрением уставился на Лебеда, пойманного на горячем. Лебедь и шевельнуть не мог ватными ногами. "Как не вовремя! Теперь могут не выпустить, — подумал он горько. Но разум спасительно закричал, — ты же сумасшедший, тебе все можно!"

Возникшая на лице Лебеда улыбка дебила все объяснила психиатру без слов. Максимов решил накинуть ему еще месяц, но потом ему стало жаль несчастного.

— Проваливай, негодяй! — услышал Лебедь и увидел, как Максимов ставит свой росчерк под решением лечащего врача. — Чтoб завтра духу твоего тут не было!

"Подумаешь, любопытствовал, все равно своим нарушенным мозгом ничего не поймет, — размышлял доктор. - Да и если поймет — что тут такого — я ведь психиатр, и у меня есть пациенты кришнаиты. Кто мне, в конце концов, эти бумаги дал? Тоже психиатр, да еще и такой маститый".

У него был друг — старый — вместе они учились в Москве. В настоящее время он сотрудничал с институтом имени Сербского, чье монопольное право на проведение судебно-психиатрической экспертизы по всем наиболее важным делам в стране, критиковали ученые В.Гиляровский, А.Рапопорт, В.Банщиков и не только они. По своей природе друг Максимова был очень совестливый, несправедливости терпеть не мог и в меру разрешенных средств боролся с беспорядками. Особенно ему не нравилось, что психиатрию пытаются использовать в качестве смирительной рубашки, надеваемой на человеческий талант. Он ратовал за интеллектуальное и культурное развитие страны и ненавидел подавителей талантов.

— Тормозилы! — громыхал он, бывало, когда они парились с Максимовым в Сандуновских банях, расположенных неподалеку от Кремля. — Мозги российские разлетаются по всему свету или сохнут в психушках! Самых их туда! Коля, мы-то знаем, что контакт с душевнобольными вызывает подчас у здоровых людей психическое заболевание. То есть, индуцированное реактивное сумасшествие. Получается, что здоровые люди, изолированные в психушках, подвергнуты реальному риску заболеть индуцированным психозом. А если здоровых держат в одиночных палатах, то такой режим вызывает чаще всего реактивный паранойд.

— А что ты скажешь о насильственном лечении психотропным веществом? — спросил его как-то Максимов.

— Это очень опасно, Коля! Риск душевного заболевания у здоровых людей, водворенных в психушки по политическим причинам, особенно увеличивается вследствие принудительного насильственного "лечения" психотропными средствами. Галоперидол, мелипралин, барбитураты и ряд других препаратов вызывают у здоровых стрессовые ситуации и психические заболевания. У людей, не очень крепких духом, длительное вынужденное расщепление

сознания ведет часто к психопатическим процессам. Таким вот макаром у нас из нормальных людей норовят делать сумасшедших. И ведь в ряде случаев получается!

Однажды этот московский психиатр устроил целый исторический экскурс на тему неразумного обращения с талантливыми людьми:

— Коля, да вся наша история этим пропитана! От Ломоносова Академию Наук отставили! На Менделеева был накат со стороны Петербургской Академии Наук! Кто осмелился за него вступить? "Ярость врагов с робостью друзей состязаются", — мудро прокомментировал это отношение Менделеев! К Пирогову скверно относились врачи — все ставили ему в колеса палки! Не могут не завидовать! Посредственности! Разве конец Мусоргского не от того же? А Куинджи, которого злые люди считали не Куинджи, а крымским пастухом, прибившим художника Куинджи? И разве не тем же наполнена трагическая жизнь Лермонтова? Это недоброжелательность, Коля! Это черта наших нравов! В народе она — насмешка, а в высших кругах она — невнимание и холодность. Чем бы ни объяснять это черное чувство, все равно никакого разумного смысла в нем не найдется. Франция гордится Мечниковым и Метальниковым, Швеция — Ковалевской, а Англия — Виноградовым и банкиром Барком! Парагвай — военным начальником Беляевым, Америка — Ростовцевым и Сикорским, Чехословакия — Лосским! Юркевич строил "Нормандию" с ее океанской победой... Да счесть ли их? Всюду можно найти на самых доверительных местах российских деятелей. А среди работ иностранных ученых ты будешь поражен количеством трудов русских. Почему все они не смогли работать в России всю жизнь? Нельзя разве было создать им условия?

В последний приезд Максимова в столицу они снова ходили в бани. Николай Михайлович рассказал другу о Святославе.

— Очередной заскок! — сел на своего конька московский психиатр. — Опять весь мир думает о нас, как об идиотах. Кого-кого, но этих... Это же древний индуизм! Мир ХОХОЧЕТ, Коля! "РУССКИЕ ПРИДУРКИ САЖАЮТ В ТЮРЬМЫ И ПСИХУШКИ СВОИХ ЖЕ РУССКИХ. САЖАЮТ ЗА ВЕРУ, КОТОРУЮ ИСПОВЕДУЕТ ТАКОЙ БЛИЗКИЙ ПО ДУХУ И ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ИМ НАРОД!" Коля, я вот тебе дам кое-что о кришнаитах — у меня есть материалы зарубежных психиатров по исследованию этой религиозной группы.

Чтение данных другом отчетов ввело Максимова в уныние — очень виноватым почувствовал он себя перед Святославом. Но как он мог помочь ему?

— Глава 21 —

ЛЕБЕДЬ ВЫХОДИТ ИЗ ШТОПОРА

Как-то Святослав лежал во время тихого часа в палате и читал страницы из "Совершенства йоги", переведенные Владимиром. В палату заглянула Вероника Глебовна. Ее появление в спецотделении было полнейшей неожиданностью. Она многозначительно посмотрела на Святослава и жестом подозвала. Когда он вышел в коридор, она шепотом сказала:

— Лебедь звонил только что, через десять минут будет опять звонить. С дежурным насчет тебя я договорюсь.

На вахте она заявила:

— Мне нужно забрать Зощенко на полчаса для протоколирования. Он лежал в моем отделении, и теперь нужны дополнительные данные.

Она показала дежурному приказ заведующего отделением, чистый бланк которого подарила Веронике Глебовне по дружбе его секретарь Валентина Феодосьевна. Там почерком Вероники Глебовны было написано: "Зощенко. На

дополнительное собеседование. Максимов". Внизу стояла печать. Дежурный с пониманием открыл дверь.

По пути к аппарату Святослав будоражился, испытывая к звонящему благодарность. Заведя преданного в свой кабинет, женщина усадила его на стул, а сама для безопасности закрыла снаружи дверь.

— Ну, Лебедь, ну, молодчина! Вот друг же! Позвонил, помнишь! — почти закричал в трубку Святослав.

В замке повернулся ключ:

— Тише, Слава, ради Бога, тише!

Голос Лебеда был бодрым и оптимистичным. Он говорил, что собирается завтра приехать. Еще Лебедь сказал, что у него появилось много вопросов. Святославу было понятно, что имеются в виду духовные вопросы, но Лебедь не глупец — не будет открыто говорить о таких вещах в прослушиваемый телефон.

Назавтра он, как условились, пришел, прихватив с собой пачку сливочного масла и банку с вареным картофелем. Выглядел он здоровым и трезвым. Когда проявления приветствий закончились, Лебедь первым делом похвалился:

— Пока не колюсь, веришь? Держусь! Но так тяжело бывает! Особенно тяжело вначале было. Мать меня сразу попросила бабушку навестить, да, говорит, и сестра двоюродная по тебе соскучилась. Я — к ним, говорю себе с бабушкой, а сестренка уходит к себе в комнату. Вдруг гляжу, появляется, и такое знакомое выражение в ее глазах! И так ей неинтересно все, что вокруг! Я в ее комнату, а она говорит: "И я "села", Рома. Скрывала от тебя — уже полгода, как "села". Ты, я знаю, сейчас без денег, и мать с бабкой тебе ничего не дадут. А ты умираешь. У меня есть, давай разведем для тебя".

— Так тяжело мне стало, Слава! Веришь? Смотрю на нее, семнадцатилетнюю, и мне горько-прегорько. Вину чувствую. Помню, на свадьбе ее старшего брата все пьют, пьют, а я — нет. И она меня просит: "Рома, ну хотя бы сто грамм за

братика моего!" А я — под кайфом. Говорю: "Дура, летать рожденный не может ползать!" А откуда я знал, что она знает этот анекдот? А она смелая такая, берет и рассказывает мне: "Рома, послушай анекдот! Алкоголик говорит наркоману: что ты нашел в своем наркотике? А наркоман отвечает: а что ты нашел в своей водке — напьешься и ползаешь. И предложил ему наркотик. Алкоголик принял дозу, но все равно ползал. Тогда наркоман с сожалением посмотрел на него и сказал: рожденный ползать — летать не может". После этого сестра мне сказала: "Рома, я все вижу, и в трубе у бабушки я нашла шприц и вату". "Ты показала ей?" — в шоке спросил я. Я действительно потерял неделю назад шприц, но не мог вспомнить, где. А она: "Пока не буду показывать, но если ты не остановишься, то расскажу все твоей матери". Я разозлился тогда и говорю ей: "Змея ты!" А потом смотрю, в ресторанной раздевалке никого нет. Схватил, дурачина, ее за горло и стал угрожать. А она испугалась и сказала: "Пошутила я. Никогда, — сказала, — брата своего не продам". Умоляла она меня не колотиться, но разве был я тогда способен кого-нибудь послушать? Это был третий месяц моей кайфовой жизни, и я был так увлечен, что любые препятствия мне казались сущим дьяволом.

И вот я вышел и не колюсь, а сестренка "села". И из-за нее я чувствую себя последним гадом. Веришь? Пытаюсь ее остановить, но я — не ты, я ничего не знаю и духовной энергией не владею. А она с такими ребятами связалась — они ее эфедрин научили готовить и отправили на Кавказ. Там эфедра растет. Я поздно узнал, предъявил им — говорю: она совсем молодая, отпустите ее. А они говорят: долги у нее, если ты их отдашь, мы ее сразу отзовем. Сказали: три тысячи рублей, а у меня их, сам знаешь, нет. А в милиции ничего не докажешь. Только этих парней своими врагами сделаешь, а они и убить могут. А потом ей отомстят за то, что через нее проблема пришла. Так до сих пор и не вернулась она.

Святослав смотрел на Лебеда с состраданием. Как помочь в этой ситуации, он не знал. Решил попросить о помощи Кришну, будучи уверенным, что Господь поможет Лебедею и его сестре. Потом преданный спросил, как у него идет духовная практика. Лебедь ответил, что каждый день читает две самиздатовские брошюры Прабхупады, которые ему дала мать Святослава. Это напоминает ему о его высшем предназначении слуги Бога и помогает удерживаться от уколов. Мантру он поет нередко, но не каждый день. Делает это или когда испытывает творческий порыв, или когда без наркотика становится неспособен. Когда хочется уколоться, он начинает петь, вкладывая в пение все свои лучшие чувства. И поет он минимум до тех пор, пока не начнет испытывать состояние умиротворения, с которым приходит безразличие к наркотику. Бывало, чтобы желание колоться исчезло, надобилось петь всего полчаса или час, но, бывало, что требовалось больше. Уже три недели после выписки он удерживается от уколов.

Услышав об этом, Святослав ощутил удовлетворение. Чувствовалось, что Лебедь не лгал — на лице его просматривалась печать борьбы, а рассудок был ясным.

— А кассеты? Слушаешь?

— Да, они мне нравятся. И, как ты учил, стараюсь сосредоточиться на словах мантр.

— Молодец! Я вот выйду, приеду обязательно в твой Кривой Рог как-нибудь, да и ты ко мне приезжай. Поживешь несколько дней, в йогу как следует окунешься. Это нужно, чтобы почувствовать контраст между пребыванием в духовном и материальном сознании. Попрактикуем несколько дней пение мантры и совместное чтение книг. Еще я обучу тебя разным ключам.

— Хорошо, — ответил Лебедь. — Я приеду.

Вошла медсестра и сказала друзьям, что пора заканчивать свидание, и они стали прощаться. Эх, разлуки, как вы горьки!

Но какими сладкими делаете вы встречи!

— Глава 22 — ВЫПИСКА

В КГБ в легенду, рассказанную Святославом Синявскому, не поверили. Тем не менее, попытались сделать вид, что принимают ее всерьез. Решили выпустить его, используя в качестве живца, на которого можно поймать адептов Кришны и всякого рода неблагонадежных. Еще бы — теперь он был очень популярен.

В апреле восемьдесят третьего года в "Днепропетровской правде" вышла статья о Святославе, которая упоминала и Жарова. Журналист писал, что респектабельная внешность Зощенко вызывает доверие, и это — единственное, чем можно объяснить беспечность некоторых ответственных работников, которые позволяли ему читать свои лекции (а на самом деле проповеди) и таким образом обманывать наших советских граждан. Программы проводились в НИИ, Доме ученых и других общественных местах.

Статья была хоть и разгромной, но в ней, однако, не говорилось, что преданные — сумасшедшие. Тех, кто работает в НИИ и приходит на научные заседания в Дом ученых, люди считали мозгами общества, и раз уж они заинтересовались учением Прабхупады, значит, учение это было научно, и потому объявить в Днепропетровске публично, что проповедники этого знания — сумасшедшие, было бы чересчур.

На работников психбольницы статья подействовала самым удивительным образом. Они стали гордиться, поскольку в лицо знали того, о ком писали в газете. Некоторые принялись с ним заигрывать, лстя: "Ты наш земляк, и мы понимаем, что ты не больной! Ты пропагандист йоги, и за это тебя здесь держат".

Через неделю после его встречи с Синявским пришел лечащий врач и объявил Святославу, что его выпускают, но если он не женится, увы, положат опять. Кроме того, ему раз в неделю придется отмечаться в психбольнице по месту жительства. Счастливая мать Святослава скоро пришла его забирать, но ей неожиданно отказали. Назначили ему недельное обследование из-за того, что у одного из больных в его палате будто бы нашли туберкулезную палочку. Через неделю мать снова пришла, но врач заявил, что заведующий отделением настаивает на дополнительном обследовании. На вопрос о его длительности ответили неопределенно. Сопоставив вместе эти и другие факты, Святослав и мать поняли, что их водят за нос.

Кто знает, чем могло бы это закончиться, если бы в дело не вмешалась Вероника Глебовна. Святослав к этому времени уже считал ее своим добрым ангелом и был уверен, что через эту женщину нередко действует Сам Господь. Опытная медсестра, мудрый больничный старшина, она объяснила, что для смазки заржавевшей чиновничьей машины нужно предложить магарыч. Узнав от нее, кому и сколько дать, мать Святослава вручила прохвосту, затеявшему это все, половину своей месячной зарплаты. Выйти разрешили на следующий день.

Его настроение последним утром в больнице было несколько беспокойным. Не до конца верилось, что выпустят, и он старался не радоваться раньше времени. "Кто их знает, иногда они действуют, не выбирая средств. Придумают еще сто хитростей. Так часто бывало — привяжешься к результату заранее, а потом план рушится, и больнее в сто раз!" Когда после завтрака медсестра принесла в палату мешок с его одеждой, уверенность возросла, но он уговаривал себя оставаться бдительным. И вот, наконец, вахта дежурного, встречающая мать, они идут по больничному скверу. Святослав смотрит на любимую скамейку, на которой он

нередко отдыхал, повторяя мантру. Там сидит пациент в пижаме и что-то читает. Наконец, они выходят за ворота больницы, и через полчаса садятся в автобус. Он успокаивается, глядя из окна на расцветающие вишни и яблони. И вот Днепропетровск, знакомый район и квартира, где полтора года назад он начал жить отдельно от родителей.

Освобождение все-таки к нему пришло! Какой же между его домом и психушкой контраст, какие это разные среды обитания!

Через несколько дней он осознал, что его существо освободилось от энергии дрессировки и карания, которой его питали в психбольнице. С этой энергией ушло глубокое внутреннее напряжение, вызванное защитной работой сознания, сопротивлявшегося этой охоте на личность. Святослав со всей отчетливостью понял: "В сущности, это была клетка. Я был зверьком, которого дрессировали и карали, пытаюсь сделать из него безголового раба советской системы. Не сделали, Господи! Тебе спасибо! Доверие мое к Тебе не разрушили. Это была закалка. Спасибо! Я стал сильнее".

Часть III. Маневры.

— Глава 23 —

ЗАТВОР

Первую неделю после выписки Святослав никуда не выходил. Много читал, так много, что смог почувствовать, как уменьшилась его потребность в сне. И тщательно перебирал в квартире все вещи. Искал фотографии, лекции, книги и атрибуты, связанные с поклонением Кришне. Для того, чтобы надежно, вне дома, все это спрятать. Многие он отдал матери, но несколько книг и пять бобинных кассет с лекциями своего гуру и пением мантры он оставил у себя, держа их в тайнике, который устроил внутри старого телевизора. Святослав откручивал болты, вытаскивал из полупустого телевизора книги и после чтения укладывал их назад. Кассеты были пока бесполезны — его отец, пока он был в психбольнице, взял семейный магнитофон на гулянку, где его нечаянно разбили.

Он повесил светонепроницаемые шторы, чтобы, не вызывая подозрений, рано — за два часа до рассвета — включать свет, поднимаясь ото сна. Вначале он чистил зубы и принимал душ, а потом пел молитвы, поклоняясь изображениям Кришны и святых на алтаре. Кроме матери, снабжавшей его продуктами, в первые дни к нему никто не приходил. Она объявила войну его физическому истощению и приносила деревенскую сметану, молоко, сливочное масло, горох, муку, крупы... Специально заняла для этого денег у родственников. Святослав физически и духовно восстанавливался.

В конце этой недели в квартире раздался звонок, в котором чувствовалась не материнская рука. Посмотрев в глазок, преданный увидел старого знакомого, он заинтересовался вайшнавизмом в то время, когда Святослав давал в Днепропетровске свои первые лекции. Позже, когда службисты этого парня стали преследовать, он перестал общаться с преданными. "Он работает на них или нет?" — не

мог решить вайшнав, стоит ли отворять пришедшему дверь. Знакомый позвонил еще раз, подождал минуты две и пошел вниз по лестнице. Тогда, отбросив сомнения, Святослав все же открыл. Гость был один.

— Мне о твоей выписке Жаров рассказал, — объяснил он. — Он попросил меня помочь тебе. У тебя чего-то нет, у меня оно есть, у меня чего-то нет, у тебя оно есть. Это вот тебе.

Он принес с собой магнитофон "Маяк". Святослав просиял. И спросил:

— А как у тебя с КГБ?

— Они оставили меня в покое, думают, что я отрекся. Я действительно поначалу совершенно ни с кем не общался, но сейчас понемногу начинаю. Хочется быть вместе с преданными.

Святослав понимающе кивнул. Они рассказали друг другу о своих приключениях, а потом он спросил гостя, нельзя ли им где-нибудь устраивать программы. Тот пообещал поговорить с Евгением, кем-то еще и ушел.

Святослав сразу снял с телевизора панель и, достав кассеты, погрузился в лекции своего гуру. Через несколько часов он был уже полон энергии. Хотелось действовать: читать лекции, беседовать с людьми о Боге, организовывать перевод и печатание книг. Он стал составлять в голове планы, которые по мере его размышлений разрастались в геометрической прогрессии. Однако в уме его скоро появился нахальный разрушитель, и все планы вдруг показались ему миражами. Разрушителем была мысль, говорящая, что завтра ему непременно придется идти в психбольницу отмечаться. А вечером ему принесли повестку из милиции: было велено явиться в отделение через три дня. Он знал, что там от него потребуют отчет о проведенном времени и сообщат про подписку о невыезде.

Эти беспокойства терзали его, но все же это не были те больничные ужасы, от болезненных переживаний которых

Святослав постепенно отходил. Скоро он стал чувствовать себя благодушно.

— Глава 24 —

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ ОПАСНОСТИ

Как-то в июне, через месяц после выхода из больницы, к нему неожиданно приехала скорая. Святослав увидел ее в кухонное окно, куда он частенько поглядывал. Через несколько минут в квартиру вошел незнакомый психотерапевт и сказал:

— Поступили сведения, что у Вас ухудшение. Я хочу с Вами поговорить.

У Святослава в это время жарился картофель во фритюре, и он пригласил врача на кухню. Усадив гостя на стул, он продолжил приготовление, а визитер стал проводить тест, задавая различные вопросы. В конце беседы он сказал:

— Я вижу, у Вас со здоровьем неплохо. Была просто заявка, так сказать, от какого-то доброжелателя, якобы у Вас поменялось состояние. Вы уж извините, я был обязан проверить.

Утром следующего дня Святослав, с самого пробуждения чувствовал недоброе. Включив свет в ванне, он увидел черного паука, который вполз неведомо откуда — раньше его в квартире не было. Паук напомнил о тревожном сне: снился доктор в черных сапогах, твердящий, что пришло время лечиться. Чтобы рассеять сомнения, он отправился в днепропетровскую больницу, где обратился к психотерапевту, который после его выхода из игренского стационара считался его лечащим врачом. Доктор знал о вчерашнем происшествии и сразу признался:

— Это я его к тебе посылал. Пойми, я вынужден так себя вести. Они звонили. Если ты будешь на них работать, им подчиняться, то тебя оставят в покое. Но если не хочешь,

домой лучше не возвращайся. Потому что они весьма серьезно настроены. Сегодня в девять утра мне позвонили из КГБ и сказали: "Какого дурака Вы послали вчера? Почему он написал о Зощенко как о здоровом? Этот недоумок ничего не понимает в психиатрии. Может ли компетентный врач не заметить, что Зощенко — полнейший идиот и шизофреник? Он — дебил, и его надо лечить. Исправляйтесь!"

Святослав поблагодарил и вышел на улицу. Он был в полном замешательстве. Не разбирая дороги, побрел он по городу, не понимая, что теперь делать. Его разрывали сомнения. Согласно одним понятиям, ему следовало прийти в КГБ и объявить о своем отречении от веры. Но, согласно другим, это было предательством: "Лучше — смерть, чем гэбэшникам продаться!" От этих внутренних противоречий Святослав почувствовал себя скверно и решил пойти домой и хорошо поспать. Метров за двести до дома он увидел скорую в своем дворе. Вокруг нее ходил тот же самый водитель, что и вчера.

— Глава 25 — РЕШЕНИЕ

Воочию убедившись, что врач не обманывал, Святослав ушел подальше от своего дома. Он пробыл в психбольнице больше года — с апреля 1982 по май 1983 года, и нет необходимости объяснять, что ему сильно не хотелось попадать туда снова. Анализируя ситуацию, он никак не мог выбрать, что ему делать раньше. Решения не было, но вдруг возникло небольшое успокоение, которое стало нарастать. Скоро сложилась и выразилась мысль, показавшаяся ему трезвой и примиряющей две противоположных: "О чем беспокоишься? Ты просто сделай вид, что на них работаешь. А сам занимайся духовной практикой". Побродив, он решил, что это лучшее. И пошел на Красную.

Войдя в здание КГБ, он попросил у дежурного встречи со старшим лейтенантом Игорем Ткаченко, который его курировал. Но в этот раз к Святославу вышел другой офицер — человек с круглым улыбающимся лицом. Поздоровавшись за руку, он сказал:

— Чем мы можем помочь Вам?

— У меня важный разговор. А где старший лейтенант Ткаченко?

— Его сейчас нет. Можете считать, что я его замещаю.

Офицер пригласил Святослава наверх, и скоро они сидели в кабинете, прокуренном, как столыпинский вагон. Было так смрадно, что Святослав сразу почувствовал небольшое отравление. Его посадили на табурет, стоящий в центре комнаты. "И снова стульчик посередине, — подумал он, вспомнив киевский КГБ и игреньскую психбольницу. — Весь на виду и ниже, чем они. Явно в худших условиях. А они будут ходить вокруг и ставить на мне свои перекрестные "опыты". Некоторые люди, сидя на табуреточке, начинают нервничать — например, смешно двигать ногами. Они иногда кажутся некоторым следователям забавными букашками и доставляют своим поведением удовольствие. Но офицеры не знают, как йоги-вайшнавцы умеют владеть своими чувствами".

Комитетчик вышел, а спустя пять минут вошел вместе с высоким — под метр девяносто — парнем, крысиная ухмылка которого ничего приятного не обещала.

— В чем дело, Святослав Петрович, что к нам?

— Устал я. За помощью к вам, надеюсь на поддержку. Ведь функция ваша — защищать покой граждан, а это и мой покой. Я — гражданин СССР, между прочим. Тут, представляете, ко мне внезапно приехала скорая. Но я чувствую, что я в нормальном состоянии, да и врач так же сказал. Была просто какая-то кляуза, и все. А сегодня, час назад, подхожу к дому, и опять во дворе скорая. Шофер в машине — тот же. Я сразу подумал, что это опять по кляузе

приехали, и подумал, что лишь вы меня можете спасти от кляузника. Разве не справитесь вы с бумажкой? Зачем бессмысленно лежать в психушке? Из-за какой-то кляузы? Не знаю, где, кроме вас, искать защиту. Знаю лишь, что самая сильная организация — вы. Вот и пришел.

Крысиный взгляд был недоверчивым и назойливо влезал в глаза преданного. Его хозяин пытался определить, не играет ли сейчас Святослав. Вовремя оценив проницательность этого чекиста, вайшнав стал периодически делать напуганное лицо и стал вкладывать в свою речь энтузиазм. Получалось неплохо, так что все выглядело правдоподобно. Сам же Святослав удивлялся: "Какой бред я несу! Ведь все — полная чушь, и я ни за что не буду делать то, что им предлагаю". Под влиянием его мягкой речи офицеры почувствовали себя очень значительными и решили, вероятно, что он сломан. Высокий ушел и скоро привел какую-то важную птицу — круглолицый при появлении этого человека расстался с улыбкой и встал. При виде вошедшего Святославу сразу вспомнились изображения чекистов на обложках книг серии "Подвиг": геройское лицо стойка, вид бывшего разведчика. Пока ему рассказывали о желании Святослава сотрудничать, он улыбался, а после доклада сказал:

— Ты не по профилю обращаешься, Святослав. У нас тут своя система, военная, а ты о медицине судачишь.

Преданный снова стал говорить о могуществе КГБ, приведя в качестве неотразимых доказательств примеры из своего личного опыта. В итоге главный заявил:

— Мы думать будем. Может быть, что-нибудь придумаем.

Все ушли, и вайшнав сидел в кабинете один и молился. На всякий случай он не повторял мантру вслух, предполагая, что комната могла быть оснащена камерой или подслушивающим устройством. Прошло полчаса, и появился знакомый офицер — Сергей Григорьевич Кейс, который был вестником начальства. Он заверил, что их фирма окажет

покровительство Святославу, и принялся объяснять ему, по какой схеме они будут работать. Встречаться можно в городском парке и в машине. Святославу надлежит посещать собрания преданных, подавать списки их участников и рассказывать о ходе дел в Движении сознания Кришны в СССР. И тогда КГБ защитит его от психиатров.

Вечером Святослав чувствовал себя беспокойно. Как теперь все будет? "Ну и проверки, Господи!" Но дело было сделано, это следовало принять как факт и жить теперь с этим. В десять часов он помыл руки, лицо и усталые ступни, почистил зубы, потом завел будильник на четыре часа и лег спать.

— Глава 26 — У СТЕНЫ

Лето дарило последний зной, кончался август. Для северного полушария планеты наступал вечер. Скоро оно заснет, и люди до весны, пока оно будет спать, будут чувствовать на улице холод.

В жизни Святослава даже летом присутствовал холод. Еженедельные посещения психбольницы и свидания с Кейсом казались ему прыжками в прорубь. Лишь встречаясь с преданными, он отогревался. Очень мало общаясь с вайшнавами в Днепропетровске, Святослав два месяца водил Кейса за нос, давая бесполезные отчеты о придуманных встречах в Кривом Роге и Донецке. Говорил офицеру, что собирались там люди новые, которые пока осторожничают и называют ему имена без фамилий. Он составлял списки из вымышленных имен, но в подробностях описывал, как проходили программы, вплоть до того, что называл приготовленные блюда. Получалась неплохая проповедь, и оттого, что сотрудники КГБ читают о практике вайшнавизма, Святослав испытывал удовлетворение.

Они могли верить, поскольку об одной встрече знали точно. Их агент выследил преданного, когда тот встречался с Лебедем и его друзьями. Они в течение часа собирались на

большой автобусной остановке в микрорайоне, где жил Лебедь. Они сели в такси и уехали в неизвестном направлении, и следивший не знал того, где проходила встреча, и не смог установить, что за молодые люди на ней присутствовали.

На самом деле, Святослав встречался с Лебедем несколько раз, посвящая его в ведическое знание и обучая готовить пищу для Кришны.

Всего Святослав написал три отчета, однако Кейс уже раскусил его. На последней встрече он сделал Святославу комплимент:

— Ты талантливый фантазер, Зощенко! Признаюсь, я ведь поначалу тебе верил.

Потом улыбка расположения сошла с его лица:

— Но это слишком просто для нашей фирмы. Наивный ты человек, Зощенко. Мы к тебе с доверием, а ты? Валяешь дурака!

Затем он победно засмеялся:

— Мы знаем, что ты был на встрече преданных в городе неделю назад. Что ж ты, красавец, не написал об этом? Решил скрыть это от меня, волка разведки? Берись за ум! А то мы перестанем защищать тебя от психиатров. Я тут недавно врача Костюкевича встретил на улице. Совершенно случайно. Между прочим, он вспомнил о тебе. Сказал, в девятом отделении все по тебе соскучились, так ты их там утешал проповедями своими. Сдается мне, ты тоже по ним скучаешь. Давай, берись за ум! Лови момент, пока я добрый.

Святослав был сконфужен. Чувствуя, что прижат к стене, он решил сделать ход, на который долго не мог решиться. Он берег его на крайний случай.

— Сергей Григорьевич, отец Вы мой! — воззвал он с жаром. — Смилуйтесь, не запирайте! Я же чокнусь там, там же ад! У меня же свадьба на носу, дайте пожить-то с молодой женой! Я в Ригу звонил. Моя невеста, между прочим, уже

уладила все дела, и ее там теперь ничто не держит. Она готова приехать, а зовут ее Гита. Латышское имя и, как ни странно, индийское тоже. Мне просто за ней съездить надо. Родители у нее строгие, одну не отпускают. Говорят, я сам должен забрать. Отпустите, ради Бога! Я быстро, я за неделю управлюсь. Вы же говорили, что были бы рады моей женитьбе. Вы же говорили, что главное для Вас — не изолировать меня от общества, а перевоспитать. Считайте, что процесс перевоспитания идет плодотворно, у Вас получается! Ведь я по-настоящему женюсь.

Польщенный Кейс на некоторое время задумался. "Открутится ведь пацан. Ну и хорошо — головной боли меньше, да и совесть моя будет перед ним чиста. Весь этот кришнаизм, конечно же, надо выкорчевывать, но сам Зощенко... Все же неплохой хлопец. Земляк, грамотный. Может, и образумится. А в сумасшедшем доме из него действительно шизофреника сделают". Размышляя так, он вдруг спохватился, что если он отпустит Святослава, а тот не вернется, то на службе у него точно возникнут проблемы. Но интуитивно почувствовал, что в этот раз все обойдется. И сказал:

— Я подумаю. А ты, если ехать хочешь, позвони, чтобы тебе из Риги телеграммку с вызовом прислали и с адресом обратным. Понял?

Тут Святослав почувствовал, как с него свалился тяжелый груз.

— Отец Вы мой! Ну, спасибо, Сергей Григорьевич! Ну, выручили! Не подведу, не волнуйтесь! Телеграмму принесу.

Кейс был не злым человеком.

— Глава 27 —

ДРАМА НЕПОНЯТОГО РЕБЕНКА

Рута Викторовна и Раймонд Гербертович считали Гиту

способной девочкой, и это вовсе не было иллюзией родителей, влюбленных в свое чадо и потому ослепленных. У нее был прекрасный музыкальный слух и тонкое чувство ритма. К тому же им нравилась ее недетская зрелость, серьезность и философский подход к жизни.

Через некоторое время, однако, кое-что им перестало нравиться. Они стали проклипать ее философский поиск.

В 1979 году прогремело:

— Гита, я коммунист! Ты угодила в секту! Ты участвуешь в обрядах сектантов! Столько коммунистов сложили головы в борьбе с этой заразой, а ты идешь туда добровольно! Это, как говорит Ясперс, "метафизическая ин-то-кси-ка-ция"! Ты отравилась, Гита, ты подменила идеалы!

Это орал отец. Он редко впадал в чувства. В гневе он был ужасен и походил на гоголевского вурдалака.

— Дочка, оставь это все, ты же комсомолка, — мягко увещевала мать. Она никогда на дочь не кричала.

Гита продолжала ходить к преданным и радовалась, что ее, по крайней мере, не запирают дома. Сидеть под замком было бы ужасно, ведь она нашла общество, в котором ей очень интересно. Там она заряжалась энергией бхакти, и жизненный пессимизм улетучивался. Она углублялась в процесс познания себя, окружающего мира и Бога и делилась духовным знанием при каждом удобном случае.

Видя, что Гита стала предпочитать их обществу другое, родители и вовсе обеспокоились. Отчуждение между ними и дочерью нарастало, подобно увеличивающейся в размерах трещине между двумя кусками расколовшейся льдины. Она теперь отдавала солидную часть своей любви Кришне и вайшнавам, и родители стали охладевать в своей любви к ней. Так нередко бывает. Чувство любви родителей к ребенку притупляется, если он не оправдывает их ожиданий и не является тем, кого бы они хотели в нем видеть.

Их бесчисленные увещевания не помогали.

Разочаровавшись в таком методе воздействия, они стали думать, что в данном случае остается единственное средство. Раймонд Гербертович позвонил старому другу и попросил проконсультировать и поддержать. Через три дня тот протянул руку помощи.

В шоке смотрела Гита, как два самых близких ей человека, к которым она всю жизнь испытывала безграничное доверие, провожают ее к неотложке. Словно кинжал, вонзилось в ее сердце напоследок их пожелание выздоровления. Каково ей было все это переживать?

"Все-таки заперли, — безучастно констатировала она. — Как я теперь буду без преданных? И на что только не способны близкие из-за разнообразных страхов! Перед общественным мнением, перед отступлением от принятых в обществе критериев нормальности поведения, перед отступлением от преобладающей в государстве идеологии или религии, а также из страха потерять ребенка!"

Гита вспомнила, как они с подружкой читали в иностранном протестантском журнале о юноше Артуре Розеле, который давал свои показания под присягой американского суда. В 1976 году его по желанию родителей похитил некто Стивен Хассен, калифорнийский "консультант по выходу". Чаще таких людей называют депрограмматорами. Они зарабатывают на том, что стараются разубедить молодых людей в их вере в Бога. Над несчастным Артуром издевались Хассен и его подружка Элен Ллойд, которые держали его связанным, не давали ему есть, делали инъекции и другие неприятные вещи. Этот депрограмматор стяжал печальную славу в США, став отрицательным героем ряда судебных процессов.

"И в СССР есть свои хассены, — подумала Гита. — Конечно не мои мама и папа, они-то искренне думают, что я заболела. Хассены в больнице — будут меня переубеждать. Нам в этой стране как ранним христианам приходится".

Преданной все же удалось выйти из психушки. Это ее естественная увлеченность духовной жизнью победила и смирила родителей с ее верой. О психбольнице они больше не думали, а хотели уже, чтобы она поскорее вышла замуж. Так они в значительной мере снимут с себя ответственность за нее, львиную долю которой возьмет муж. В кругу родственников и знакомых они выглядели теперь оступившимися, поскольку их дочь оказалась "вовлеченной в секту", да еще и побывала в психбольнице. Они уже сожалели — зря ее туда упекли. Только испортили себе имидж. Только и оставалось, что выдать ее замуж. По крайней мере, существует довольно устойчивое мнение: если женщина замужем, то жизнь ее можно считать сложившейся, даже если она не вышла умом. "Если муж найдется, то родственники и знакомые постепенно успокоятся", — думалось Раймонду Гербертовичу и Руте Викторовне.

Начали подыскивать женихов. Некоторые родственники стали с энтузиазмом им помогать. Однако это не оказалось легковывполнимым делом. Два варианта провалились по одинаковым причинам — женихи не хотели, чтобы их жена была вегетарианкой и верила в Кришну. Еще нескольким кандидатам не понравилось, что она отлежала в психбольнице. Но один все-таки был готов терпеть и то, и другое, однако был чрезмерно похотлив. Поэтому Гита категорически отказалась. Тоном оскорбленного человека она заявила папе и маме:

— Я не выйду замуж за того, кто хочет только одного!

Тогда одна родственница предложила для нее больного шизофренией, думая: "Сапог сапогу пара". Она уговорила молодого человека, и он был согласен терпеть преданную такой, какая она есть.

— Вот еще! — обиженно отреагировала Гита на это. — Я вовсе не сумасшедшая, и почему же это я должна жить с психическим больным? Мне мало тех месяцев в

психбольнице? Конечно, он несчастный, и его надо жалеть. Но я хочу выйти за преданного Кришны! Он меня поймет, потому что у нас одинаковые интересы.

Они согласились и стали ждать.

— Глава 28 —

ЖЕНИТЬБА

Увлеченность Гиты учением Кришны началась с музыки. Как же она любила музыку! Еще учась в школе, днями напролет могла слушать классику или воспроизводить шедевры корифеев на фортепиано, забывая о домашних заданиях. Однажды, читая книгу мудрости об индийском падишахе Акбаре и его советнике Бирбале, она встретила рассказ, в котором нашла удивительное созвучие своей любви к музыке.

Там говорилось, что лучшее средство для возвышения души — музыка. А степень воздействия музыки на человека зависит от степени духовной эволюции, которой достиг человек. Акбар относился к музыке очень серьезно и однажды сказал своему придворному певцу Тансену:

— Никто не может превзойти тебя в твоём искусстве, но когда я думаю об этом, я вспоминаю, что у тебя есть учитель. Кто он? Жив ли он ещё?

— Да, владыка мира, мой учитель жив, и он действительно великий музыкант. Более того, я не могу назвать его "музыкантом", а должен назвать "музыкой".

Падишах воскликнул:

— Я хочу увидеть его и услышать, как он поет. Можешь ли ты привести его сюда?

Тансен ответил:

— Не может быть и речи, чтобы призвать его ко двору. Он отрешенный от мира странник. Кроме того, абсолютно невозможно попросить его спеть или сыграть: он поет только

тогда, когда чувствует вдохновение, он танцует только тогда, когда чувствует вдохновение. Можно лишь прийти к нему, наблюдать и ждать.

Акбар так заинтересовался, что они с Тансеном отправились высоко в Гималаи, где в храме музыки жил мудрец, настроенный на познание Вечного. Учителю понравилось, что падишах проявил смирение, забыв о своем царском положении, и он решил спеть для падишаха. Ощувив прилив вдохновения, он запел, осознавая, что делает это перед Богом. Его пение было настолько чудесным, что представляло собой настоящий психический феномен. Казалось, все деревья и травы вибрировали от священного звука, это была Песнь Вселенной. Акбар и Тансен испытали глубокое потрясение — по щекам падишаха катились слезы.

Этот феномен показался Акбару поразительным, и во дворце он попросил Тансена исполнить ту же самую рагу, что они слышали в пещере. Тот спел, однако падишах, сравнив их пение, не был удовлетворен:

— Да, это та же музыка, но не тот же дух. Но почему такая разница?

- Суть в том, что я пою перед Вами, падишахом этой страны, а мой учитель поет перед Богом. Я пою и танцую ради денег, престижа, уважения — музыка для меня пока еще только средство для достижения некоего результата.

Я пою, чтобы что-то получить, а мой учитель поет потому, что он что-то получил, и в этом — вся разница! Он поет только тогда, когда он наполнен Божественным и не может всего вместить в себя. Пение и есть результат: он празднует!

Гита много раз перечитывала этот рассказ.

Однажды подруга сказала ей:

— Я познакомилась с йогами, которые необыкновенно красиво поют. Они аккомпанируют себе на индийских музыкальных инструментах. Хочешь к ним сходить?

Она привела Гиту в коммунальную квартиру на улице

Гайля, в которой две комнаты принадлежали Маха-мантре. В них располагался первый рижский центр Общества сознания Кришны. Совсем незадолго до прихода нашей героини он был открыт Вриндаваном, который познакомился с учением еще в 1974 году на собрании баптистов в Москве, где встретил Ананта Шанти. В 1979 году именно Вриндаваном, и как раз в рижском центре на улице Гайля, было впервые организовано систематическое богослужение советских вайшнавов. Придя к Маха-мантре, Гита познакомилась с ней и ее сыном Акшарой. Еще там оказались таллинец Аетхапати, часто приезжавший в Ригу, и Джапа, работавший в "Олеине". Лекцию читал непосредственно Вриндаван, тридцатитрехлетний мужчина суховатого сложения, со здоровым цветом кожи, идеально подходящим на йога. У Гиты даже сомнения не возникло в том, йог он или нет. Лекция ее немного заинтересовала, но не она стала решающей. Гиту поразила игра Аетхапати на мриданге — традиционном индийском барабане. Он рассказал ей о мриданге удивительное:

— Этот музыкальный инструмент имеет духовную природу. В царстве Бога на нем играет для удовольствия Кришны очаровательная богиня Вишакха. А согласно еще одному мнению, в материальном мире в форме мриданги проявилась флейта Кришны. Могу научить. Правда, учтите, это не каждому дано.

— Я буду счастлива, — безумно обрадовалась она. — Я буду очень стараться! А можно мне брать этот барабан домой для репетиций?

— Нет, мы не разрешаем его выносить. Да Вы приходите сюда.

— Не буду я никому здесь мешать? Ведь он не очень тихий.

— Он очень громкий, — сказал Аетхапати. — Очень. Его слышно во дворе и даже на соседней улице. Но что поделаешь? У нас пока нет отдельного храма, а учиться

нужно. В любом случае Маха-мантре приходится встречаться с соседями и как-то все улаживать. Она уже отнесла им много пирожков!

Аетхапати играл виртуозно, и стал первым в СССР искусным барабанщиком-мридангистом, одновременно первым учителем игры на этом инструменте для многих преданных. Интересно, что основную часть ударов и ритмов он освоил на слух — по кассетам. Лишь позже взял несколько уроков у своего гуру Харикешы Свами и у Киртираджа Прабху, приезжавших в СССР преподавать бхакти-йогу. Любовь Аетхапати к популярному индийскому инструменту передалась Гите, и скоро она научилась извлекать из удивительного барабана пять разных звуков. Каждый день она старалась приходить в храм, чтобы репетировать, а также помогать преданным в их служении. Они в большинстве своем были очень серьезны и старались следовать исконной традиции вайшнавизма как можно более строго. Когда из Индии им прислали семена священного индийского деревца Туласи, они обратились к преданной, работавшей в Ботаническом саду, и она вырастила Туласи. У Маха-мантры Гита познакомилась со Святославом. Уже тогда серьезность и другие достоинства понравились им друг в друге. Но он, как истинный послушник, держал с женщинами подобающее расстояние, и потому между ними ничего не происходило. Следуя ведической традиции, он решил соблюдать обет безбрачия минимум до двадцати пяти лет. Гита тоже строго соблюдала целомудрие и вела себя скромно, никому не подавая повода для заигрывания. Чтобы не привлекать внимание мужчин к своему телу, она исключила из гардероба платья и юбки выше колен, стараясь одеваться не вызываяюще. Время от времени она путешествовала по стране с проповедническими группами, где кроме мужчин были женщины, жившие отдельно. Чаще всего это была Маха-мантра, иногда Лакшмиприя. Обычно Гита пела, играла на

мриданге, фисгармонии и готовила прасад.

Она не довольствовалась только первым духовным посвящением. После него получила второе, то есть была инициирована в брахманы в соответствии с авторитетной ведической традицией. Она знала наизусть много вайшнавских молитв и воспевала их. Для многих она стала примером самозабвенной преданности Кришне.

Когда Святослав приехал, родители Гиты устроили ему хороший тест. Им понравились его доброжелательность, здравомыслие и практичность, он точно мог обеспечить семью. Рута Викторовна была вдохновлена его неприятием спиртного — теперь у нее появлялся союзник в ее баталиях с мужем. Зато Раймонд Гербертович ворчал — попался зять, с которым нельзя пропустить стаканчик. Побыв в Риге 3 дня, Святослав увез Гиту в Днепропетровск.

В декабре они расписались. Шумной свадьбы не было — из Риги никто не приехал, лишь родственники по линии Зоценко собрались в хате родителей Святослава. Они произнесли тосты и вручили молодоженам подарки, в том числе коляску. С помпой захлопнули за Святославом и Гитой двери спальни. Но в брачную ночь жених и невеста друг к другу не приближались. Добровольно решили, что вступят в связь тогда лишь, когда решат заводить потомство.

Каждый день молодых начинался с раннего подъема. После омовения они вначале негромко пели, проводя утренние службы гаудия-вайшнавов, а потом читали вслух "Шримад-Бхагаватам". Затем Святослав ел приготовленный женой завтрак и уходил на базу стройматериалов, куда он устроился грузчиком. Он не был сторонником того, что женщины должны работать за зарплату, благодаря чему Гита могла вести жизнь домохозяйки. Эта роль ей очень нравилась. Она и выглядела, как истинная домохозяйка — полноватая и всегда умиротворенная природной женской занятостью. Зная, как устает Святослав на базе и с какими грубыми людьми

приходится ему там общаться, она старалась окружить его теплом и заботой. Он, в свою очередь, дарил ей чувство надежности. Порой ей приходилось терпеть разлуку с ним, поскольку он время от времени брал отгулы и уезжал к преданным в Москву или другие города. Но всякий раз, когда следовало отмечаться в КГБ или больнице, он возвращался. Им было хорошо вдвоем, а в центре их семьи находился Кришна.

— Глава 29 — ПУТЕШЕСТВИЯ

Наступило лето 1984 года. Получив новости из разных мест страны, Святослав задумался об объединении вайшнавских групп СССР в единую структуру. По причине отказа властей дать ваишнавам регистрацию и из-за преследований КГБ она до сих пор не была создана. Святослав был настроен решительно: "Преданные подавали прошение о регистрации, но получили отказ. Если нам запрещают иметь официальную структуру, мы можем создать и неофициальную. Существует же у православных катакомбная церковь! Мы значительно выиграем, если организуемся, и пусть себе структура будет подпольной".

По мере поступления к нему информации положение вещей все более прояснялось. Комитет начал свои преследования в 1982 году и расколол за два года несколько крепких коллективов преданных Кришны. Особенно сказывалось отсутствие "изъятых" из общества лидеров. Первого советского преданного, ученика Прабхупады Ананта-Шанти, практиковавшего бхакти-йогу с 1971 года, гноили в тюремной психушке. Активные проповедники и организаторы начала восьмидесятых годов — Вишвамित्रа, Садананда, Эката, Радха-Дамодара и мать Премавати — за веру отсиживали сроки в разных местах страны. Некоторые другие

лидеры ушли в тень, скрываясь от преследований. Правда, Святослав радовался факелам Движения, которые за время его изоляции в больнице разгорелись в Санкт-Петербурге, Ереване, Сухуми, Ташкенте и селе Курджиново Ставропольского края. Неплохо разворачивалась проповедь в Каунасе и Вильнюсе, начавшаяся там еще в 1979 году.

В Санкт-Петербурге Шалаграма перевел "Бхагавад-гиту" Прабхупады, которую преданные размножили и с удовольствием читали. И там немало проповедовал Маму Тхакур, пользовавшийся авторитетом у многих петербургских художников, людей богемы и некоторых ученых. Его успех был вызван высокой преданностью Кришне, талантом художника и большим размахом творческой и организационной деятельности. Он был защитником интересов художников Санкт-Петербурга, а тестем его был, говорят, композитор Шнитке. Маму Тхакур преподавал бхакти-йогу не только в Санкт-Петербурге, но и много ездил по стране. Он организовал активную группу преданных в Ташкенте, где лидером стал студент художественного института Мадхава Гхош. Мадхава Гхош, а потом Джагадйони и приехавший из Москвы Вайдьянатх проповедовали здесь в основном студентам и ташкентской знати. Что касается Еревана, то там почти независимо от групп Москвы и других городов вырос сплоченный коллектив серьезных преданных. Их возглавляли Карен Саакян, его родной брат Армен и Сурен Карапетян, получившие позже духовные имена Камаламала, Атмананда и Санньяса. Они время от времени созванивались со своим гуру Харикешей Свами и получали от него направление в деятельности. Они начали печатать "Бхагавад-гиту" и другие книги Прабхупады в государственных типографиях и стали продавать их в Армении, а потом передавать преданным для распространения в другие республики. Масштабы этого подпольного книгопечатания неуклонно росли. Таким образом, несмотря на агрессивные

действия КГБ, Движение сознания Кришны расширялось, однако оно было неорганизованным.

Святослав, будучи как-то в Москве, поговорил по телефону с Киртираджем Прабху, которого несколько раз встречал в СССР. Осенью 1980 года его вместе с Харикешей Свами со скандалом депортировали из Риги, запретив им на будущее въезд в страну. Наряду с Харикешей Свами Киртирадж Прабху был вторым уполномоченным Международного Общества сознания Кришны, заботящимся о людях, которые приняли учение Прабхупады в СССР. Идеи Святослава об организации советских преданных ему понравились, и он дал свои благословения.

Утвержденный в своих планах, Святослав стал предпринимать в этом направлении усилия и больше времени проводить в путешествиях.

— Глава 30 —

НАСЛЕДСТВО ЖАРОВА

Где-то в это время из Еревана в Днепропетровск приехал Сурен Карапетян. Этот предприимчивый человек еще до знакомства с преданными стал экспертом по нелегальному печатанию книг. Например, он подпольно издавал и продавал "Мастера и Маргариту" Булгакова.

С этого он имел не только деньги, но и благодарность сограждан. Фантастический роман Булгакова пользовался большим спросом, и знатокам ведической литературы было интересно отметить, что он перекликался с длинной историей жертвоприношения царя Дакши из древних Пуран. Этот царь, оскорбивший полубога Шиву, подобно Берлиозу, был обезглавлен. В царстве Махараджи Дакши спутниками Шивы был устроен погром, подобный беспорядкам, которые учинила булгаковская компания во главе с Воландом.

Сурен прослышал о полномочиях Святослава, полученных

от Киртираджа Прабху, и прибыл специально для встречи с ним. Армянские преданные, как мы уже упоминали, достигли некоторых успехов в сфере книгопечатания, о чем он в подробностях и рассказал Святославу, дав ему на распространение семнадцать томов "Бхагавад-гиты" в листах и без обложек. Впечатляло "благородное происхождение" книг — настоящее типографское издание; не тот "низкорожденный" самиздат, который у многих ничего кроме недоверия не вызывал. Гость также попросил фонд на книги, обещая его по прошествии нескольких месяцев вернуть. Святослав, познакомившийся с Суреном еще до заключения в игренскую психбольницу, во время своего первого визита в Ереван, доверял ему и отдал 400 рублей — все свои сбережения.

Вскоре после его отъезда появилась еще одна возможность помочь ереванцам средствами. Это было прощальное благодеяние тетки Евгения Жарова, доброй женщины, стремившейся жить настолько благочестиво, насколько хватало знаний и веры. Пережив инсульт, она лежала парализованной. Евгений, глубоко понимая, какие страхи она испытывает, с минуты на минуту ожидая прихода беспощадной незваной гостьи, страстно боролся с ее унынием и ужасом. Зычно, раскатисто он пел в ее комнате мантру Харе Кришна, и по прошествии часа пения тетка уже чувствовала себя оптимисткой, в столь безысходном положении начинала проявлять эмоции радости. И жадно слушала из его уст "Шримад-Бхагаватам". Подобно утопающему, который хватается за спасательный круг, она направляла свою веру на утверждения и описания этого священного трактата и горячо желала: "О, как было бы хорошо, если бы все, что он мне читает, было правдой!" В некоторые промежутки времени эта ее надежда перерастала в принятие ею науки "Бхагаватам" за полную истину. Тогда, хотя и находясь перед лицом смерти, она ощущала бесстрашие, действительно понимая, что

является вечной душой и никогда не умрет. В другие периоды времени, когда уверенность в непрерывности существования оставляла ее, не бояться смерти она не могла.

А Евгений сокрушался оттого, что не мог как следует накормить тетку освященной пищей. Увы, она могла принимать только жидкости. Он поил ее компотом, а потом начал предлагать Кришне глюкозу, которую ей вводили в вену. Когда до смерти осталось несколько часов, почтенная тетушка открыла Евгению, что его ждет наследство. Она призналась, что смолоду мечтала оставить наследство, и считала бы свою жизнь неудачной, если бы ничего не скопила. Квартира ее переходила к другому родственнику, Евгению же она приготовила одну тысячу рублей и сказала, что он сможет после ее смерти вступить в права и распорядиться счетом в Сбербанке. Тогда он спросил, нельзя ли использовать эти деньги для Кришны. Она задумалась.

В ее сердце было семя желания сделать для Господа что-нибудь хорошее. Ясно теперь понимая, что вот-вот уйдет, она не испытывала страха. Благодаря Евгению она верила, что просто заснет и будет какой-то период существовать в тонком теле, в том состоянии сознания, в котором мы бываем во сне. Это будет продолжаться некоторое время, пока будут готовиться условия к следующему воплощению. Прожив положенный срок без тела, состоящего из химических веществ, она, наконец, проснется в новехоньком теле младенца. Начнется новая судьба, новое участие в очередной жизни — спектакле, который ставится в театре марионеток. И кукла, которую она получит, будет расти, а она — актер-душа, будет играть этой куклой, через которую приходят страдания и наслаждения. Но следующую жизнь она хочет посвятить служению Богу, чтобы выйти из круговорота рождений и смертей и никогда в него не возвращаться. Так просветленно она думала.

От мыслей этих женщина чувствовала себя защищенной

перед неминуемым концом. Да, конечно, она даст для Кришны, даст, как водится, половину. Она слышала как-то от Евгения, что в их вере считается правильным давать на служение Богу половину заработанного. А ей хотелось перед смертью сделать все правильно, подобно тому, как правильным в жизни она считала оставить родственникам наследство. Итак, напоследок ей представилась еще одна возможность сделать праведное дело, и почтенная тетушка с чистым сердцем сказала:

— Женечка, да. Возьми для Кришны. Возьми для Него пятьсот, а другие пятьсот пусть лежат для доченьки твоей. Пусть проценты набегают внученьке милой, пока растет дитяtko.

Спустя несколько часов она умерла. Евгений с родственниками совершил по ней принятые погребальные церемонии. Но за столами на поминках он долго не сидел, лишь раздавал освященную пищу да говорил о бессмертии души. От водки отказывался, хотя убеждали всем столом и не могли унять. В какой-то момент он хотел уже было уйти, но тут вмешалась жена, принявшаяся защищать его. Она была истинной ценительницей его трезвости! К тому же кто, как не он, провел больше всех времени у кровати тетушки? Когда после двух рюмок мужчины пошли на воздух, Евгений исчез. А на девять дней он совсем не пошел, вспомнив слова Иисуса: "Пусть мертвые хоронят своих мертвецов". Вспомнил нежную душу тетки, живую душу. И помолился, чтобы она получила хорошее воплощение, в котором бы не грешила и не забывала Бога.

Скоро он смог получить доступ к наследству и, подумав, что может на время взять деньги дочери, снял со счета почти всю тысячу, оставив на книжке десятку. "А вместо процентов я сам потом положу ей на счет надлежащую сумму, — решил он. — Пусть дочкины деньги Богу служат — это будет ее личный вклад в Верховный банк". Он вручил тысячу

Святославу, который гарантировал возвращение денег максимум через год. Евгения вовсе не смущало, что тот ходит на свидания с Кейсом. Он все равно доверял ему и отдал деньги, чтобы Святослав увез их в конце осени в Ереван. Там на них напечатают книги Прабхупады, которые избавляют людей от всех страхов.

— Глава 31 —

ПОБЕГ

Между тем в КГБ Днепропетровска стало известно о трансформации миссионерской деятельности Зощенко. Поступили сведения о его проповедях в других городах. Стало понятно, что он разыгрывает в Днепропетровске пассивную трусливую овцу, а за его пределами является деятельным смелым львом. Сергею Георгиевичу Кейсу влетело за это от непосредственного начальника, однако он сумел отговориться:

— Товарищ подполковник, но он действительно остепенился! Он женился, устроился работать грузчиком и не встречался с кришнаитами в Днепропетровске. Мы же за ним наблюдали, и участковый его контролировал. Вот и оставили его в покое. Прижать-то всегда можно. И если сейчас он возобновил активную деятельность, так давайте его прижмем.

Начальник Кейса, хотя и был взбешен, все же его простил. Помнил, какую Кейс проявлял смекалку и отвагу в нескольких опасных делах. Что ни говори, но в первую очередь они были боевыми товарищами. Однако не ругать не мог:

— Сергей, но как ты допустил? А подписка о невыезде? Как это он может — разъезжать по стране? И ты ничего не знаешь? Это же такой провал! Москва, Ленинград, где еще он был? Он же челнок — книжки возит! Ты теряешь интуицию! И язвительно добавил:

— Я не удивлюсь, если он у тебя в загранку смоеся. Вот

хохмочка будет!

Они приняли решение опять положить преданного в психбольницу.

Вечером следующего дня к Святославу пришел его лечащий врач, который был крайне взволнован. Отказавшись переступить порог квартиры, он тихо сказал:

— Скорей уезжай! Немедленно! Теперь тебя ничто не спасет. Они приказали мне написать, что у тебя ухудшение. Теперь тебе грозит спецпсихбольница. Все, я ухожу. Прости!

Он трусцой побежал вниз по ступенькам, а Святослав стал думать, как защищаться от очередной атаки. "Веселенькая у меня жизнь! Переночую и рано утром — в Ригу. Сегодня — никуда, надо хорошо отдохнуть перед длинной дорогой. Кришна защитит до утра".

В квартире было душно. Гита открыла окно. Внезапно она подозвала его к себе. Во двор въезжала машина скорой помощи. Им стало понятно за кем.

— Повторяй Харе Кришна! — повелел Святослав напуганной жене. Быстро достал старческие усы и бороду, очки с широкими линзами и нацепил это все на лицо. Надел старое отцовское пальто и кепку из кожезаменителя. Положил в карманы паспорт и небольшую сумму денег. В дверь уже начали стучать, когда Святослав выпрыгивал в окно спальни со второго этажа. Расслабившись и слегка согнув в коленях ноги, он мягко приземлился с задней стороны дома. Очки перед самой посадкой грохнулись на землю, но, к счастью, не разбились. Сидеть с той стороны было опасно, и там отсутствовал проход на улицу. Требовалось еще пройти сквозь двор мимо скорой. Святослав взял брошенную женой тросточку, и улыбнувшись ей на прощанье, помахал рукой. Она пошла открывать дверь. Он быстро обогнул дом и, демонстрируя старческую походку, спокойно вышел из двора. Взяв такси, он выбрался за город, шоссе и стал ловить попутную машину. Через полчаса он уже сидел в "Колхиде",

которая неслась в рижском направлении. "Кажется, пронесло! Спасибо, Кришна, вовек не забуду!" Теща Святослава приняла его тепло:

— Умница, что навестить решил. Мы так скучаем по вам. А почему Гиточку не взял?

Тогда он рассказал о претензиях КГБ к нему и жене. Всей правды он не открыл — не сказал, что это из-за веры, так как теща не была достаточно надежной. Честность в этом случае могла бы все испортить, а совсем ничего не говорить было нельзя, так как Гита оставалась в Днепропетровске. Пришлось пофантазировать. Он сказал, что на работе появились завистники, которые хотят его сожрать. И, возможно, сотрудникам КГБ не нравится, что его жена — латышка. Ведь латышей некоторые считают почти немцами, а к немцам у КГБ особое отношение. Рута Викторовна очень обеспокоилась. Перепугавшись не на шутку, она сказала, что ему и дочери непременно нужно жить в Риге.

— Назад тебе дороги нет! Без всяких яких! Будь здесь, а Гита сама приедет. Да они и не посадят ее. У нее же в медицинской карте шизофрения проставлена. А если в психушку положат, то мы с Раймондом Гербертовичем добьемся ее перевода в Ригу. Здесь уже ее вызволим — у нас есть канал. А ты пока у нас поживи, узнаем тебя поближе.

— Это опасно, Рута Викторовна. Я у друзей поживу — здесь, в городе.

Гита приехала через месяц. Ее задержали в Днепропетровске для допросов. Она привезла деньги Жарова, которые муж, когда бежал, не мог в спешке вытащить из тайника. После ее рассказов у Святослава создалось впечатление, что КГБ оставил его в покое. Видимо, Кейс "усыпил" дело.

В Риге тогда самыми активными преданными были Рама-бхакта, Владимир Московцев и женщины — Маха-мантра и Лакшмиприя. Основатель рижской общины Вриндаван и его

главный помощник Джапа около года назад переехали в деревню Курджиново Ставропольского края, где осенью 1984 года были взяты под стражу за организацию "агрессивной" религиозной группы. Святослав и Гита встречались в Риге с оставшимися там преданными, всем кругом они любили устраивать духовные праздники и обсуждать писания. Однако Святослав чувствовал себя неудовлетворенным от одной лишь деятельности внутри группы. Он решил съездить в Ереван, планируя передать Сурену тысячу Жарова, взять партию книг и своими глазами посмотреть на все, что там происходит. Да и опыт его мог пригодиться ереванским преданным.

В ноябре Гита по просьбе Святослава отправилась в Красноярск, чтобы навестить его старого друга Экату. Тот только что освободился из заключения, поводом для которого была его вера в Кришну. Сам Святослав полетел в Ереван.

— Глава 32 — В ЕРЕВАНЕ

Картина действий преданных в Армении показалась Святославу потрясающей! Их дух тоже! Чувствовался подъем, все горели желанием распространять книги Прабхупады в огромных количествах.

Святославу очень понравился длинноволосый армянин по имени Саркис Оганджян. Этот восемнадцатилетний юноша приехал из городка Мегри и хотел остаться с преданными навсегда. В его серьезных глазах читалось сострадание, а вид всего его существа говорил об отрешенности. Еще он отличался своим смиренным поведением. Его не смущала никакая работа. Он мыл посуду, полы, туалет и чаще других выходил на улицу продавать книги.

С преданными Саркис познакомился в этом году. Несмотря на то, что был совсем новичком, учение он принял всем сердцем и безо всяких сомнений. Оно сразу стало его

жизнью и душой. Этому преданному не требовалось много времени, чтобы понять суть всей философии, и сразу после знакомства с принципами учения он занял позицию вечного слуги Кришны. Он решил посвятить все оставшееся ему время жизни миссии Шрилы Прабхупады. Никто из находящихся рядом вайшнавов не знал, что Саркису было отмеряно всего три года: в декабре 1987 в Оренбургской ИТК № 5 вследствие критического истощения организма его душа покинет эту планету.

Особенно любил он распространять священные писания. Неизменно счастливый и собранный, он доверху наполнял свою сумку книгами Прабхупады и выходил на улицу. В течение дня он по несколько раз на короткое время возвращался в квартиру, где они жили. Он выкладывал на столик перед алтарем вырученные деньги и, набивая сумку книгами, снова уходил. В соревновании по части распространения книг Прабхупады ему не было равных.

Вайшnavы, которые тогда отваживались выходить на улицы с книгами, могли, как правило, продать не больше пяти экземпляров. Но Саркис!..

— Как ты за один день пятьдесят книг продал? — спросил его однажды Армен Саакян.

— Они просто все хотели их покупать. Они раскупили две сумки.

— Как ты смог продать за день сто книг? — спросили его все в другой раз.

— Они просто все хотели их покупать. Они раскупили все четыре сумки.

Волшебник? Его друзья поражались этим чудесам, поскольку для них делать такое было невозможно. Походив с книгами по городу, они стали понимать, что существуют серьезные препятствия для распространения литературы. С одной стороны, их сковывал страх проповеди в атеистической стране, а с другой, было нелегко побудить человека купить

книгу. Нелегко, либо тоже из-за страха, либо не получалось найти ключ к сердцу покупателя.

Для Саркиса таких препятствий не существовало. Никого не боясь, он предлагал книги Прабхупады каждому, не растрачивая время на рассматривание человека сквозь "лупу гун" и на попытки понять, заинтересуется тот философией или нет. Другие же преданные вначале пытались выявить, кто перед ними. Интересуется он религией или философией? Любопытна ли ему йога? Или он чекист? Но Саркис считал, что купить книгу может любой, если, разумеется, уповать на поддержку Господа. Поэтому он всегда пребывал в состоянии духовного блаженства, порой не различая знакомые лица.

— Саркис, Саркис, это же мы, — услышал он однажды.

— Вы?

— Мы, мы. Ашот и Тигран. Не узнаешь? Из "Б" класса мы.

Он уже минуты две увлеченно рассказывал им о содержании книг, но не вглядывался в лица.

— А ребята, здравствуйте! Такие книги! Покупайте, не пожалеете! Как там в Мегри? Вы будете первыми из Мегри. Покупайте, не пожалеете! Такие книги!

Увидев Саркиса в роли продавца нелегальной литературы, его земляки немало подивились. Послушав немного его страстную проповедь, они взяли одну книгу и ушли, и в нем возникло жадное стремление сделать свой Мегри местом, где все знают Кришну. Потом он наведывался туда с писаниями, ездил и в другие районы Армении.

Ереванские преданные, да и Святослав, считали способность Саркиса распространять книги сверхъестественной. Были уверены, что это Кришна проявляет через него Свое божественное влияние и воодушевляет из сердца покупать книги тех, кто с ним встречается. Успех Саркиса был вызван его крайне смиренной позицией по отношению к Кришне и окружающим людям,

откуда вытекала чувствительность к поучениям Господа. Научившись удерживать должное умонастроение, этот преданный пребывал в мистическом духовном процессе, предоставив Кришне возможность действовать через себя. Верховный Господь с позволения Саркиса занимал его чувства, ум и речь в преданном служении Себе. Через него Бог освобождал жителей Армении от материальных страданий, давая им книги Своего посланника Прабхупады.

Святослав думал: "Когда в обществе преданных есть вайшнав, который ведет себя кротко и распространяет много священных книг, тогда его сподвижники завораживаются красотой и чистотой его служения и испытывают сильное желание сделать для Кришны что-то серьезное. Пребывание рядом с Саркисом дает ереванским преданным возможность впитывать через общение с ним его смелость, решимость, целеустремленность, веру в утверждения писаний и преданность Богу".

Друзьям он напоминал героя Пуран Прахладу, пятилетнего мальчика, которого воинствующие атеисты пытались убить много раз, впрочем, впустую. Часто задерживая армянского Прахладу, милиционеры запрещали ему распространять книги и угрожали расправой — заточением в тюрьму или психбольницу.

— Перевоспитаем, слушай, — обещал миловидный полный капитан МВД, Саркис попадал к нему многократно. — Я сбился со счета, Оганджян. Почему ты обещаешь не торговать книгами, но торгуешь? Ты беспокоишь, понимаешь? Ты надоел, слушай, завтра же закроем. Кончай торговать и в армянскую церковь иди. Не слушаешь — закроем. Клянусь!

Всегда повторялось одно и то же — сраженные его смирением и чистотой, убаюканные его мягким отношением, работники МВД отпускали Саркиса. Однако он, руководствуясь высшим принципом сострадания, опять и

опять шел продавать книги. Про себя он благословлял милиционеров за то, что в очередной раз они еще не забрали его насовсем. "Есть еще время для освобождения людей из сетей бесперспективной философии материализма", — думал он и снова уходил на улицы. Он всегда предполагал, что его рано или поздно схватят и уже не выпустят. Он всегда был к этому подготовлен.

Видя его нестигаемость, веря, что это Кришна во всем помогает ему, преданные избавлялись от всех тревог. Некоторые даже думали: "Кто знает, может быть, он — освобожденная душа, посланная Кришной, чтобы своим примером развить в нас веру в Господа?"

Познакомившись с Саркисом и течением дел в Ереване, Святослав испытал сильное воодушевление: "О Кришна! Пока я был заточен, пока были заперты другие, Ты привел в Движение новых преданных, да еще и таких, как Саркис! Все время находятся те, кто поддерживает эту миссию санкиртаны! И их становится все больше! Огонь в очаге дома Прабхупады не гаснет! Огонь в светильнике его храма целого мира полыхает! И не потухнет никогда!"

— Глава 33 —

СВЯТОСЛАВ РАСКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ

Во время своего пребывания в Ереване Святослав дал преданным массу полезных советов и провел несколько программ. Однажды вечером, когда все по традиции пили горячее молоко, он решил передать ереванцам часть своего опыта пребывания в психбольнице. И стал рассказывать им о действенном способе симулирования таблетко-глотания:

— Избежать приема лекарств было легко лишь в том случае, если их давали на руки и говорили что-нибудь вроде: "Примешь после еды". Тогда выбросить их не составляло труда. Но медсестры были не просты и часто заставляли нас

принимать таблетки на их глазах. Потом они приказывали нам широко открывать рот, желая убедиться в том, что таблетки попали внутрь, а не спрятаны где-нибудь под языком. И все же меня научили держать медсестер в иллюзии, даже когда они внимательно изучают мой рот.

Однажды в киевской психбольнице я встретил довольно разумного молодого человека, одетого в больничную пижаму. Через несколько минут выяснилось, что этот "больной" — преданный. Услышав мои жалобы на насильное пичканье таблетками, неизвестный вайшнав успел дать мне очень важные наставления. Для вашего блага, слушайте: "Ты должен постоянно сушить полость рта, дышать ртом и спать на спине с открытым ртом. И когда тебе дадут таблетку и ты попытаешься ее проглотить, она прилипнет к высушенному горлу. Сестры заставят тебя открыть рот и, увидев, что таблетки нет, подумают, что ты ее проглотил. Они отпустят тебя, а ты потом покашляешь: "Кхе-кхе!" и выплюнешь таблетку в унитаз".

Я поблагодарил неизвестного вайшнава за совет, и мы расстались. К сожалению, больше мы никогда не встречались. А его появление в больнице было удивительным, потому что первых преданных в СССР была лишь горстка, и мы очень хорошо друг друга знали, так как часто путешествовали. Никогда раньше я его не встречал и позже никогда не видел. Кто же это был?

Он закончил.

— Я не боюсь попасть в тюрьму или психбольницу, — поделился один из ереванцев. — Я боюсь другого. Вдруг меня уколут чем-нибудь, и я выложу им имена вайшnavов? Что делать?

— Молиться Кришне. У них есть очень сильное средство, предназначенное для отвратительно некорректного дела. Называется оно амитал-кофеиновая кислота. Я знаю, прямо в одно время со мной в киевской больнице лежал преступник,

который скрывал важные сведения. Они ему развязали язык этим препаратом, а название его я узнал потом от одного друга-психиатра. Это так называемое амитал-кофеиновое растормаживание вызывает "продукцию" — мысли, идеи, которые рождаются в уме человека, скажем, бред или утаиваемую информацию. То есть человек выдает наружу то, что у него спрятано глубоко в сознании, за семью печатями. Поэтому нужно молиться Кришне, чтобы либо врачи не использовали этот препарат, либо, если все же станут использовать, чтобы Господь не дал языку развязаться.

— Слушай, а почему психотерапевты пляшут под дудку милиции? — спросил Святослава другой преданный.

— Как-то мне объяснял это тот же самый врач, который об амитал-кофеине рассказал. Психиатрам без помощи МВД, ФСБ или КГБ бывает непросто деактивировать человека из социальной среды. Особенно когда у него криминальная направленность. То есть, когда он психически болен и при этом опасен для окружающих, то есть, когда он способен совершить преступление. Психиатр — не оперативник, не может силой увозить такого больного, да и вряд ли заставит себя ехать к нему. У психиатра, в конце концов, своя жизнь, часто есть семья. По этим причинам существует естественное сотрудничество психиатрии и служб безопасности, или, как назвал это мой друг, — смычка психиатрии с этими структурами. Он утверждал, что любая психиатрическая клиника пользуется помощью органов безопасности, потому что в некоторых случаях просто не может без этой помощи обойтись. Но чаще наоборот. Бывает, милиции требуется помощь психиатра, чтобы выявить, на самом ли деле болен уголовник или же тот, кто неугоден по политическим и идеологическим мотивам. И не только это им бывает нужно, нужно и использование врачами различных препаратов в отношении пациентов больниц и обитателей тюрем. С одной стороны, это нужно, чтобы испытать эффект воздействия на

людей медицинских изобретений, а с другой, чтобы переубедить этих людей в чем-то, то есть заставить принять что-то или отказаться от чего-то. Так называемые воспитательные меры с воздействием на свободную волю человека. И поскольку преданных Кришны или каких-нибудь диссидентов причисляют в государстве к политическим преступникам... желают их пытать, подавляя их убеждения, им приходится испытывать это все на себе. Так говорил мне врач. И подводил итог: "В некоторых случаях мы без них не можем, и в некоторых они без нас не могут. Но, к сожалению, силовые структуры этим злоупотребляют. Используют психиатрию в целях изоляции граждан, мыслящих иначе, чем это угодно правящему классу, и в качестве инструмента, которым карают".

Услышав рассказанное своим старшим духовным братом, армянские преданные почувствовали себя намного защищеннее перед возможными акциями КГБ. Они тогда не были полностью уверены в том, что уже в следующем году многим из них это пригодится. Святослав, подобно мудрецу Нараде, пришел подготовить их к предстоящим испытаниям — преследованиям Комитета и пыткам.

В целом он почувствовал, что ситуация в Ереване располагает к тому, чтобы печатать там еще больше книг. Поэтому стал горячо убеждать Армена, Карена и Сурена увеличить масштаб книгопечатания. Они обещали увеличить, говорили, что сами этого хотят. И они знали, что того же желает их гуру.

Несколько десятков книг, взятых в Армении, Святослав привез в Ригу на радость любителям самоосознания. Это дало, как обычно, свои всходы — новые люди стали вегетарианцами, начали повторять мантру и становились счастливее. Движение сознания Кришны развивалось.

Отдавая все силы проповеди учения Прабхупады, он продолжал свою духовную деятельность в Риге и других

городах. Впереди его ждала вечная жизнь, разнообразная деятельность, которая никогда не прекратится. Святослав был уверен в своем бессмертии. Всю последующую жизнь, без остатка, он собирался посвятить преданному служению Господу Кришне. Лучшего способа служения человечеству он не видел.

Таков рассказ об этом необычном человеке, который пережил и свершил много такого, чего не пришлось испытать и сделать многим из нас. Говоря ему: "До свидания!", автор склоняет перед ним голову.